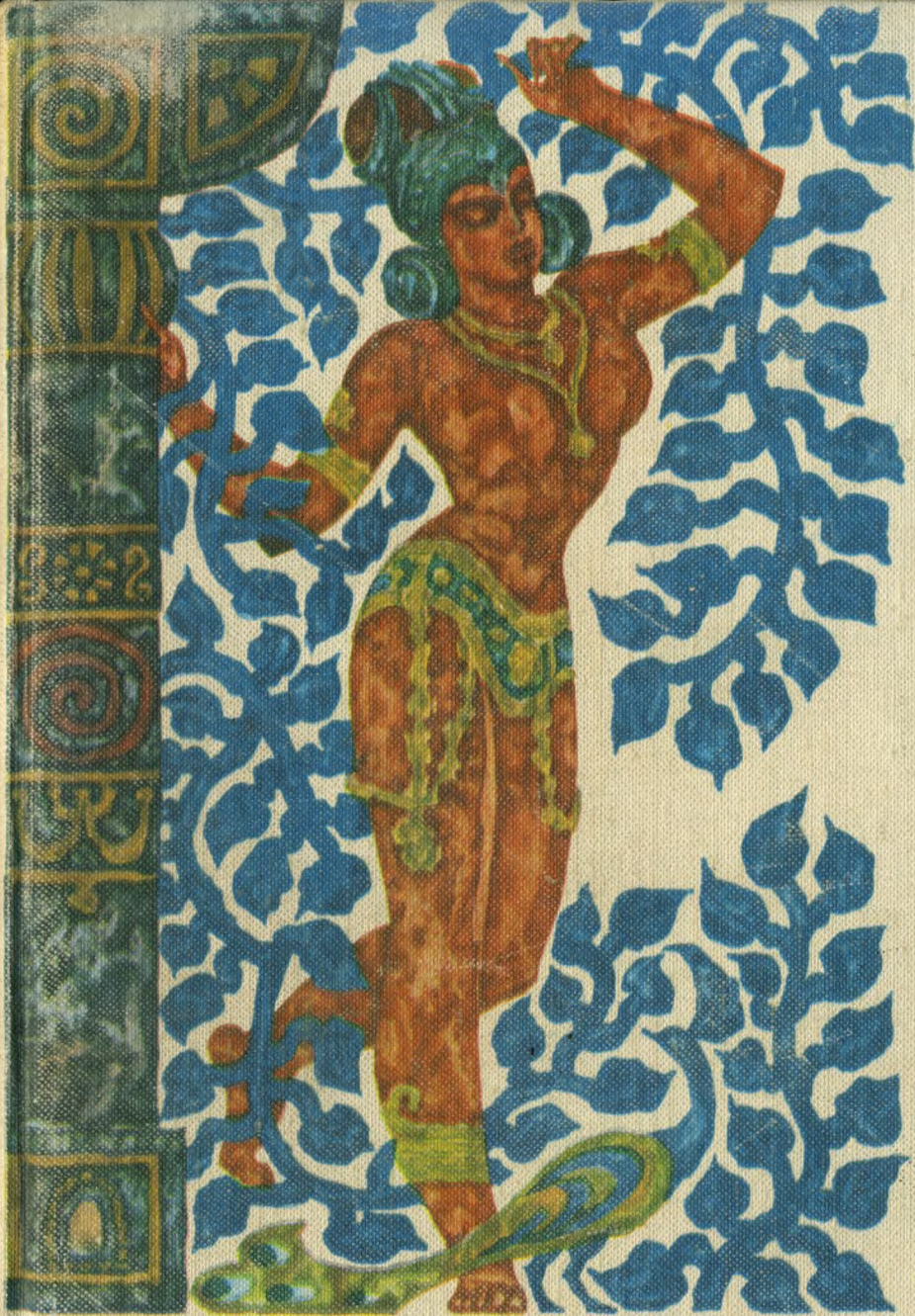

КАЛИДАСА

МОСКВА·ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА·1974

КАЛИДАСА

ИЗБРАННОЕ

ДРАМЫ И ПОЭМЫ

ПЕРЕВОД
С САНСКРИТА

И (Инд)
К 17

Перевод С. Липкина

**Составление, подстрочный перевод,
вступительная статья и примечания
Б. Захарина**

**Художник
А. Скородумов**

© Издательство «Художественная литература», 1973

К $\frac{0734-171}{028 (01) 73}$ 203-73

КАЛИДАСА И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Из темных глубин индийской истории волны времени выплеснули имя: Калидаса — и ничего более, кроме трех десятков приписываемых ему стихотворных и прозаических произведений, среди которых есть несколько, вошедших в золотую книгу индийской литературы. Но в стране, где истари правят Миф и Ритуал, где неразделимы Поэт и Подвижник, где наделенное необыкновенной творческой мощью Слово способно рождать бесконечное разнообразие мира или — напротив — низводить его к изначальной капле творения, в такой стране четыре эфемерных слога: Ка-ли-да-са — не могли не обрести плотью легенды. Столь характерное для древнеиндийской культуры ложное этимологизирование, проявляющееся в стремлении осмыслить любые звучания, наполнить их значениями, — пусть вымышленными! — повязать путами ассоциаций, мифологических параллелей, литературных реминисценций и аллюзий, населить яркими поэтическими образами, наделить необыкновенными свойствами, послужило истоком мощной и доныне живой фольклорной традиции, сложившейся вокруг имени великого поэта. Все разновидности псевдобιοграфических описаний, вымышленных «преданий» и безымянных сочинений о жизни Калидасы основываются на изначальном расщеплении имени поэта на два наделенных значением компонента: «Кали» — имя грозной темноликой богини, повелительницы потусторонних сил, и «даса» — «зависимый, раб». Рассказывают эти фольклорные произведения не о том, какова была жизнь поэта, но о том, какой она могла быть. Вот один из наибо-

лее распространенных сюжетов вымышленных преданий о жизни Калидасы.

В бедной семье, принадлежавшей к касте пастухов (по другой версии той же истории, Калидаса был брахманом по рождению, отданным на воспитание в пастушескую семью), подрастал мальчик. Нелюдим, заика, более привычный к мычанию коров, чем к человеческой речи, широкоскулый и темнокожий, а следовательно, в соответствии с североиндийскими канонами красоты,— некрасивый, он был самым тупым и нерадивым среди учеников, обучавшихся грамоте у деревенского жреца: мало того что он, несмотря на все старания наставника, не умел прочитать или запомнить ни одного лаконичного изречения в стихах, он из-за своего косноязычия и скудоумия не мог даже повторить читаемого учителем. Изгнанный рассерженным жрецом, преследуемый и дразнимый всеми мальчишками, он бежал на окраину деревни в стоявший на отшибе храм богини Кали. Мрачный, темный, как сама богиня, храм, вокруг которого на столбах догнивали остатки принесенных в жертву козлов и баранов, а земля была обильно полита черной кровью жертвенных петухов, отпугнул преследователей, юный же пастух вошел в храм и остался в нем до наступления темноты. Простершись перед изображением богини, мальчик молил ее либо прекратить его существование, либо наделить его умом и памятью. И Кали явила милость: представ юному пастуху в облике женщины, беспрестанно меняющей внешность, она обещала ему свое пожизненное покровительство, взамен же потребовала вечной преданности ей, Кали, Матери человечества. Просветленный богиней пастушонок поспешил домой и всю ночь до рассвета перелистывал страницы неизвестно откуда взявшихся мудрейших санскритских сочинений по религии, философии, истории, праву, поэтике, литературе и т. п.,— к утру все просмотренное чудесным образом запечатлелось в его памяти. Когда родители и пришедший к ним жаловаться на ученика деревенский жрец вошли в комнату, навстречу им поднялся прекрасный юноша и, приветствовав их сладкозвучными санскритскими стихами собственного сочинения, поведал о

происшедшем. Потрясенные родители и жрец, склонившись перед ним, нарекли его новым именем: Кали-даса, Раб Кали.

Существуют и другие легенды. Во всех них имеются настойчиво повторяющиеся элементы. Так, прежде всего следует отметить мотив отверженности и «нечистоты» («черноты») поэта, — возможно, это лишь разновидность универсального мифа об отверженном герое, но, быть может, отражение некоторых социальных конфликтов: свидетельство о низкокастовом или даже неарийском происхождении Калидасы, благодаря исключительным природным способностям и полученному самостоятельно (второй повторяющийся элемент) образованию добившегося почетного места в сословной пирамиде. Наконец, последний (связанный с первым), очень важный повторяющийся элемент: очевидная причастность Калидасы, как явствует из самого имени (или — псевдонима?) поэта, к поклонению Шакти, супруге бога Шивы, воплощающей универсальную энергию Абсолюта, или же — что вероятнее — принадлежность Калидасы к одной из шактистских сект шиваизма. Косвенные подтверждения этого имеются и в самом материале художественных произведений, бесспорно приписываемых поэту; все, без исключения, пьесы Калидасы открываются гимнами-мотивами в стихах, славящими Шиву; одна из двух больших поэм, а именно «Рождение бога войны», является, в сущности, пересказом известнейших шиваитских мифов; что же касается «Рода Рагху», представляющего собой описание жизни царей из рода Рагху, находящегося под особым покровительством бога Вишну и включающего в свой состав гимны-восхваления Вишну, то вступление и к этой поэме, начинающееся словами: «Вас, Прародители Живого, Я славлю, Шива и Парвати, слиянные, как мысль и слово», — не оставляет сомнений в том, что именно Шива с супругой — воплощением его творческой мощи (называемой Сати, Ума, Парвати, Гаури, Кали и многими другими именами) есть для Калидасы наивысшее из божеств.

Все предпринимавшиеся до сих пор попытки научно-исторического исследования биографии Калидасы покоятся на том же зыбком фундаменте семантических реконструкций и домыслов, что и традиционные апокрифы. При этом

отчетливо проявляются две тенденции: большинство индийских и часть западных ученых стремятся отодвинуть даты жизни и творчества поэта в возможно более глубокую древность; для основной же массы западных и некоторых современных индийских ученых, напротив, характерно желание «приблизить» Калидасу к нашим дням. Наиболее распространенными и обоснованными являются две теории, одна из которых связывает Калидасу с жившим в I веке до н. э. уджайнским раджей Викрамадितтей, основателем новой системы летосчисления; другая — с царем Чандрагуптой II (IV—V вв.), нареченным при восшествии на престол Викрамадितтей. Основным отправным пунктом для обеих гипотез служит слово «викрама» («мужество, мужская сила, мощь, доблесть», а также мужское имя собственное), являющееся одним из компонентов санскритского названия пьесы Калидасы «Мужеством завоеванная Урваши», а подкрепление этим гипотезам находят в анализе собственных имен персонажей и сюжетных ходов в различных произведениях великого поэта.

Наиболее убедительной представляется теория, связывающая Калидасу с правлением Чандрагупты II Викрамадити (IV—V вв.), однако в целом диапазон возможных датировок времени жизни поэта колеблется от шестисот (I в. до н. э.— V в. н. э.) до двух тысяч (VIII в. до н. э.— XI в. н. э.).

Но, может быть, сами произведения Калидасы могут сообщить нам что-то о жизни поэта. К разочарованию потомков, Калидаса был необыкновенно скромным человеком: в отличие, например, от жившего немного позднее Бану, который целые главы своих романов посвящал подробному повествованию о божественном происхождении основоположников своего рода, великий поэт не приводит в своих драмах и поэмах никаких биографических сведений и даже творческий гений свой характеризует с крайней степенью самоуничижения (не исключаяющего, впрочем, и некоторой иронии):

Как расскажу о детях Солнца? — Ничтожный дар достался
мне!
Иль бурный океан задумал я в утлом переплыть челне?

И здесь остается лишь строить догадки. Так, особая нежность, с которой Калидаса описывает в «Облаке-вестнике» красоту княжества Аванти и его прекрасной столицы Уджайна или соседствующей с Аванти области Дашарна и города Видиши, избранного местом действия пьесы «Малявика и Агнимитра», позволяет предположить, что Калидаса провел большую или лучшую часть своей жизни именно в этих краях Центральной Индии. Но столь же любовно рассказывает поэт о добыче жемчуга на Цейлоне; о напоенных ароматами гвоздичных деревьев ветрах, дующих с Малабарского берега,— снимающих усталость, сушащих пот на челе истомленных любовников; о водных потоках, разбежавшихся по скалам хребта Виндхья, подобно складкам на шкуре слона; о кокосовых пальмах Восточной Индии; об обольстительных, словно баядерки, реках: Реве, Ветравати, Нирвиндхье; о пенистой Ганге в районе Хардвара; о пожаре в горах, возникшем от трения стволов деодаров (гималайских кедров); о кашмирских плантациях шафрана; о белых, будто хохот Шивы, ледниках Гималаев и о многом другом,— кажется, вся Индия проплывает пред взором Калидасы, как бы любующегося ею с борта несомой ветром «воздушной колесницы». (Кстати, описание полета и приземления воздушной колесницы царя Душьянты в последнем акте «Шакунталы» поражает точностью чисто технических деталей, доступных, казалось бы, лишь современному пилоту!)

Калидаса, безусловно, много странствовал и хорошо знал свою страну. Мотив пути и движения — один из самых постоянных во всех его произведениях (исключением является лишь статичная «Малявика и Агнимитра»): путники, истомленные летним зноем и тоской по покинутым любимым, топчут грудь земли в жаркий сезон («Времена года»); они же с приходом муссона торопятся домой к женам («Облак-вестник»); мягко катится по лесной дороге колесница, везущая царя Дилипу и царицу Судакшину к отшельнику Вашиштхе посоветоваться о причине отсутствия потомства у царской четы («Род Рагху»); стремительно мчится колесница Пурураваса, догоняющего демона, что похитил красавицу апсару Урваши («Мужеством завоеванная Урваши»), и ко-

лесница царя Душьянты, преследующего лань на охоте, несется быстрее ветра («Шакунтала»); гудит земля при движении войск Рагху, выступившего в поход на завоевание всех восьми сторон света («Род Рагху»); посадив впереди себя возлюбленную Парвати, несется на горбатом быке Нанди бог Шива, покоряя небесные и земные пространства («Рождение бога войны»); словно боевые слоны в атаку, мчатся по небу грозовые тучи в сезон дождей, и разбухшие от обильных вод реки торопятся на свидание с океаном («Времена года»), — все, живое и неживое, несет этот неудержимый поток бытия, в который с жадным и пристальным вниманием вглядывается Калидаса — вечный странник, сам несущийся в этом потоке.

«Все реки стремятся к единому морю» — это древнее изречение, призывающее к веротерпимости, могло быть девизом для Калидасы: будучи сторонником одного из шиваитских направлений в индуизме, поэт не был ортодоксом: в его произведениях не сыщется и слова хулы или ненависти к представителям других религиозно-философских учений. Напротив, приверженцы всех религий в мире и согласии сосуществуют на страницах его книг. Более того: при том, что для Калидасы, как для всех людей того времени, вера составляла высшую цель, ее постулаты не казались поэту цепями, сковывавшими земное бытие и оставлявшими открытым лишь путь в потусторонние сферы. Вера Калидасы — земная, преисполненная страстей, сомнений, страданий и радости; даже в лесной обители отшельников, даже в пораженном скукою небесном скиту Кашьяпы — всюду звенят девичьи голоса и детский смех, всюду буйствует жизнь. «Как величава, как обворожительна земля!» — в восхищении восклицает колесничий богов Матали, мчащийся царя Душьянту по небесным просторам. Сами боги ищут помощи земных царей: Пурураваса и Душьянты, а небожительница Урваши предпочитает соединение с земным любимым небесным уладам в раю Индры. Отметая все сомнения подруги Урваши относительно возможностей счастья на земле, царский шут Манавака, любящий спокойную жизнь и сытную еду и при всем том обладающий острым умом и здравым смыслом, уверенно замечает: «Есть о чем

тосковать! Там, на небе, не пьют, не едят, и небожители смотрят по-рыбьи выпученными глазами!» Всякие издержки веры, всякий аскетизм и всякая распущенность — любое пренебрежение долгом в данном существовании ради призрачных благ грядущих, по-видимому, чуждо Калидасе и не находит места в его творчестве.

Даже законы кармы, этой основы всех религиозно-философских учений Индии, интересовали Калидасу куда меньше, чем торжество земной справедливости. Поэт ведь не мог не знать, что в соответствии с законами кармы возмездие за совершенные человеком проступки или намерения совершить их, как и воздаяние за добрые дела и помыслы, реализуется лишь в следующих рождениях, определяя *будущее* счастье или *будущее* страдание. Герои же Калидасы проходят через горнило страданий в настоящем: терзается царь Дилипа, не имеющий потомства; несчастна царица Малавика, оказавшаяся на положении служанки; потерял рассудок от горя царь Пуруравас, лишившийся возлюбленной Урваши; мучаются разделенные Душьянта и Шакунтала; страдает якша, гневом своего повелителя — бога богатств Куберы — разьединенный с любимой женою. Отсюда — характерная для Калидасы тема Судьбы и Заключения, низвергающих душу человеческую в пучину горя с тем, чтобы впоследствии вновь вознести ее, очищенную, к высотам счастья. Отсюда же — фольклорный мотив волшебного средства, некоего талисмана, воплощающего волю надчеловеческих сил, разлучающих или соединяющих героев. Так Урваши, войдя в священную рощу бога войны Кумары, девственника и женоненавистника, превращается его проклятием в лиану, растущую на опушке, и, таким образом, разлучается с Пуруравасом (как раньше была соединена с любимым заключением святого Бхараты и повелением царя богов Индры); найдя «талисман соединения» — след алой ножки су-пруги Шивы, богини Гаури, превратившийся в чудесный «солнечный камень», — Пуруравас воссоединяется с Урваши, но счастье их недолго: коршун похищает из дворца связывающий влюбленных талисман; Айуш, убивший стрелой коршуна и вернувший царю талисман, является вестником

и счастья, и новых страданий,— ведь волею Индры Урваши может оставаться с Пуруравасом лишь до тех пор, пока тот не узрит их сына, Айуша; наконец, Индра, которому Пуруравас необходим для будущих сражений с демонами, окончательно соединяет Урваши с Пуруравасом, видоизменяя свое прежнее решение: «...Урваши, пока ты жив, пребудет твоей верной подругой и помощницей в исполнении долга». В санскритском тексте драмы слова эти неоднозначны и предполагают, по крайней мере, тройное понимание: 1) «пока с тобой твой сын Айуш»; 2) «пока в тебе есть жизненные силы»; 3) «пока с тобой твоя мужская сила». Подобным же образом в «Шакунтале» движение сюжета,— через разлуку к воссоединению,— предопределяется отсутствием-наличием кольца-оберега, подаренного Душьянтой Шакунтале, что нашло отражение и в символике названия пьесы: санскритское слово «абхиджняна», составляющее один из компонентов заглавия («Абхиджняна-Шакунталам» — «О признании Шакунталы»), означает не только «признание, узнавание», но и «то, на основании чего признают, памятный знак»,— в данном случае — «перстень-примета», подарок Душьянты. Снедаемая любовной тоской Шакунтала не оказывает должного гостеприимства пришедшему в скит отшельнику Дурвасе, и тот проклиная ее; Шакунтала роняет в реку памятный перстень; царь Душьянта не узнает ее и прогоняет прочь. Позже кольцо благодаря рыбаку, вспоровшему брюхо пойманной рыбе, вновь попадает к Душьянте, который тотчас же вспоминает отвергнутую Шакунталу. Наконец, боги, довольные службой Душьянты, устраивают встречу любящих супругов в райской обители святого Кашьяпы, куда Шакунтала вместе с сыном Душьянты Бхаратой была доставлена ее матерью, небесной девой Менакой. Душьянта пытается было в знак примирения вернуть кольцо Шакунтале, но та отказывается, ссылаясь на его зловещую роль в их разлучении; в конце концов перстень остается у царя. Сходные построения, хотя и менее последовательно проводящие тему волшебного средства, обнаруживаются и в двух больших поэмах Калидасы — «Рождение бога войны» и «Род Рагху».

Современному читателю мотивация поведения героев предопределением свыше может показаться неубедительной, а обилие чудесного в произведениях поэта — чрезмерным. Не надо, однако, отрывать Калидасу и его творчество от современных поэту эстетических представлений. На фоне этих представлений «мотивация через чудесное», введенная Калидасой, оказывается не только условным приемом, блистательно примененным автором, но и особой творческой позицией, определяемой гуманистическим мировоззрением поэта. Ведь Калидаса, будучи — как это явствует из его сочинений — необыкновенно образованным человеком, начитанным и в Ведах, и в Упанишадах, и в Брахманах, и во всевозможных трактатах, и даже в Пуранах, этих, по определению брахманской ортодоксии, «Ведах для низких и женщин», не мог не знать, что царь Душьянта (в соответствии с историей, первоначально изложенной в «Махабхарате», великом эпосе Индии) отверг Шакунталу отнюдь не по причине утраты памяти, вызванной потерей кольца, а попросту отрекся от нее; лишь грозный глас небес принудил его принять жену и сына и признать их своими. Точно так же, в соответствии с более ранними версиями мифа, Урваши рассталась с Пуруравасом не на короткое время и не по воле Судьбы, а — в известной мере — по собственному желанию; в ответ же на слезные мольбы и просьбы воротиться Урваши недвусмысленно заявила Пуруравасу, что не воротится и что впредь не следует ему верить любовным клятвам коварных женщин. Все это было, разумеется, известно Калидасе. И, думается, не столько требования тогдашней эстетики, запрещавшей элементы трагического на индийской сцене, но главным образом человеколюбие великого поэта и его природный оптимизм предопределили соответствующие изменения в драматической трактовке известных сюжетов.

Из трех задаваемых традицией целей и составляющих человеческой жизни: «камы» — мира чувств и эмоций, «арти» — прагматической заботы о хлебе насущном, об экономической основе существования, и «дхармы» — сферы религии и философии, индивидуальной и общественной этики,—

Калидасу более всего привлекала «самая нижняя», по классификации ученых-брахманов, и самая земная, свойственная всякому живому существу и царящая везде в природе, — «кама». Что касается четвертой цели бытия — «мокши», понимаемой как избавление индивидуального «я» от уз перерождений и слияние его с абсолютным «Я», — учение о которой было разработано поздними схоластами, — то для Калидасы, как мы убеждаемся из его произведений, всякая абстрактная метафизика не представляла непосредственного интереса.

Нельзя сказать, что вопросы «артхи» и «дхармы» совершенно не занимали Калидасу: живо интересуясь благосостоянием государства и общества, поэт, подобно Платону, мечтает об «идеальном властителе», мудрость которого позволила бы осуществлять в нем самом и во вверенных ему подданных гармонию «камы» и «артхи», подчиненных «дхарме». Образ такого «царя-святого» Калидаса ищет в прошлом, в ушедшем «золотом веке»: современность, вероятно, не оставляла много поводов для надежд. В этом смысле примечательна поэма-хроника «Род Рагху», — основоположник династии, царь Дилипа, предстает перед читателем (и Калидасой) именно таким идеальным царем. Прекрасный, словно «луна в молочном океане», всех одолевший «силой правой», «он при учености был мудрым, при мудрости он был красивым, при красоте он был бесстрашным, а при бесстрашии — счастливым». «Взимал он с подданных налоги для их же собственного блага», и те, «хоть были от отцов зачаты, — лишь в нем увидели отца!». Дилипа щадил врагов, изгонял предателей, полностью покончил с воровством и, принося обильные жертвы богам, а взамен получая обильные дожди и, следовательно, хороший урожай в своем простиравшемся от океана до океана царстве, пекся лишь о благе других. «Судил он — чтоб карать виновных, женил он — чтоб рождались дети. Но превращал он в Долг и Веру дела обыденные эти». Подобным же образом описывается и правление потомков Дилипы, однако последняя песнь поэмы рисует перед нами совсем иную картину: позабывший о благе подданных, лишь в редких случаях приветствующий

их ногой, выставленной из дворцового окна, легкомысленный и распутный царь Агниварна предается грубым чувственным удовольствиям и, погрязнув в безверии и пороке, умирает, не дождавшись рождения сына. Извечная проблема: Любовь и Долг — получает у Калидасы вполне определенное решение, — все радости «камы» должны быть в конечном счете подчинены «дхарме», и счастлива лишь любовь нравственная. Идеальным воплощением этого союза «камы» и «дхармы» является для Калидасы семья, представляющая собой единство прекрасных душой и телом супругов, живущих в мире, согласии и счастье, наслаждающихся физической и духовной близостью и рождающих детей — продолжателей рода. Поэтому во всех произведениях Калидасы воспевается лишь супружеская любовь. Чрезмерная сосредоточенность на «каме» при пренебрежении к «дхарме» у героев Калидасы заставляет их страдать, обретение же счастья связывается с восстановлением нарушенного равновесия и, как правило, с рождением потомства. Наказанный за пренебрежение долгом ради страсти, царь Дилипа искупает вину беззаветным служением и добывается права на рождение сына, то есть — на счастье («Род Рагху»). Ревность Урваши и эгоистическая поглощенность Шакунталы отношениями со своим милым приводят к разлуке и терзаниям любящих, счастье же заключается в упрочении семьи: в воссоединении любящих мужей и отцов с любящими женами и сыновьями.

Интересом к политическим («артха») и нравственно-правовым («дхарма») проблемам и установлениям объясняются многие эпизоды из произведений Калидасы: так, например, наряду с рассуждениями об идеальном правителе в «Роде Рагху» и сценой царского суда в «Шакунтале» можно упомянуть эпизоды, относящиеся к военной кампании против царя Видарбхи в «Малявике и Агнимитре»; изображение допроса стражниками рыбака, схваченного с царским перстнем, в «Шакунтале», и даже могущую показаться читателю наивной, но в действительности не лишенную правового обоснования, хотя и написанную с известной долей иронии, сцену, в которой царь Пуруравас, держа в руках лук и стрелы, раз-

мышляет о своем праве убить коршуна, утащившего «талисман соединения» («Мужеством завоеванная Урваши»).

И все-таки, при том, что Калидаса приемлет традиционную иерархию ценностей (задаваемая «мокшей» «дхарма» предопределяет «артху» и «каму»), как и сами традиционные установления — в том числе такие, как многоженство; наследование по мужской линии, лишаящее женщин всяких прав; кастовая система с ее непоколебимым принципом «каждому — свое» и прочие, и при том, что беспредельному разливу человеческих чувств в его произведениях препятствуют пусть едва видимые, но существующие берега «дхармы», — все-таки не «дхарма», а именно «кама» безраздельно царит в его творчестве! Вооруженный цветочным луком бог эротического желания Кама, чьи любовные стрелы разят без пощады и людей, и животных, и птиц, и горы, и доли, и реки, и облака, и деревья, и духов подземного мира, и бесплотных существ, обитающих в воздушных сферах, и богов, и небожителей, и святых мудрецов, — бродит по страницам книг Калидасы и является подлинным героем его сочинений. Описание зарождения и развития страсти, проходящей через испытания, укрепляющейся в преодолении помех и завершающейся счастливым соединением любящих сердец, составляет основу содержания всех трех пьес Калидасы и многих песен обеих его эпических поэм. Вариант той же темы: томление двух любящих душ, разлученных волею Судьбы и тянущихся друг к другу, — представлен и в «Облаке-вестнике». Наконец, во «Временах года» великолепные описания индийской природы, меняющей облик от сезона к сезону, переплетаются с картинами смены человеческих чувств и переживаний, развивающихся в полной гармонии с чередованием времен года: жара угнетает людей и природу, сезон дождей пробуждает их творческую силу, холодные времена года сводят ее на нет, а весна возрождает все для новой жизни и цветения. В полном соответствии с традицией, согласно которой человек — «сын природы» и «равный среди равных» (в отличие от западных представлений о нем как о царе природы), жизнь человека и его красота сливаются в творчестве Калидасы с активностью и очарованием при-

роды в неразделимый образ. Дующий с Малабарского берега ветер, что брызжет влагою на лиану «мадхави» и колышет ветви жасмина, побуждая его к пляске, подобен куртуазному любовнику, ухаживающему за прекрасными дамами; капризы наполненных соками деревьев подобны причудам беременных женщин: ашока не желает расцветать, пока ее ствола не коснется ножка молодой женщины; лунный свет, пробивающийся сквозь тучи, словно пальцы любимой, откидывающей темные локоны с милого лица; облако, разукрашенное золотыми полосками молний,— царский балдахин; усыпанные цветами ветви дерева, раскачиваемые ветром,— опахала; павлины, издающие резкие крики по случаю начала сезона дождей,— придворные поэты; горные склоны, звенящие потоками воды,— шумливые горожане. И над всем властвует пятистрелый Кама: на млечно-белых волнах облаков возлежит Месяц со звездой Рохини, любимую супругою, как Шива с Парвати на покрывалах, подобных белизною лебединому крылу; сладострастная ветреная пчела перелетает с цвета ашоки на бутон жасмина, с соцветья кесары на венчик лотоса и вьется-кружится над лицом красавицы, спеша испить нектара ее губ; все переполнено соками жизни, все томится, наслаждается, бьется, сливается в любовной истоме, воспроизводя самое себя,— ведь «кама» присуща всему, это — то единственное, что объединяет мир людей с мирами других живых существ, с миром неживой природы и даже с миром богов. Не потому ли из восьми чувств («раса»), разрешенных для поэзии древнеиндийскими эстетическими трактатами, именно «шрингара-раса», чувство любви, доминирует в творениях Калидасы, необыкновенно остро ощущавшего единство всего сущего?

В Индии мало поэтов, равных Калидасе по силе и тонкости изображения красоты природы, людей, человеческих чувств и отношений. Калидаса велик и как знаток человеческих характеров, в воспроизведение которых он внес элементы динамики, не свойственной писавшим до него поэтам. Яркие образы его героев, особенно женщин: предусмотрительная Дхарини, решительная Иравати, нежная Малявика, пылкая Урваши, преданная и отважная Шакунтала,—

а также и мужчин: справедливый и самоотверженный Дилипа, смелый Рагху, мужественный Пуруравас, безвольный Агнимитра, честный и бескорыстный рыбак,— надолго остаются в памяти читателя. Совершенство языка, стиля, образных средств Калидасы не нуждается в комментариях: насыщенные образами «прекрасные изречения» поэта утверждены традицией как образцы поэтического мастерства, многие из них стали «крылатыми словами», пословицами, всем известными афоризмами.

Сложная и разветвленная, имеющая необычайно долгую — в сравнении с европейской — историю, индийская теория поэзии различала поэтическое творчество трех разновидностей: низшее — построенное на формальной игре выразительных средств; среднее, в котором разнообразными по форме и содержанию поэтическими приемами передавались оттенки одного из восьми обязательных «раса», но при этом выраженный смысл доминировал над суггестивным, и, наконец, высшее — вбирающее в себя достоинства двух первых и покоящееся на не очевидном, но выявленном постепенно дополнительном, скрытом смысле, воздействующем на читателя (слушателя) как замирающее эхо колокола, уже переставшего звучать, на «дхвани» (буквально — «отзвук»), и вызывающее в читательском восприятии рождение ответного «раса». «Дхвани», составляющий, по определению древнеиндийских теоретиков, «суть поэзии», был доступен далеко не всем поэтам, лишь подлинно великие в полной мере владели приемами суггестивной поэтики, и лишь для одного из них, лучшего из лучших — для гениального Калидасы — «дхвани» являлся основным художественным средством.

Драматургический талант Калидасы огромен и замечателен не увлекательностью сюжетов и не запутанностью интриги, вообще не тем, *что* изображается, а тем, *как* это делается. До сих пор не существует законченной теории происхождения древнеиндийского театра: одни исследователи усматривают истоки его в диалогических ведийских гимнах и последующих обрядовых мистериях, связанных с культом Вишну; другие ищут его корни в народных кукольных и танцевальных представлениях; третьи — вовсе отказывают

ему в праве на самобытность, считая заимствованием из культуры Древней Греции. Индийская же традиция связывает начало театра с именем легендарного Бхараты, непосредственно вдохновленного богом Брахмой: по просьбе богов Брахма решил создать пятую Веду, доступную для всех сословий; соединив Слово, Лад, Действо и Чувство, взятые, соответственно, из Ригведы, Самаведы, Яджурведы и Атхарваведы, Брахма сотворил и записал через посредство Бхараты эту «Веду танца и драмы» в «Натя-шастре». Эта портическая легенда указывает на самую суть индийской эстетики, «эстетики тождества»: установления богов и святых вечны и «обжалованию не подлежат». Теорией драмы регламентировалось решительно все: типы сюжетов и источники их заимствования, характеры героев и качества второстепенных персонажей, язык и стиль, внутренняя структура драмы, главные и второстепенные линии действия и происходящие за сценой события, разрешенные для показа на сцене основные чувства — «раса», — в частности, запрещалось все трагическое, и т. п.

Величие Калидасы как драматурга в том, что, формально выполнив все предписания, касающиеся того, что изображать, и заслужив при жизни высшую оценку по части того, как изображено, он через регламентирующие барьеры эстетики донес до читателя свою авторскую волю, свой мягкий и добрый юмор, свой оптимизм и человеколюбие и — самое главное — свою иронию, воплощенную в постоянном для всех пьес образе шута. Эта всегда в намеке, не выраженная явно авторская ирония создает легкий покров неоднозначности и позволяет шуту сделаться «теневым героем» всей пьесы, — как в «Малявике и Агнимитре», где слабовольный царь лишь хочет, но ничего не может без помощи шута Гаутамы, — или хотя бы «закулисным комментатором» важнейших эпизодов драмы (в двух других пьесах). Реплики шута, этого обжоры и сластены, болтуна, невзначай угадывающего тайное тайных своих хозяев, всегда удивительно метки, лаконичны и точны. «Объевшись сладкими финиками, захотел кислого тамаринда», — говорит шут о влечении царя Душьянты к Шакунтале. «Когда из рук рыбака ускользает рыба,

он, отчаявшись восклицает: «Плыви, плыви, да не будет на мне греха!» — такими словами комментирует шут Манавака поступок царицы, решившей согласиться на брак Пурураваса с Урваши, и мы уже более не воспринимаем действия царицы как некий «благородный жест», а сочувствуем ей, думая об обстоятельствах, вызвавших к жизни это решение. «Гляди-ка: вот и тростниковый сок, который приводит в чувство пьяниц...» — восклицает шут Гаутама по поводу первой встречи влюбленного Агнимитры с Малявикой, и слова эти предельно четко характеризуют обстановку «сладкой жизни» во дворце скущающего вельможи. Театр Калидасы — это театр марионеток, в котором невидим стоящий за рампой ведущий, но реплики шута выдают его постоянное присутствие.

Из тридцати приписываемых Калидасе поэм и пьес бесспорно принадлежащими ему считаются лишь шесть: «Малявика и Агнимитра», «Мужеством завоеванная Урваши», «Шакунтала, или Перстень-примета», «Облак-вестник», «Род Рагху», «Рождение бога войны»; иногда еще — с некоторыми сомнениями — «Времена года». Все прочее принадлежит к той огромной литературе анонимных подражаний восторженных почитателей, которая начала складываться еще, вероятно, при жизни поэта. Само имя его стало нарицательным и присваивалось как почетный титул выдающимся мастерам поэзии.

Так кто же он, великий Калидаса? Придворный поевец или «поэт милостью божией», высокий по рождению иль сын простолюдина, надменный страж поэтических канонов или насмешник тайный? Он и то, и это, и иное, и не то, и не это, и не другое — он таков, каков он есть, он принадлежит Индии и всему человечеству, и он — весь в своем творчестве, сверкающем, подвижном, безграничном, как пульсирующий океан жизни, певцом которого он был.

Б. Захарин

ДРАМЫ

МАЛЯВИКА И АГНИМИТРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МУЖЧИНЫ

Агн им ѝ тра — царь страны Видѣша.

Га у та ма — брахман, шут, друг и наперсник
Агнимитры.

Га на да са — учитель танцев, наставник Ма-
лявники.

Ха ра да т та — учитель танцев, наставник Ира-
вати.

Ва ха та ка — первый советник царя.

Ма уд га л ья — глава придворных.

Са ра са ка — слуга царицы.

ЖЕНЩИНЫ

Ма л ья ви ка — сестра царевича Мадхавасены,
служанка царицы.

Д ха ри ни — царица, жена Агнимитры.

И ра ва ти — вторая жена Агнимитры.

Кауш́ики — странствующая монахиня, сестра
Сумати, советника Мадхавасены.

Бакулава́лика — служанка царицы, подруга
Малявики.

Кауму́дика }
Нага́рика } служанки царицы.

Нипу́ника — служанка Иравати.

Самабхр́итика — служанка Каушики.

Мадхука́рика — садовница.

Джаясе́на — дворцовая привратница.

Джи́бтсника }
Мада́ника } пленницы из страны В́идарбхи.

Первый по́рт.

Второй по́рт.

В ПРОЛОГЕ

Руководитель труппы.

Помощник.

ПРОЛОГ

Руководитель труппы (*читает молитву*)

Тот, кто правит мирозданием, кто дарует плод и цвет,
Но, богатства презирая, в шкуру, как бедняк, одет;

Тот, кто слился нераздельно с дивнобедрою своей,
Но безгрешней всех монахов, всех подвижников мудрей;

Тот, кто есть опора мира в воплощениях восьми,
Но не ведает гордыни пред богами и людьми,—

Да развеет вечный Шива тьму, окутавшую вас,
И тропу любви и правды вам откроет в добрый час!

(*Заглядывая за сцену.*) Поди-ка сюда, любезный.

Помощник (*входя*). Что прикажете, мой господин?

Руководитель труппы. Люди, сведущие в искусстве, просят, чтобы по случаю праздника Весны была представлена пьеса «Малявика и Агнимитра», сочиненная господином Калидасой. Скажи музыкантам, что пора приступить к игре.

Помощник. Это неслыханно! Никогда не поверю, чтобы взыскательные зрители, пренебрегая пьесами Бхасы, Кавипутри, Саумиллаки и стольких других прославленных поэтов, пожелали увидеть на сцене сочинение господина Калидасы, современного стихотворца!

Руководитель труппы. Ты говоришь вздор.
Пойми:

Не все хорошо то, что старо,
И плохо не все то, что ново.
Разумному сделать нетрудно
Отбор из того и другого.
Лишь глупые предпочитают
Чужое подхватывать слово.

Помощник. Здесь всем распоряжаетесь вы, вам
и решать.

Руководитель труппы. Если так, то поторопись. *(К публике.)*

Желанье зрителей почтенных
Исполнить я спешу всегда.
Нижайший мой поклон! Я вижу,
Что приближается сюда
Царицы Дхарини служанка.
(Обращаясь за кулисы.)
Скорей за дело, господа!

(Уходит.)

Конец пролога.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Входит служанка Бакулавалика.

Бакулавалика. Царица Дхарини приказала мне спросить у благородного Ганадасы, учителя танцев: «Каковы успехи Малявики в танце чáлита?» Эту пантомиму она стала разучивать недавно. Я иду в зал музыкальных занятий.

Входит другая служанка, Каумудика. В руках у нее перстень.

Подруга Каумудика, о чем ты задумалась? Ты проходишь мимо меня и не видишь меня!

Каумудика. Ах, подруга Бакулавалика! Золотых дел мастер поручил мне отнести царице перстень с печаткой в виде змеи. Я засмотрелась на перстень и не заметила тебя. Прости меня.

Бакулавалика (*рассматривая перстень*). Какой чудесный перстень! Твой палец, украшенный им, похож на цветок, но то не тычинки сверкают, а лучи!

Каумудика. Подруга, а ты куда идешь?

Бакулавалика. Царица послала меня к учителю танцев, благородному Ганадасе, чтобы узнать, каковы успехи Малявики.

Каумудика. Понимаю. Пока Малявика занята непрерывными упражнениями, она скрыта от взоров царя. Но все же государю, наверно, удалось на нее хоть разок взглянуть!

Бакулавалика. Да, он видел ее рядом с царицей на картине.

Каумудика. На картине? Как так?

Бакулавалика. А так. Царица пришла в картинную галерею и остановилась перед новым полотном придворного художника. Вошел государь...

Каумудика. А потом? А потом?

Бакулавалика. А потом государь почтил царицу приветствием, сел рядом с ней, посмотрел на картину и увидел изображение царицы и ее служанок, среди которых — Малявика, и спросил у царицы...

Каумудика. О чем? О чем спросил?

Бакулавалика. «Как зовут незнакомую девушку, которая нарисована рядом с тобой?»

Каумудика. Редкостная красота всегда привлекает внимание! А потом?

Бакулавалика. А потом случилось то, что царица не пожелала ответить супругу. Тот не отступал, что-то заподозрив, стал снова и снова расспрашивать царицу, но царица молчала, и тогда маленькая царевна Васулакшми воскликнула: «Государь, это Малявика!»

Каумудика *(улыбнувшись)*. Ребенок остается ребенком. А потом, потом?

Бакулавалика. А потом Малявику стали стеречь с особой строгостью, чтобы не попадалась на глаза царю.

Каумудика. Хорошо, подруга, теперь ты ступай по своему делу, а я снесу царице перстень. *(Уходит.)*

Бакулавалика *(оглядываясь по сторонам)*. Вот учитель танцев, благородный Ганадаса. Он выходит из зала музыкальных занятий. Подойду к нему.

Ганадаса *(входя)*. Вполне понятно, что каждый хвалит то ремесло, которым из поколения в поколение занимается его род, его каста. Я же восхваляю танец

не только потому, что унаследовал это занятие от своих предков, но и потому, что привержен к нему всей душой. Воистину:

«Пляска,— говорят святые мудро,—
Жертвоприношение богам».
С милою слиянный, пляшет Рудра,
Мир дрожит, склонившись к их ногам.
Пляска выражает наши чувства,
В ней — земной природы вечный путь.
Пляска — наивысшее искусство,
Жизни обнажающее суть!

Бакулавалика (*подойдя к нему*). Приветствую вас, мой господин.

Ганадаса. Живи долго, красавица.

Бакулавалика. Царица приказала мне, мой господин, спросить вас: не слишком ли много хлопот доставляет вам ваша ученица Малявика?

Ганадаса. Передай царице, любезная, что Малявика на редкость умна и даровита. Но к чему лишние слова?

Какие ни открою ученице
Жест иль движенье — тайны ремесла,—
Она не только то, чему учу я,
Воспроизводит, разумом светла,
Но вижу, потрясенный, что плясунья
Меня в раскрыть тайны превзошла!

Бакулавалика (*в сторону*). Мне ясно, что в танце она затмевает Иравати, вторую жену царя. (*Громко.*) Значит, мой господин, ученица, которую вы так хвалите, делает успехи?

Ганадаса. Равных ей не сыскать! Скажи, милая, откуда у царицы взялась такая искусница?

Бакулавалика. У царицы есть брат по имени Вирасэна. Он происходит из низкой касты. Государ назначил его начальником пограничной крепости на

берегу Нармады. Он-то и послал в дар своей сестре Малявику, сообщив, что девушка обладает необыкновенными способностями.

Ганадаса (*в сторону*). Судя по ее внешности она не может быть низкого происхождения. (*Громко.*) Я думаю, милая, что она меня прославит:

Достигнет совершенства мастерство,
Когда учитель передаст его
Ученику, все тайны раскрывая.
Скажи,— не так ли капля дождевая
Преобразится в жемчуг дорогой,
Лишь в раковине заблестит морской?

Бакулавалика. Однако где же ваша ученица?

Ганадаса. Она упражнялась в пяти видах пантомимы, одновременно выражая чувства движениями рук, ног, бровей, глаз и погружением в раздумье. Я велел ей отдохнуть. Она пошла подышать у окна, что выходит на пруд.

Бакулавалика. Разрешите, мой господин, передать ей ваши добрые слова. Они ободрят ее.

Ганадаса. Ступай, повидайся с подругой. А я воспользуюсь кратким перерывом, пойду к себе.

Оба уходят. Входит царь Агнимитра в сопровождении свиты. Рядом с царем — его первый советник Вахатака с письмом в руках.

Агнимитра (*глядя на первого советника, который только что прочел письмо*). Скажи, Вахатака, чего же хочет царь страны Видарбхи?

Вахатака. Своей погибели, государь.

Агнимитра. Прочти его письмо.

Вахатака. Вот что он пишет: «Великий государь мне повелевает: «Твой двоюродный брат, царевич Мадхавасена, вступил со мной в союз. По пути ко мне он был захвачен твоей пограничной стражей. Прошу тебя, из уважения ко мне отпусти его вместе с женой и сестрою». Но разве царь не знает, что постоянные

распри между сородичами из царского дома — дело вполне обычное? Царь не должен вмешиваться в наши споры. А что до сестры Мадхавасены, то она исчезла во время сумятицы, когда произошла схватка между царевичем и стражей. А если царю очень желательно, чтобы я отпустил Мадхавасену, то вот мое условие:

Советник Маурья, мой зять, томится у тебя в плену.

О царь, я предлагаю мену:

Освободи его — и я тебе царевича верну,

Освобожу Мадхавасену!

Агнимитра (*с гневом*). Как? Глупец осмеливается ставить мне условия? Вахатака, этот царь страны Видарбхи — мой заклятый враг! Прикажи войскам выступить против него под водительством Вирасены. Я давно уже замыслил разгром ненавистного противника.

Вахатака. Ваша воля будет исполнена.

Агнимитра. Но сам-то что ты об этом думаешь?

Вахатака. Государь высказал ту мысль, которую мы находим в трактатах о государственной мудрости:

Враг, что царствует недавно, будет сломлен без труда,

Он падет с престола, нам покорный, —

Так же, как из почвы можно вырвать дерево, когда

У него не укрепились корни.

Агнимитра. Пусть исполнятся эти мудрые слова, пусть наш полководец двинется в поход.

Вахатака. Да будет так! (*Уходит.*)

Люди из свиты располагаются вокруг царя сообразно сану.

Гаутама (*входя*). Царь соизволил мне приказать: «Шут, придумай какое-нибудь средство, чтобы Малявика, чье изображение я увидел на полотне, предстала передо мной во плоти!» Я нашел такое средство и сейчас сообщу о нем царю. (*Делает несколько шагов.*)

Агнимитра (*увидев шута*). Вот и мой второй советник, но по делам иного рода!

Гаутама. Да пребудет государь с победой!

Агнимитра (*кивая головой*). Сядь сюда.

Шут садится.

Узрело ли око вашей мудрости какое-нибудь средство, чтобы оно нас приблизило к цели?

Гаутама. Не сомневайтесь в успехе.

Агнимитра. Что ты придумал?

Гаутама (*на ухо*). А вот что.

Агнимитра. Прекрасно, дружище! Задумано великолепно! Задача нелегка, но я уповаю на успех:

Если есть помощник в трудном деле,—

К цели мы придем прямым путем.

Если есть светильник,— к нашей цели

И во тьме дорогу мы найдем!

Крики за сценой: «Довольно! Хватит! Надоело хвастовство! Пусть сам государь решит наш спор!»

Приятель, дерево твоей умной затеи быстро расцвело!

Гаутама. Скоро увидите и плоды.

Входит Маудгалья, глава придворных.

Маудгалья. Государь, первый советник сообщает: «Повеление государя исполнено». И еще: вас желают видеть Ганадаса и Харадатта.

Два наставника в искусстве

Всяких зрелищ, представлений

Спорят: кто из них умнее,

Одаренней, совершенней?

И, собою воплощая

Две враждующие страсти,

Просят, чтобы рассудил их

Мудрый царь — источник власти.

Агнимитра. Пусть войдут.

Маудгалья. Как прикажет государь. (*Выходит и возвращается с Ганадасой и Харадаттой.*) Сюда, сюда, достопочтенные!

Харадатта (*при виде царя*). Воистину государь таков:

Не скажу: он недоступен. Не скажу: мне незнаком. Но, к владыке приближаясь, всем дрожу я существом. Он подобен океану, ибо каждый миг и час Изменяется и новым он становится для глаз!

Ганадаса. Государь — это сияние, воплощенное в мужчине!

Я просил у царя приема, — от привратников был отказ. Наконец мне войти к владыке разрешили на этот раз. Но величье царя так ярко, что глаза я боюсь поднять, И мне кажется, будто слуги не впустили меня опять!

Маудгалья. Перед вами государь. Вы можете к нему приблизиться.

Ганадаса и Харадатта (*подойдя*). Да пребудет государь с победой!

Агнимитра. Добро пожаловать. (*В сторону свиты.*) Принесите им кресла.

Оба садятся в кресла, принесенные слугами.

Почему два наставника пришли ко мне в тот час, когда они обычно занимаются с учениками?

Ганадаса. Государь, соблаговоли выслушать. Я обучался искусству танца и пантомимы у превосходного мастера, и сам я стал опытным наставником и снискал благосклонность царя и царицы...

Агнимитра. Это нам хорошо известно. Что еще?

Ганадаса. И вот такой наставник, как я, должен терпеть поношения от Харадатты. В присутствии многих придворных он мне сказал: «Ты не стоишь праха с моих пог!»

Харадатта. Государь, он первый затеял ссору. Он оскорбил меня, говоря: «Разница между мной и тобой — как между океаном и грязным прудом!» Теперь да подвергнет государь испытанию наше знание и наше умение. Только вы, о повелитель, можете достойно нас рассудить.

Гаутама. Разумные слова!

Ганадаса. Согласен. Это наилучший способ решить наш спор. Да соблаговолит государь нас выслушать со вниманием.

Агнимитра. Погоди-ка. Царица может подумать, что я пристрастен к своему любимцу Харадатте. Поэтому справедливости ради необходимо, чтобы спор был разрешен в присутствии царицы и благочестивой ее советчицы Каушики.

Гаутама. Разумные слова!

Ганадаса и Харадатта. Как будет угодно государю.

Агнимитра. Маудгалья, доложи обо всем царице и пригласи ее к нам вместе с благочестивой Каушики.

Маудгалья. Слушаю, государь. *(Выходит, потом возвращается вместе с царицей и странствующей монахиней.)* Пожалуйста к царю, государыня!

Дхарини *(к Каушики)*. Что вы думаете, достойная, о состязании между Харадаттой и Ганадасой?

Каушики *(царице)*. Не бойтесь поражения своего любимца! Ваш Ганадаса ни в чем не уступает сопернику.

Дхарини. Это так, но покровительство государя предвещает победу Харадатте.

Каушики. Что вы говорите, государыня! Помните, что вы — царица! Если царь — солнце, то вы — ночь, если Харадатта — пламя, то Ганадаса — месяц, а известно:

Горит ослепительно ярко в объятиях солнечных пламя,
Но месяц в объятиях почти горит величавей над нами.

Гаутама. Глядите, глядите, идет царица Дхарини, пропустив вперед свою наперсницу, мудрую Каушики!

Агнимитра. Я вижу царицу:

Она ступает плавно, с ней Каушики рядом,
Украшенная строгим монашеским нарядом,—
Иль три священных веды пришли сейчас в движение,
А с ними — высочайшей из истин постижение?

Каушики (*приближаясь*). Пребудь с победой, государь!

Агнимитра. Приветствую тебя, достопочтенная!

Каушики.

Есть Дхарини — царица и дхарини — земля,
И обе — плодоносны, и обе — терпеливы.
Живи, ни с кем из смертных двух женщин не деля:
Земле — властитель мудрый, жене — супруг
счастливей!

Дхарини. Пребудь с победой, государь!

Агнимитра. Приветствую тебя, царица. (*К Каушики.*) Прошу садиться, достопочтенная.

Все рассаживаются сообразно сану.

Достопочтенная, послушайте меня. Эти два учителя, Харадатта и Ганадаса, оспаривают друг у друга первенство в искусстве танца и представлений. Я прошу вас быть судьей в их споре.

Каушики (*улыбаясь*). Полно шутить, государь! Разве посылают дорогие камни для оценки в деревню, если рядом — город?

Агнимитра. Нет, нет, не отказывайтесь! Вы мудры и честны, а царица и я пристрастны к своим любимцам.

Ганадаса и Харадатта. Государь говорит верно. Ты, госпожа, ни на чьей стороне. Скажи нам, каковы наши достоинства и недостатки.

Агнимитра. Итак, о чем ваш спор?

Каушики. Государь, искусство танца — в исполнении, а не в рассуждении. Тут нужны действия, а не слова. Поэтому словесные препирательства нам ни к чему. А как полагает царица?

Дхарини. Если вам хочется знать мое мнение, то мне вообще не нравится состязание между двумя учителями танцев.

Ганадаса. Государыня, вы не допустите, чтобы я был унижен тем, кто по своим знаниям не выше меня!

Гаутама. Соглашайся, царица! Мы полюбуемся на стычку двух баранов. Зря, что ли, им жалованье платят!

Дхарини. Ты, как я погляжу, большой любитель ссор.

Гаутама. Госпожа, подумай сама: если из-за самки борются два слона, то наступит ли спокойствие, пока один не одолеет другого?

Агнимитра (к Каушики). Достопочтенная, вы, конечно, уже не раз видели, как пляшут оба наставника?

Каушики. И что же?

Агнимитра. Мы знаем, каковы они как танцоры. Теперь мы должны узнать, каковы они как наставники учеников и постановщики представлений.

Каушики. Именно это я и хотела предложить:

У иного дар высокий — в том, что сам творит он
с жаром,

А другой — отлично учит и гордится этим даром.

Но лишь тот, кто обладает даром первым

и вторым, —

Мастер истинный, великий, с похвалой мы говорим!

Гаутама. Почтенные паставники поняли слова госпожи? Суть дела такова: решение выносится после просмотра урока танцев.

Харадатта. Согласен.

Ганадаса. Государыня, нам это нравится.

Дхарини. Но разве будет виновен учитель, если его ученица опозорится?

Агнимитра. Разумеется. Уже в том, что он берет неспособного ученика, сказывается пренебрежение учителя к своим обязанностям.

Дхарини (*про себя*). Как теперь быть? Хватит, однако, выполнять любой приказ государя! Это порождает в моем супруге самомнение. (*К Ганадасе.*) Откажись от бессмысленного спора.

Гаутама. Царица рассуждает правильно. Ты учишь танцам, а ищешь выгоды от красноречия. Ты работаешь ногами, а хочешь питаться сладостями, заработанными языком. Какой тебе прок от состязания, которое неминуемо принесет тебе поражение?

Ганадаса. Действительно ли государыня желает, чтобы я отказался от спора? Тогда я скажу вот что:

Вы слышите, как мой соперник меня поносит каждый
день?

Мол, он по лестнице искусства взошел на высшую
ступень!

О танце важно он толкует, но вы поймите наконец:
Своим умением он торгует, он не художник, а купец!

Дхарини. И все-таки я не вижу смысла в том, чтобы ты показал нам ученицу, чьими занятиями руководишь недавно и которая делает лишь первые робкие шаги.

Ганадаса. Я не сомневаюсь в победе.

Дхарини. Ну, хорошо, покажите оба, и ты и Харадатта, умение своих учениц, но пусть вашим зрителем и судьей будет только одна Каушики.

Каушики. Государыня, так не годится. Когда речь идет об искусстве, один человек не в силах быть непогрешимым судьей: даже самый сведущий может совершить ошибку!

Дхарини (*в сторону*). А, глупая! Я сейчас должна бодрствовать, а ты хочешь меня усыпить! (*Гневно отворачивается.*)

Царь взглядом показывает монахине на царицу.

Каушики

Почему, о луноликая, без причин возмущена,
Отвернула ты лицо от властелина?
Разве ты его наложница? Ты — законная жена,
Значит, гневаться не вправе беспричинно!

Гаутама. Нет, причина имеется: царица защищает своего любимца. (*К Ганадасе.*) Тебе везет: притворяясь разгневанной, царица спасает тебя от поражения. Что и говорить, не всякий, даже весьма образованный, способен быть учителем танцев!

Ганадаса. Вы слышите, государыня? Вот как люди истолковывают ваши слова. Знайте же:

Если в этом состязанье не приму сейчас участия,
Значит, вами я отвергнут, значит, жизнь моя —
несчастье!

Дхарини (*в сторону*). Как быть? (*Громко.*) Учитель волен распоряжаться своими учениками.

Ганадаса. Конец моим тревогам! (*К царю.*) Государыня согласна. Да соизволит государь повелеть: что должны показать танцовщицы как образец своего искусства?

Агнимитра. Это пусть решит достопочтенная наставница.

Каушики. Мне кажется, что государыне вся эта затея не по душе, и я в растерянности...

Д х а р и н и. Говори, что думаешь. Я надеюсь, что еще могу приказывать своим подданным.

А г н и м и т р а. Прибавь, госпожа: «А тем более царю...»

Д х а р и н и. Мы слушаем тебя, достопочтенная.

К а у ш и к л. Государь, я слыхала, что пантомима чалита чрезвычайно трудна для исполнения. Она развивает тему известного четверостишия. Посмотрим же, как исполняют пантомиму ученицы обоих наставников, и тогда решим, кто из этих господ искуснее в обучении.

Г а н а д а с а и Х а р а д а т т а. Как прикажете, достопочтенная!

Г а у т а м а. Итак, идите оба в зал для зрелищ. Как только все будет готово, пришлите сюда вестника. Или, еще лучше, пусть о начале представления возвестят звуки барабана.

Х а р а д а т т а. Да будет так! *(Встает.)*

Ганадаса смотрит на царицу.

Д х а р и н и *(к Ганадасе)*. Да сопутствует тебе успех. Не думай, что я противница твоей победы.

Оба встают, идут к выходу.

К а у ш и к и *(к Ганадасе и Харадатте)*. Погодите-ка.

Г а н а д а с а и Х а р а д а т т а *(возвращаясь)*. Мы здесь, достопочтенная.

К а у ш и к и. Облеченная званием судьи, я приказываю: пусть ученицы предстанут в легких покровах, чтобы мы могли лучше оценить изящество и прелесть движений.

Г а н а д а с а и Х а р а д а т т а. Ну уж этому нас учить нет нужды! *(Уходят.)*

Д х а р и н и *(к царю)*. Было бы неплохо, если бы повелитель и в государственных делах проявлял столько же разума и настойчивости, сколько в делах танцевальных.

Аг н и м и т р а. О госпожа моя!

Ужели я затеял этот спор?
Ужель меня подозревать ты вправе?
В науке и в искусстве с давних пор
Соперники к чужой ревнуют славе!

За сценой — звуки барабана. Все прислушиваются.

К а у ш и к и. Слушайте! Представление начинается!

Барабаны радостно гремят,
И, громов приветствуя раскат,
Шеи вытянув среди долины,
Закричали томные павлины.
Барабанов громовая мощь
Как бы говорит им: «Будет дождь!»
И павлины затевают пляски
В предвкушении любовной ласки.

Аг н и м и т р а (*к царице*). Пойдемте, госпожа моя,
присоединимся к зрителям.

Д х а р и н и (*в сторону*). О, как торопится государь!

Все встают.

Г а у т а м а (*шепотом*). Государь, ступайте степенно, иначе ваша поспешность усилит подозрения царицы.

Аг н и м и т р а

Я б хотел не торопиться, но удары барабана
Мерным рокотом зовут: «Спеши, спеши!»
И спешит путем надежды к той, что стала мне
желанна,
Колесница растревоженной души!

Все уходят.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Звуки музыки. На сцене — сидящий в кресле Агнимитра; рядом с ним шут. Дхарини, Каушки и придворные, расположившиеся сообразно сану.

Агнимитра. Достопочтенная, ученицы какого из наставников выступят первыми?

Каушки. Оба наставника равны по своим знаниям, но Ганадаса старше годами, ему, полагаю, и следует оказать предпочтение.

Агнимитра. Поди, Маудгалья, поведай об этом решении господам наставникам, а затем приступи к своим обязанностям.

Маудгалья. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Ганадаса (*приближаясь*). Государь, это сочинение из четырех частей о том, как влюбилась Шармйштха, дочь царя демонов. Исполняется оно плавно, неторопливо. Да соблаговолит государь посмотреть четвертую часть представления.

Агнимитра. Я так уважаю учителя, что я — весь внимание. (*Тихонько к шуту.*) Приятель!

К ней за кулисы устремлен мой взгляд,
Исполненный любви, —
Как будто занавес поднять хотят
Глаза, глаза мои!

Гаутама (*шепотом*). Государь, мед для ваших очей — здесь, но и оса неподалеку. Поэтому смотрите в оба.

На сцене появляется Малявика. Ганадаса внимательно следит за всеми ее движениями.

(*Понизив голос*). Вы видите государь, что она не уступает прелестью своему изображению на картине.

Агнимитра (*понизив голос*). Ах, дружище!

Я опасался: на картине
Она красивей и милей,
Но предо мной предстала ныне
Она в живой красе своей.
Я понял с этого мгновенья,
Что был художник слаб и мал,
Что он не ведал вдохновенья,
Когда ее живописал!

Ганадаса (*к Малявике*). Дитя мое, не бойся,
собери все свои силы.

Агнимитра (*в сторону*). О, как могущественна
ее красота! Я вижу:

Ее лицо — осенняя луна.
О, как она нежна!
Как властно очаровывают нас
ресницы длинных глаз!
А руки, чтобы нас пленить, увлечь,
изогнуты у плеч,
Две груди бесподобно высоки
и сближены соски.
Два гладких, два блистательных бедра —
как бы из серебра,
А стан ее могла бы сжать рука, —
так в поясе тонка.
С изогнутыми пальцами ступни...
Ты на нее взгляни:
Она — как бы учителя мечта, —
легка, стройна, чиста!

Малявика (*после музыкального вступления поет четверостишие*).

Соединит ли нас любовь? Надежды нет, надежды нет!
Но задрожал мой левый глаз, — то знак, что встречи
вспыхнет свет!

Ты здесь, любимый, предо мной, но как приближусь я
к тебе?
Я вся в тебя погружена,— подумай о своей рабе!

Пение сопровождается соответствующей мимикой.

Га у та ма (*понизив голос*). Государь, эта красавица как бы отдала вам всю себя, войдя в ваше сердце по ступенькам четверостишия!

Аг н и м и т р а. Приятель, мое сердце говорит мне то же самое!

Она мне сказала песней: «Смотри, облеченный властью, Я мучаюсь, я пылаю, объята первой страстью!» Она решила с признаньем ко мне, ко мне обратиться, Но так, чтоб ее порыва не разгадала царица!

Малявика хочет уйти.

Га у та ма. Пойдите, госпожа! Мне кажется, что вы упустили в пантомиме одну подробность, и мне хотелось бы выяснить...

Га на да са. Дитя мое, останься. Ты уйдешь только тогда, когда твое исполнение будет признано безупречным.

Малявика обращивается и стоит неподвижно.

Аг н и м и т р а (*в сторону*). Красота обнаруживает себя не только в каждом ее движении, но и тогда, когда Малявика недвижна!

В неподвижных браслетах рука
Уперлась в середину стана,
А другая, свободна, легка,
Ниспадает, словно лиана.
Взор потуплен, и смяты цветы
Под ее ногою на сцене.
Неподвижность ее красоты
Превзошла красоту движений!

Д х а р и н и. Неужели, благородный Ганадаса, ты принял к сердцу замечание шута?

Г а н а д а с а. О государыня, благодаря постоянному общению с царем даже у шута может возникнуть тонкость восприятия.

Мы знаем: поумнеет скудоумный,
Когда общаться станет с ним разумный:
Так станет чище мутная вода,
Когда коснется светлого плода.

(К шуту.) Итак, послушаем твои соображения, почтеннейший.

Г а у т а м а. Сперва спроси мнение судьи, а потом и я укажу на один пробел, на одну упущенную подробность...

Г а н а д а с а. Да соизволит достопочтенная сказать, какие были в исполнении достоинства и недостатки.

К а у ш и к и. Я думаю, что исполнение было безупречным, ибо

Все чувства выражало тело,
В движеньях чудились слова,
В них мысль настойчиво звенела
И страсть желала торжества.
Кипели чувства в быстрой смене,
Хотелось и взлететь и пасть,
Но в многозначности движений
Торжествовала только страсть!

Г а н а д а с а. А что скажет государь?

А г н и м и т р а. Ты знаешь, Ганадаса, моя уверенность в успехе моего любимца сильно поколеблена.

Г а н а д а с а. Это означает, что я признан самым лучшим учителем танцев!

Для мудрецов лишь тот наставник
Владеет знаньем и умом,
Кто не боится испытанья,

Уверен в мастерстве своем:
Так золото не почернеет
От испытания огнем!

Д х а р и н и. Поздравляю тебя, Ганадаса! Ты с блеском выдержал испытание.

Г а н а д а с а. Лишь милость государыни — причина моего успеха. (*К шуту.*) А теперь скажи нам, почтенный брахман, что ты имел в виду, когда говорил о каком-то пробеле.

Г а у т а м а. Перед началом представления надо было оказать почести ученому жрецу, то есть мне, а об этом забыли.

К а у ш и к и. Сразу видно искушенного знатока!

Все смеются. Улыбается и Малявика.

А г н и м и т р а (*в сторону*). Мои глаза проникли в самую суть прекрасного, потому что

Длинноглазая нам улыбнулась,
Обнажив свои зубы слегка,—
Будто в лотосе все всколыхнулось,
И открылась нам прелесть цветка!

Г а н а д а с а. О достопочтенный жрец, Малявика выступает на сцене не в первый раз,— иначе разве мы забыли бы о надлежащих тебе почестях?

Г а у т а м а. Выходит, я похож на глупую чатаку. Эта птица пьет воду лишь из тучи, но гром грянул, а дождя нет!

К а у ш и к и. Так оно и получилось.

Г а у т а м а. Стало быть, нам, дуракам, надо всегда полагаться на людей умных и рассудительных. А поскольку суд признал исполнение безупречным, то я вручаю плясунье знак одобрения. (*Снимает браслет с руки царя.*)

Д х а р и н и. Постой, как же ты ей даришь этот браслет, еще не увидев умения ее соперницы?

Гаутама. Браслет не мой, а чужого добра мне никогда не жалко.

Дхарини (*к Ганадасе*). Мне кажется, почтенный Ганадаса, что твоя ученица уже показала нам то, что хотела показать...

Ганадаса. Идем, дитя мое. Теперь-то мы можем уйти.

Малявика и Ганадаса уходят.

Гаутама (*шепотом*). Чтобы угодить государю, я приложил все силы своего незаурядного ума.

Агнимитра (*шепотом*). Ну, полно ставить пределы этим силам. Пойми:

Мне кажется, что день померк теперь,
Что праздник сердца моего погас:
Она ушла, и в будущее дверь
Закрылась для моих потухших глаз!

Гаутама (*понижив голос*). Забавно! Вы похожи на больного бедняка, который не только не платит врачу, но еще требует с него лекарства задаром!

Харадатта (*входя*). Прошу вас, государь, соизвольте посмотреть и мою работу.

Агнимитра (*в сторону*). Я уже видел все, что хотел увидеть! (*Громко, стараясь быть вежливым.*) Конечно же, Харадатта, мы преисполнены ожидания.

Харадатта. Я польщен.

Придворный поэт (*за сценой*). Да будет государь с победой! Настал знойный полдень, ибо

Плесканья лебедей в озерах мы не слышим:
Полузакрыв глаза, они лежат в тени.
Боятся голуби взлететь к дворцовым крышам:
Обжечься не хотят они!

И хочет пить павлин, и к брызгам он стремится,
Что сыплет, в озере вращаясь, колесо,
И семиконная у солнца колесница,
Как солнце, у царя лицо!

Гаутама. Слушайте, слушайте! Наступил час, когда жрецы вкушают пищу! И когда государь ест! А врачи считают, что есть надо всегда в одно и то же время! Что ты скажешь на это, Харадатта?

Харадатта. Мне сказать нечего.

Агнимитра. В таком случае мы увидим искусство твоей ученицы завтра. А ты, наставник, отдохни.

Харадатта. Как прикажет государь. *(Уходит.)*

Дхарини. Государь, вам пора совершить омовение.

Агнимитра. А вы, государыня, распорядитесь, чтобы нам поскорее прислали еду и питье.

Каушки *(вставая)*. Да будет счастлив царь! *(Уходит вместе с царицей, сопровождаемой свитой.)*

Гаутама. Не правда ли, государь,— не только в красоте, но и в искусстве танца Малявике нет равных?

Агнимитра. Ты прав, дружище.

Плясунью милую создатель одарил
Умом, умением и манящим взглядом,—
Как бы стрелу любви тем самым сотворил,
Пропитанную страшным ядом!

Слова, однако, ни к чему. Мне нужна твоя помощь.

Гаутама. А мне ваша. У меня в желудке все горит, как в жаровне на базаре.

Агнимитра. Поэтому ты и должен гореть желанием помочь своему другу.

Гаутама. Я рад вам услужить, но, видите ли, ваша красавица подобна луне, укрытой облаками. Возможность на нее смотреть зависит не от нее, а от других. А что касается вас, то вы похожи на птицу, которая расхаживает возле бойни и жаждет мяса, но роет. Наберитесь терпения, и мы добьемся успеха.

Агнимитра. Приятель, откуда у меня теперь может быть терпение? Сам посуди:

Не хочется идти мне в женские покои,
Мне опостытели наложницы мои.
Я увидал ее — и понял, что такое
Горенье истинной любви!

(Уходит.)

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПРОЛОГ

Входит Самабхритика, служанка Каушики.

Самабхритика. Госпожа Каушики приказала мне: «Принеси из сада плод биджапурвака». Поэтому я хочу найти садовницу Мадхукарику. А вот и она, стоит и рассматривает золотистую ашбку. Подойду-ка я к ней.

Появляется садовница.

Самабхритика. Здравствуй, подруга.

Мадхукарика. А, Самабхритика! Я рада тебя видеть, подруга.

Самабхритика. Послушай, подруга. Моя госпожа наказала мне: «Не пристало людям, подобным мне, встречать царицу с пустыми руками. Поэтому я хочу преподнести ей плод биджапурвака».

Мадхукарика. Милая моя, плоды биджапурвака — рядом с тобой. Но скажи мне: кому из двоих учителей танцев твоя госпожа отдала предпочтение?

Самабхритика. Оба показали себя весьма сведущими в искусстве танца, но Ганадаса победил соперника благодаря совершенству исполнения своей ученицы.

Мадхукарика. Послушай, подруга, а что люди болтают о Малявике? Не сплетни ли это?

Самабхритика. Какие там сплетни! Царь без ума от нее. Только щадя самолюбие царицы, он не прибегает к могуществу своей власти. А если бы ты видела сейчас Малявику! Она поблекла, как гирлянда жасминов, однажды надетая, а потом выброшенная. Больше я ничего не знаю. Отпусти меня, подруга.

Мадхукарика. Иди, но сперва сорви плод биджапурвака, свисающий с ветки.

Самабхритика (*срывая плод*). Подруга, угождая святым людям, таким, как моя госпожа, ты обретишь еще более прекрасные плоды. (*Собирается уходить.*)

Мадхукарика. Подруга, мы можем пойти вместе. Мне нужно доложить царице, что цветение золотистой ашоки запаздывает: так нередко беременная запаздывает с родами.

Обе уходят.

Конец пролога.

Входит царь, всем обликом выражая любовное томление.
С ним шут.

Агнимитра.

Иссохнет тело, если я к нему
Свою возлюбленную не прижму.
Глаза все время будет жечь слеза,
Коль не увидят милую глаза.
Но та, что мне дороже света дня,
Всегда и всюду в сердце у меня,—
С любимой сердце не разлучено,
Так почему терзается оно?

Гаутама. Полно стенать, мой царственный друг. Помните, что я неустанно забочусь о вас. Я виделся с Бакулаваликой, закадычной подругой Малявики, и передал ей ваше поручение.

Агнимитра. И что она ответила?

Гаутама. Она ответила: «Скажи государю, что я польщена его поручением, но царица стережет Малявику усерднее, чем змея — драгоценный клад. И все же, хотя добратся до бедняжки нелегко, я устрою это дело».

Агнимитра. О бог любви, рожденный на свет мыслью! Если уж ты пробуждаешь в человеке влечение к недостижимому, то почему ты одновременно отнимаешь у несчастного терпение? *(С удивлением.)*

Бог любви, ты мечешь стрелы ради радости людской, Почему же нас пронзаешь безысходною тоской? Чем нежнее эти стрелы, тем острее и страшней, — Ты и сам таков, властитель, опьяняющий людей!

Гаутама. Я же сказал, что нашел способ вам помочь, так потерпите немного, мой венценосный друг!

Агнимитра. Но как я проведу остаток дня? Обычные мои занятия для меня сейчас невыносимы!

Гаутама. Послушайте. Госпожа Иравати прислала вам сегодня алые цветы ашоки, возвещающие приход весны, и через служанку Нипунику обратилась к вам с просьбой: «Государь, весна возвращается, и я хочу, взойдя на паланкин, насладиться в вашем обществе прогулкой по саду». Вы ей ответили согласием. Пойдем же в сад, чье название — Прамадавана.

Агнимитра. Это невозможно.

Гаутама. Но почему?

Агнимитра. Приятель, женщины по природе своей проницательны. Разве не заметит твоя покровительница, что, хотя я с ней ласков, сердце мое стремится к другой? Я убежден:

Той женщине, которая умна,
Искусственная нежность не нужна.
Уж лучше ты с разлюбленной порви:
Разрыв честнее показной любви!

Гаутама. Не следует, государь, сразу отказываться от правил приятного обхождения, от сладкоречивых изъяснений, к которым так привыкли обитатели пицы женской половины дворца.

Агнимитра *(после некоторого размышления)*. Ну, хорошо, покажи мне дорогу в сад Прамадавана.

Гаутама. Сюда, сюда, государь!

Оба идут.

Взгляните, государь, весна простирает к вам руки молоденьких ветвей, как бы приглашая вас в сад!

Агнимитра *(жестом выказывая удовольствие)*. И впрямь весна сочувствует мне всей душой. Ты понимаешь, дружище?

Так нежно и участливо звеня,
Жалеют птицы грустные меня.
Посол весны — душистый ветер юга
Несет мне запах манго, и, как друга,
Меня он гладит ласковой рукой,
На краткий миг даруя мне покой.

Гаутама. Войдите в сад, и вы успокоитесь всецело.

Оба входят в сад.

Посмотрите, мой венценосный приятель, красавица весна решила вас соблазнить, она надела платье из сверкающих цветов, чтобы посрамить наряды всех здешних модниц!

Агнимитра. Я изумлен!

Ашоки вешней молодой багрянец
Алее краски на губах красавиц,
И амаранта розовый румянец
Румянам на щеках внушает зависть.
Цветок, пчелой мохнатою увенчан,
Обрызган первозданною росой,
Красивей знака на челе у женщин,
Пленяющих искусною красою.

Весна, светясь животворящим цветом,
Мне кажется, относится с презрением
К прелестницам, изысканно одетым,
Ко всем стараньям их и ухищреньям!

Оба любят красотой сада. Входит Малявика, исполненная глубокой грусти.

Малявика. Мне самой себе стыдно признаться в том, что я люблю царя. А любит ли он меня? Не знаю. Где мне взять силы, чтобы открыть мою тайну хотя бы близкой подруге! Когда же наконец пожалеет меня бог любви, околдовавший людей! *(Пройдя несколько шагов.)* Но куда я иду? *(Вспомнив.)* Ах да, царица мне сказала: «Я чувствую боль в ногах после того, как упала с паланкина из-за неуклюжести шута. Поэтому пойди вместо меня к золотистой ашоке. Весной у деревьев появляются причуды, подобные причудам беременных женщин. Ашоке будет приятно, когда ты ударишь ногой по ее стволу. И если она через пять дней расцветет *(глубоко вздыхает)*, то я исполню твое самое заветное желание». Так сказала царица, и вот я здесь. Бакула-валика должна мне принести сюда ножные браслеты. Покуда она не пришла, погрущу немного в одиночестве. *(Бродит по саду.)*

Гаутама. Смотрите! Вот и сладкий сок, который приводит в чувство пьяниц. Отведайте его, вы, упившийся вином любви!

Агнимитра. Что ты там увидел?

Гаутама. Малявику. Я увидел Малявику!

Агнимитра *(радостно)*. Как? Здесь Малявика?

Гаутама. Здесь. И довольно близко от нас.

Агнимитра. Ко мне возвращается моя жизнь!

Узнав, что рядом я с любимой,
Я ожил, ожил в миг единый,
Мое измученное сердце
Покинула тоска.

Так путник, жаждою томимый,
Услышав клекот журавлиный,
Догадывается, что близко
Желанная река!

Но где же она?

Гаутама. Вот она выходит из аллеи.

Агнимитра (с радостным удивлением). Приятель, я вижу ее!

Тонкостанна и длинноока,
Круглобедра и крепкогруда,—
Это жизни моей издалёка
Приближается вешнее чудо!

Но мне кажется, что она выглядит не так, как прежде:

Побледнели, как волоконца
Тростника, у нее ланиты,
Как цветы, лишённые солнца,
Очи длинные полузакрыты.

Гаутама. Быть может, она, как и вы, измучена любовью?

Агнимитра. Ты так говоришь из приязни ко мне.

Малявика. Вот и ашока, которая жаждет, чтобы удовлетворили ее милую причуду. Она печальна, как и я, поэтому не хочет надеть наряд из ярких цветов. Я присяду на плиту, лежащую под ее тенью, на прохладную плиту.

Гаутама. Вы слышали? Она сказала, что ее снедает печаль.

Агнимитра. Я не думал, что ты так неумен. Откуда видно, что ее печаль из-за меня?

С водяною пылью и пылью цветочной,
По горам летящий вдаль,
Разве не разносит ветерок восточный
Беспричинную печаль?

Малявика садится.

Пойдем, приятель, укроемся в зарослях лиан.

Гаутама. Мне кажется, что в сад пришла Ира-
вати.

Агнимитра. Что из того? Слон, завидев цветущий лотос, не обращает внимания на крокодила. (*Стоит, разглядывая издали Малявику.*)

Малявика. О сердце мое, избавься от великой любви! Зачем тебе мучить меня?

Шут выразительно смотрит на царя.

Агнимитра. О желанная, понимаешь ли ты, каковы прихоти любви?

О чем тоскуешь ты? Не ведаю. Догадка
Порой от истины бывает далека,
Но, дивнобедрая, мне все же думать сладко,
Что обо мне твоя тоска!

Гаутама. Государь, сейчас развеются все ваши сомнения. Сюда приближается Бакулавалика, которой я доверил ваше любовное поручение.

Агнимитра. Помнит ли она о нем?

Гаутама. Разве может дочь служанки забыть о поручении царя? Я и то не забыл бы!

Входит Бакулавалика. В руках у нее ножные браслеты.

Бакулавалика. Будь счастлива, подруга!

Малявика. А, Бакулавалика! Подруга, я рада тебя видеть. Садись около меня.

Бакулавалика (*садится*). На тебя, подруга, царица возложила обязанность: заставить ашоку расцвести, толкнув ее ногой. Дай сюда свою ногу: я покрашу ее красной краской и надену на нее браслет.

Малявика (*в сторону*). О сердце, не радуйся этой чести! Как мне найти избавление от любви! Может быть, это будет моим посмертным украшением? Ведь украшают мертвых, когда их собираются сжечь...

Бакулавалика. О чем ты задумалась? Поторопись, потому что царица очень огорчена тем, что ашока не хочет расцвести.

Агнимитра. Как, Малявика пришла сюда только для того, чтобы удовлетворить причуду ашоки?

Гаутама. Разумеется. И тут не обошлось без меня. Иначе разве повелела бы ей государыня надеть нескромный наряд царской возлюбленной и прийти в этот сад?

Малявика (*протягивая ногу*). Прости меня, подруга, что я касаюсь тебя ногой, хотя я не выше тебя по касте.

Бакулавалика. Ну что ты, подруга, ты для меня — как я сама! (*Начинает умахать ногу Малявики.*)

Агнимитра.

Видишь ты красную краску на ножке красивой?

Ножку такую нигде ты не сыщешь вовек:

Будто на древе любви, уничтоженном Шивой,
Новый явился побег!

Гаутама. Эта ножка, бесспорно, достойна того поручения, которое дано царицей.

Агнимитра. Ты прав.

Прикосновеньем ножки чаровница
Заставит, — всемогуща, как весна, —
Два существа перед собой склониться:
Ашоку, что причудами полна,
И друга, что раскаяньем объят,
Когда он пред любимой виноват!

Гаутама. Да, государь, когда вы станете ее возлюбленным и провинитесь в чем-нибудь, она и вас ударит ножкой.

Агнимитра. Я запомню эти слова брахмана-провидца.

Входит со своей служанкой Нипуникой вторая жена царя Иравати. Лицо ее дышит страстью.

И р а в а т и. Послушай, Нипуника. Правду ли говорят люди, что в женщине главное — страстность?

Н и п у н и к а. Так люди полагали всегда, а теперь, глядя на вас, я скажу, что это — бесспорная истина.

И р а в а т и. Полно мне льстить! Ты мне лучше скажи, откуда тебе стало известно, что государь направляется к домику, где хранится мой паланкин?

Н и п у н и к а. А как же иначе? Ведь государь любит вас!

И р а в а т и. Не будь такой угодливой. Я хочу знать, как было все на самом деле.

Н и п у н и к а. Я услышала об этом от шута. Он надеется, что в награду за известие получит от вас по случаю праздника Весны подарки. Так поспешим, госпожа.

И р а в а т и (*идет походкой, соответствующей ее душевному состоянию*). Ты видишь, сердце торопит меня, пылающую страстью, к моему господину, а ноги не желают мне повиноваться.

Н и п у н и к а. Вот и домик, где хранится ваш паланкин.

И р а в а т и. Но я не вижу государя.

Н и п у н и к а. Посмотрим повнимательней вокруг. Может быть, государь, чтобы вас развеселить, прячется в кустах? Присядем на каменную ограду у ашоки, среди лиан.

И р а в а т и садится.

О госпожа моя, взгляните: мы ищем побеги манго, а нас кусают муравьи!

И р а в а т и. Что ты хочешь этим сказать?

Н и п у н и к а. Вон там, в древесной тени, Бакула-валика украшает ногу Малявики.

И р а в а т и (*возбужденная*). Здесь не место для Малявики! Как она попала сюда?

Н и п у н и к а. Я думаю, что Малявика, по поручению царицы, намерена исполнить прихоть золотистой ашоки. Сама царица не может сейчас это сделать, ибо

она упала с паланкина и у нее болит нога. Иначе разве царица дала бы простой служанке свои ножные браслеты?

И р а в а т и. Поистине невиданная честь для дочери служанки!

Н и п у н и к а. Однако почему же мы не ищем государя?

И р а в а т и. Я не в силах сдвинуться с места. Сердце мне подсказывает, что здесь творится что-то неладное. Я должна выяснить все до конца. (*Смотрит на Малявику. В сторону.*) Нет, недаром мне весь день было не по себе.

Б а к у л а в а л и к а (*указывая Малявике на ее ногу*). Нравится ли тебе этот узор, подруга?

М а л я в и к а. Мне стыдно его хвалить, так как он нарисован на моей ноге. Где ты научилась этому искусству?

Б а к у л а в а л и к а. Меня научил ему сам государь.

Г а у т а м а (*тихо*). Если он тебя научил, ты поспеши отблагодарить учителя!

М а л я в и к а. Какая честь для тебя! И как хорошо, что ты не возгордилась!

Б а к у л а в а л и к а. Но теперь, когда я украшаю ножку, достойную моего искусства, я непременно возгоржусь! (*В сторону.*) Мне кажется, что мое посредничество подвигается весьма успешно. (*Разглядывая узор.*) Подруга, вот я и украсила твою ногу узором из красных линий. Сейчас я подую на нее, чтобы поскорее высохла краска. Впрочем, сегодня веет ветерок, высохнет и так.

А г н и м и т р а. Посмотри, посмотри, приятель!

Возможность мне сейчас дала судьба

Малявике служить: с какою лаской

Овеял бы дыханием раба

Я эту ножку с красной, свежей краской!

Гаутама. Не унывайте. Со временем вы вдоволь насладитесь таким занятием.

Бакулавалика. Твоя нога, подруга, красива, точно алый лотос. Да заключит тебя в свои объятия тот, кого ты назовешь своим повелителем!

Агнимитра (*тихо*). Я так этого хочу.

Малявика. Подруга, ты говоришь о невозможном.

Бакулавалика. Я сказала то, что должна была сказать.

Малявика. Ну да, ты ведь любишь меня.

Бакулавалика. Не только я.

Малявика. А кто еще?

Бакулавалика. Еще и очарованный твоими достоинствами государь.

Малявика. Ты заблуждаешься, во мне нет никаких достоинств.

Бакулавалика. Так тебе кажется, но осунувшееся, побледневшее лицо государя говорит о другом.

Нипуника (*Иравати*). Вот негодная! Я уверена, что она свой ответ приготовила заранее!

Бакулавалика. Последуй старинному доброму совету: «Любовь проверяют любовью».

Малявика. Самой ли тебе пришло в голову это изречение?

Бакулавалика. Нет, нет! Мои слова только отзвук сладостных и страстных речей государя.

Малявика. Увы, Бакулавалика, я теряю всякую надежду, едва только подумаю о царице.

Бакулавалика. Глупенькая! Если ты пожелаешь украсить себя манговым цветком, то разве не можешь сперва согнать с него пчелу?

Малявика. О, хитроумная! Так помоги мне украсить себя манговым цветком.

Бакулавалика. Я помогу тебе. Ведь мое имя Бакулавалика — «гирлянда из цветов бакула». А когда человек в плохом настроении, ему от одного вида цветов становится легче на душе.

Агнимитра (*в сторону.*) Умница, Бакулавалика, умница!

Служанка, действуя умело,
С Малявикой добилась встречи,
И вывести она сумела
Всех чувств ее противоречье.
Так говорит закон изустный,
И я скажу, душой измучась,
Что от посредницы искусной
Любовников зависит участь!

Иравати. Ты только посмотри, как эта хитрая Бакулавалика толкает Малявику на опасный путь!

Нипуника. Да, госпожа моя, такая наперсница своими речами может возбудить любовное томление даже в той, чьи чувства еще не проснулись.

Иравати. Не случайно я весь день была в тревоге. Мне необходимо все выяснить, и тогда я решу, как поступить.

Бакулавалика. Ну вот, я украсила и другую твою ногу. Теперь на обе надену браслеты. (*Надевает браслеты на ноги Малявики.*) Вставай, подруга, и вспомни наказ царицы: «Пусть расцветет ашока!»

Иравати. Ты слышишь? Наказ царицы!

Бакулавалика. Вон он пред тобой, налитый мощью, способный дать наслаждение...

Малявика. Кто — государь?

Бакулавалика (*усмехнувшись*). Да нет, не государь, а побег ашоки. Насладись его напряженной силой!

Гаутама. Ну, что ты теперь скажешь, государь?

Агнимитра. Как понятны эти речи тому, кто одержим любовью!

Пусть я с моей возлюбленной сольюсь,—
Не даст мне наслажденья наш союз,
Коль буду я пылать и жаждать страстно,
Она же будет к страсти безучастна.

Но если двое жаждут и горят,
То даже смерть милее им стократ,
Чем невозможность два своих желанья
Соединить в неистовстве слиянья!

Малявика навешивает на ухо алый побег ашоки и с врожденным изяществом ударяет ногой по стволу.

Посмотри, приятель:

Алеющий побег она взяла сначала
И ножку, разрисованную ало,
Ашоке отдала. Но что же делать мне?
Лишь я при этой мене в стороне!

Малявика. Теперь, когда мы оказали ей почести, ашока, быть может, расцветет.

Бакулавалика. Во всяком случае, не твоя будет вина, если она не расцветет после того, как ее коснулась такая ножка.

Агнимитра.

Нежна, как свежий лотос без порока,
Звенящая браслетами нога
Возлюбленной, что сердцу дорога,
Тебя коснулась, вешняя ашока.
И если ты сейчас не расцветешь,
То, значит, все твои причуды — ложь
И обманулись мы в тебе жестоко!

Приятель, я бы хотел найти предлог, чтобы подойти к ним и начать беседу.

Гаутама. Пошли, сейчас я над ней подшучу.
(Приближается вместе с царем к Бакулавалике и Малявике.)

Нипунника. Госпожа, сюда идет государь!

Иравати. Об этом мне раньше тебя сказала мое сердце.

Гаутама (к Малявике). Госпожа, разве годится ударять левой ногой ашоку, с которой в дружбе сам государь?

Обе (*смутившись*). Ой, государь!

Гаутама. Бакулавалика, почему ты, зная об этой дружбе, не помешала Малявике совершить столь непростительный поступок?

Малявика жестами выражает испуг.

Нипуника. Посмотрите, госпожа, что затеял достопочтенный шут!

Иравати. Разве у этого попрошайки-брахмана есть другой способ зарабатывать себе на пропитание!

Бакулавалика. Моя подруга выполняла поручение царицы. Мы, служанки, зависим от воли господ. Смилуйтесь, государь. (*Падает царю в ноги, побуждая к этому и Малявику.*)

Агнимитра. Если так, то она невиновна. Встань, милая. (*Берет Малявику за руку и помогает ей подняться.*)

Гаутама. Вы поступаете правильно, государь. Помогая подняться служанке, вы тем самым оказываете почести ее госпоже — царице.

Агнимитра.

Ножкой нежной, как бутон розовощекий,
Ты ударилась о жесткий ствол ашоки.

Украшающая свет,—
Боль твоя прошла или нет?

Малявика жестами выражает сильное смущение.

Иравати (*возмущенная*). У царя не сердце, а свежеснятое масло!

Малявика. Пойдем, подруга Бакулавалика, скажем царице, что ее поручение исполнено.

Бакулавалика. Но сперва попроси у государя разрешения удалиться.

Агнимитра. Ты можешь уйти, милая. Только выслушай сначала мою просьбу, подходящую к этому случаю.

Бакулавалика. Подруга, слушай со вниманием! Соизвольте говорить, государь!

Агнимитра.

Даже я, познавший над людьми главенство,
Никогда не ведал этого блаженства:
И меня коснись ты ножкою-цветком!
Я к другим отрадам ныне не влеком,
Болен я любовью, от нее — томленье,
Ты прикосновеньем дай мне исцеленье!

Иравати (*появляясь внезапно*). Да, да, прикоснись к нему! Ты тоже тогда расцветешь, как ашока, и тоже принесешь плод!

Все смущены.

Агнимитра. Как быть, приятель?

Гаутама. Бежать со всех ног. А что еще нам остается?

Иравати. Бакулавалика, ты ловко повела дело. А ты, Малявика, не оставь бесплодным стремление царя.

Обе. Не гневайтесь, госпожа! Кто мы такие, чтобы рассчитывать на благосклонность государя? (*Уходят.*)

Иравати (*царю*). Как лживы мужчины! Но я не знала об этом. Я слепо верила вам, как неопытная лань, замороженная коварным охотником.

Гаутама (*понижив голос*). Найдите выход, придумайте что-нибудь. Тот, кто попался в краже со взломом, должен сказать: «Я только учусь взламывать замки!»

Агнимитра. Очаровательная, пойми, мне нет никакого дела до Малявики. Я лишь слегка поразвлекся, поскольку ты задерживалась.

Иравати. А я-то и не подозревала, что государь любит развлекаться именно таким способом, — иначе разве я, несчастная, пришла бы сюда!

Гаутама. Госпоже не пристало упрекать государя в том, что он нарушает правила поведения при дворе. Можно ли вменять ему в вину беседу со случайно повстречавшейся служанкой царицы?

Иравати. Ну что ж, если хочешь, назови это беседой. Меня это не касается. *(Разгневанная, направляется к выходу.)*

Агнимитра *(следуя за ней)*. Прости меня, моя владычица!

Иравати продолжает идти. Пояс спадает у нее с бедер и путается в ногах.

Очаровательная, только жестокие могут быть равнодушны к любящим!

Иравати. Вы — лжец, у вас вероломное сердце!
Агнимитра.

Ты кричишь мне: «Лжец!» Ты хочешь мести,
Но жестокой ты не будь к другой,
И своей не урони ты чести,
Как ты пояс уронила свой!

Иравати. Помилуйте, государь. Даже мой пояс старается вам угодить! *(Подхватив пояс, замахивается на царя.)*

Агнимитра.

Ты, облив лицо слезами
И меня во лжи вина,
Поясом, упавшим с бедер,
Замахнулась на меня.
Так разгневанная туча,
Будто обнажая меч,
Хочет горную вершину
Грозной молнией расечь!

Иравати. Выходит, что не вы, а я — жестокая?
(Опускает руку с поясом.)

А г н и м и т р а.

Зачем, исполнена огня,
Являя гнев и муку,
Ты замахнулась на меня
И опустила руку?
Пускай я буду весь в крови,—
Готов принять удары:
Ты даже в ярости свои
Усиливаешь чары!

(В сторону.) Такая ложь простибельна. *(Падает к ее ногам.)*

И р а в а т и. Разве это ножки Малявики? Разве вы хотите, чтобы я вас коснулась ногой? *(Уходит вместе со служанкой.)*

Г а у т а м а. Вставайте, государь, туча пронеслась.

А г н и м и т р а *(поднимаясь и не видя более Иравати)*. Как, моя Иравати и впрямь меня покинула?

Г а у т а м а. Нам на руку, что она удалилась, пылая от злости и пренебрегая правилами придворного обхождения. Плающий Марс сошел со своей орбиты, и, пока гневная планета не вернулась на свою обычную стезю, нам следует улизнуть.

А г н и м и т р а. О, прихоти любви!

Любя одну, как рад я, что другая
Ушла, сердясь и мной пренебрегая.
Хотя она любви ко мне полна,—
Сама того не ведая, она
Мне оказала, разозлясь, услугу —
Я вправе бросить вздорную подругу:
Прощенья у ее молил я ног,
Но, чтоб ее отвергнуть, есть предлог!

(Уходит вместе с шутом.)

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит царь. Он тоскует по Малявике. С ним дворцовая привратница Джаясена.

Агнимитра (*в сторону*).

Едва,— об этом помню дне! —
О ней слышал слух,
Как дерево любви во мне
Пустило корни вдруг.
Едва во всей красе живой
Ее увидел глаз,
Как дерево любви листвою
Покрылось в тот же час.
Едва, желанием объят,
Я прикоснулся к ней,
Как дерева любви наряд
Стал ярче и пышней.
Поник я в грустном забытии,
Без милой мне беда...
О, дай мне, дерево любви,
Изведать вкус плода!

(*Громко.*) Эй, шут! Где ты, приятель?

Джаясена. Да будет государь с победой! Почтенного брахмана здесь нет.

Агнимитра (*в сторону*). Ах да, я послал его разузнать, что с Малявикой.

Гаутама (*входя*). Да будет царь с победой!

Агнимитра. Джаясена, поди-ка узнай, где пребывает царица и все ли еще у нее болит нога.

Джаясена. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Агнимитра. Приятель, какие новости у прелестной госпожи, у новой твоей подруги?

Гаутама. А такие же, как у пташки, оказавшейся в когтях у кошки.

Агнимитра (*в отчаянии*). Что случилось?

Гаутама. Царица, с глазами красными от ярости, приказала заключить бедную Малявику в подземелье, где хранятся сокровища.

Агнимитра. Она поведала о нашей встрече?

Гаутама. Да.

Агнимитра. Кто же столь мне враждебный возбудил против меня гнев царицы?

Гаутама. Вот что мне рассказала благочестивая Каушики. Вчера, когда у царицы сильно разболелась нога, пришла Иравати справиться о здоровье государыни.

Агнимитра. Дальше! Дальше!

Гаутама. Дальше царица спрашивает ее: «Виделись ли вы с вашим другом?» А та в ответ: «Видимо, государыня, вести к вам приходят с большим опозданием, если вы не знаете, что благосклонность друга теперь предназначается одной из ваших служанок».

Агнимитра. Хотя имя и не было названо, царица могла заподозрить только Малявику!

Гаутама. После настойчивых расспросов царица выведала у Иравати, как вы вели себя с Малявикой в саду.

Агнимитра. Сколько злости в моей второй жене! Что же было дальше?

Гаутама. Куда уж дальше! Малявика и Бакулавалика, закованные в цепи, брошены в подземелье, куда не проникает ни один луч солнца! Они находятся под землей, будто они — дочери змеечеловеков.

Агнимитра. Какое горе!

К бутону манго ластилась пчела,
И пела птишка звонко и светло.
Но вдруг завывла буря и в дупло
Подружек загнала!

Неужели мы не найдем никакого выхода?

Гаутама. Как его найти, если царица приказала Мадхавике, хранительнице подземелья: «Пока тебе не предъявят мой перстень с печаткой в виде змеи, не выпускай на волю презренную Малявику и Бакулавалику»?

Агнимитра. Что же нам измыслить, приятель?

Гаутама (*подумав*). Есть одно средство...

Агнимитра. Какое?

Гаутама (*осматриваясь вокруг*). Нас могут услышать те, кого мы не видим. Я скажу вам на ухо. Мы сделаем так... (*Шепчет на ухо.*)

Агнимитра (*радостно*). Превосходно придумано! Да сопутствует тебе удача!

Джаясена (*входя*). Государь, царица пребывает на своем ложе в саду. Ее нога, умащенная красным сандалом, покоится на руках служанки. Достопочтенная Каушки развлекает царицу разными историями.

Агнимитра. Вот удобный случай навестить царицу.

Гаутама. Ступайте, государь. А что касается меня, то я предстану перед царицей не с пустыми руками.

Агнимитра. Иди, но сначала научи Джаясену, что ей надо делать.

Гаутама. Хорошо. (*На ухо Джаясене.*) Ты должна поступить так... (*Рассказав обо всем, уходит.*)

Агнимитра. Джаясена, проводи меня в сад к царице.

Джаясена. Идемте, государь.

На сцене — возлежащая на ложе царица, Каушки и свита.

Дхарини. Достопочтенная, эта повесть обворожительна. А что было дальше?

Каушки (*увидев царя*). Об этом, государыня, я вам расскажу в следующий раз, к вам пожаловал государь, властелин страны Видиши.

Д х а р и н и. Государь! *(Пытается привстать.)*

А г н и м и т р а. Ну полно, к чему эти условности!

Ты, как всегда, сияешь красотой,
Хоть, от браслетов звонких отвыкая,
Покоится твоя нога больная
На маленькой скамейке золотой.
Навстречу мне решила ты привстать,
Лишь подошел я к милому порогу.
О нежная! Свою больную ногу
Не заставляй, как и меня, страдать!

Д х а р и н и. Да пребудет государь с победой!

К а у ш и к и. Да сопутствует победа царю!

А г н и м и т р а *(отвечая Каушики кивком головы)*.

Царица, полегчало ли тебе?

Д х а р и н и. Мне немного лучше.

Врывается ш у т. Его большой палец перетянут священным
брахманским шнуром.

Г а у т а м а. Спасите, спасите! Меня укусила змея!

Все в ужасе.

А г н и м и т р а. Какое несчастье! Как это случилось?

Г а у т а м а. Я собирал цветы в саду Прамадавана, чтобы ими почтить государыню...

Д х а р и н и. Позор на мою голову! Выходит, что из-за меня змея укусила жреца!

Г а у т а м а. ...И едва я протянул правую руку к цветку ашоки, как сама смерть выползла из норы и укусила меня. Посмотрите, вот след двух ее зубов. *(Показывает место укуса.)*

К а у ш и к и. Я слыхала, что в таких случаях полагается прежде всего вырезать место укуса. Медлить нельзя.

Чтобы ужаленных быстро избавить от яда,
Есть у врачей стародавнее правило: надо
Вырезать место укуса, иль рану прижечь,
Или позволить отравленной крови истечь.

Агнимитра. Пусть решают лекаря, врачующие
от яда. Джаясена, необходимо немедленно позвать
Дхрувасиддхи, многоопытного врача.

Джаясена. Слушаю, государь. *(Уходит.)*

Гаутама. Умираю! Злокозненная Смерть уносит
меня!

Агнимитра. Не будь трусом. Не все змеи — ядовиты.

Гаутама. Попробуй не быть трусом, когда по всему телу проходят судороги! *(Делает вид, что корчится в судорогах.)*

Дхарини. Увы, ему все хуже и хуже. Поддержите почтенного брахмана.

Служанки в тревоге устремляются к шуту, чтобы его поддержать.

Гаутама. Государь, мы — друзья детства. Прошу вас, позаботьтесь о моей старой матери. Других сыновей у нее нет.

Агнимитра. Успокойся. Не надо бояться. Придворный лекарь вылечит тебя.

Джаясена *(входя)*. Государь! Лекарь Дхрувасиддхи сказал: «Пусть больного жреца доставят ко мне».

Агнимитра. Позаботьтесь о том, чтобы евнухи бережно отнесли его к врачу.

Джаясена. Слушаю, государь.

Гаутама *(царице)*. Государыня, кто знает, живу ли я или нет. Если, стараясь угодить государю, я в чем-нибудь провинился перед тобой, то прости меня.

Дхарини. Живи долго, брахман!

Шут и Джаясена уходят.

Агнимитра. Бедняга мнителен от природы. Он не верит в искусство даже такого врача, как многознающий Дхрувасиддхи.

Джаясена (*входя*). Да пребудет царь с победой! Лекарь Дхрувасиддхи сказал: «Прежде чем искупать ужаленного змеей, надо произнести над сосудом с водою заклинание и приложить к сосуду какой-нибудь предмет с изображением змеи. Пришлите мне такой предмет!»

Дхарини (*Джаясене*). Вот перстень с печаткой в виде змеи. Вернешь мне его в собственные руки. (*Вручает Джаясене перстень*.)

Агнимитра. Джаясена, если лечение будет успешным, сразу же дай нам знать.

Джаясена. Слушаю, государь. (*Уходит*.)

Каушки. У меня есть предчувствие, что брахман исцелится от яда.

Агнимитра. Да будет так.

Джаясена (*входя*). Судороги у брахмана прекратились. Он чувствует себя хорошо.

Дхарини. Благодарение небу, я избавлена от неизбежных оговоров!

Джаясена. Властитель, первый советник Вахатака просит милостиво принять его, чтобы обсудить всевозможные государственные дела.

Дхарини. Царь может покинуть меня: дела государства — превыше всего.

Агнимитра. Здесь жарко, а вашей больной ноге необходима прохлада. Пусть ваше ложе перенесут в тень.

Дхарини. Служанки, исполняйте распоряжение государя.

Служанки. Слушаемся.

Царица, Каушки и служанки удаляются.

Агнимитра. Джаясена, проводи меня в сад Прамадавана потайной тропинкой.

Джаясена. Сюда, сюда, государь.

Агнимитра. Скажи, Джаясена, почтенный брахман в самом деле осуществил то, что задумал?

Джаясена. Да, государь!

Агнимитра.

Есть надежда, что из плена

Мы спасем любовь мою,—

Почему ж в душе смятенной

Страх и трепет я таю?

Гаутама (*входя*). Удача, государь, удача!

Агнимитра. Джаясена, ты можешь идти.

Джаясена. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Агнимитра. Приятель, неужели Мадхавика ничего не заподозрила? Говорят, что у хранительницы подземелья весьма злобный нрав.

Гаутама. А что она могла заподозрить, если я предъявил ей перстень царицы?

Агнимитра. Не о перстне речь. Разве ее не удивило то, что узниц освобождают так неожиданно и что это поручено тебе, а не друзьям царицы?

Гаутама. Это ее действительно удивило, но я, обычно столь туго соображающий, на этот раз быстро нашелся.

Агнимитра. Что же ты ей сказал?

Гаутама. Я объяснил ей: «Звездочеты сообщили царю, что его звезда предвещает ему беду, если он не освободит немедленно всех узников...»

Агнимитра (*весело*). Говори, говори!

Гаутама. «...Царица,— продолжал я,— щадя чувства ревнивой Иравати, приказала не ей, а мне: «Пойди от имени царя освободи Малявику и ее подругу». Так мы и достигли своей цели.

Агнимитра (*обнимая шуту*). Друг мой, какой верной любовью любишь ты меня! Воистину:

Не только строгим холодом рассудка

Друзья оказывают нам подмогу,

Но и любя нас преданно и чутко,

Выводят нас на верную дорогу.

Гаутама. Государь, поторопимся. Я оставил Малявику с подругой в беседке над прудом и пришел за вами.

Агнимитра. Я спешу к ней. Ступай вперед.

Гаутама. Следуйте за мной. Вот и беседка над прудом.

Агнимитра *(с беспокойством)*. Но я вижу Чандрику, служанку твоей покровительницы Иравати. Она собирает цветы. Спрячемся за стеной.

Гаутама. Ох, и впрямь все воры и любовники должны опасаться Чандрики: ведь ее имя означает «лунный свет»!

Агнимитра. Приятель, как по-твоему, чем сейчас занята Малявика? Глянем через смотровое окно.

Гаутама. Славная мысль.

Останавливаются и смотрят в окно. Появляются Малявика
и Бакулавалика.

Бакулавалика. Подруга, поклонись государю, он в дверях.

Агнимитра. Видимо, она собирается показать ей мое изображение.

Малявика *(радостно)*. Слава государю! *(Оглядываясь на дверь, разочарованно)*. Подруга, ты обманываешь меня!

Агнимитра. Как мне милы и радость ее, и разочарование!

Мне возлюбленной являет лик
Два лица в один и тот же миг
И напоминает лотос белый:
Раскрывается он поутру
И сворачивает ввечеру
Лепестки — и никнет, ослабелый.

Бакулавалика. Однако царь в самом деле здесь... но нарисованный.

Обе (*простершись перед картиной*). Государь, пребудь с победой!

М а л я в и к а. В тот день, когда я стояла перед государем лицом к лицу, я не насытила свои глаза его красотой так, как сейчас, когда могу долго смотреть на его изображение.

Г а у т а м а. Вы поняли, государь? Она хочет сказать, что в жизни вы хуже, чем на картине. Выходит, что зря вы бахвалитесь своей красотой, как ларец — драгоценностями.

А г н и м и т р а. Ты шутишь неудачно, приятель. Женщины, хотя и любопытны, но по природе своей застенчивы.

Когда мужчина женщине понравится,
Готова без конца
Разглядывать влюбленная красавица
Черты его лица,
Но, словно лань, пуглива и стыдлива,
Она глаза отводит торопливо.

М а л я в и к а. Кто это — та, на которую царь смотрит такими влюбленными глазами?

Б а к у л а в а л и к а. И которая немного повернула голову? Это Иравати.

М а л я в и к а. Мне кажется, подруга моя, что государь поступает невежливо, когда, повернувшись спиной к другим женщинам, смотрит только на нее.

Б а к у л а в а л и к а (*в сторону*). Она ревнует изображение государя так, как будто это он сам. Превосходно! Подразню-ка я ее немного! (*Громко.*) Государь любит Иравати больше, чем всех других женщин.

М а л я в и к а. Ах, так! Значит, мне нечего понапрасну волноваться! (*Отворачивается, выказывая ревность.*)

Агнимитра. Ты видишь, приятель?

Нахмурены темные брови,
И знак над бровями — бледней.
Какое волнение крови
От ревности вспыхнуло в ней!
Она отвернулася в смятенье,
Едва на портрет посмотрев,
Как будто играет на сцене
Досаду, и ревность, и гнев!

Гаутама. Так поскорее утешьте ее!

Малявика. На картине нарисован и почтенный жрец, и он, как всегда, — около государя. *(Пытается не смотреть на картину.)*

Бакулавалика. Ты все еще сердишься?

Малявика. С чего ты взяла? У меня нет причины для гнева.

Агнимитра *(приближаясь)*.

Увидев не меня — мое изображение,
Меня приревновала ты, любимая.
Но разве живопись есть сердца выраженье?
А я есть я! Обман — моя неверность мнимая,
Тебе, тебе одной — мое служенье!

Бакулавалика. Пребудь с победой, государь!

Малявика *(в сторону)*. Как я могла ревновать к другой изображению государя? *(Смущенная, складывает руки для приветствия.)*

Черты царя являют робость влюбленного.

Гаутама. Отчего вы так смущены, мой державный друг?

Агнимитра. Оттого, что эта красавица не внушает мне доверия.

Гаутама. Вы не доверяете Малявике?

Агнимитра. Послушай.

Едва она приснится мне, как вдруг
Мгновенно исчезает.
Придя в мои объятия, — из рук
Мгновенно ускользает.
Красавицу — иль я схожу с ума! —
Держу в объятье странном,
Но прелесть милой и она сама
Мне кажутся обманом!

Бакулавалика. Наш государь и впрямь был много раз обманут. Так докажи ему теперь, что любви можно доверять.

Малявика. Увы, судьба ко мне жестока: даже во сне я не могу помыслить о том, чтобы соединиться с государем!

Бакулавалика. Государь, слово за вами.
Агнимитра.

К чему слова? Но я их не нарушу.
Своим рабом теперь меня зови.
Свидетель — пятистрелый бог любви,
Что я навек тебе вручаю душу.
Пусть во дворец жрецов не пригласят
И скромным будет свадебный обряд, —
Смотри: я — господин жене законной,
Тебе — слуга, покорный и влюбленный!

Бакулавалика. Какое счастье!

Гаутама (*прохаживаясь со смущенным видом*).
Погляди-ка, Бакулавалика, лань обрывает побеги молодой ашоки. Пойдем прогоним ее.

Бакулавалика. Пойдем.

Агнимитра. Не забудь, приятель, что и нас надо охранять, как побеги ашоки.

Гаутама. И вы это говорите мне?

Бакулавалика. Почтенный брахман, я спрячусь, а вы будьте настороже.

Гаутама. Согласен.

Бакулавалика уходит.

Присяду-ка я на скамью из горного хрусталя. Как приятно прикоснуться к прохладному камню! (*Засыпает.*)

Малявика застывает в испуге.

Агнимитра.

Не бойся меня, ибо ты мне желанна,
Отдайся мне всею душою своей.
Как манговый ствол обвивает лиана,
Меня обними и обвей!

Малявика. Я боюсь царицы и не смею того, чего хочу.

Агнимитра. Ты не должна бояться.

Малявика (*насмешливо*). Я уже не раз видела, что делается с бесстрашным государем, едва только появляется госпожа Иравати.

Агнимитра.

То был не страх,— ты так не говори,—
А вежливость,— вот мой ответ правдивый.
Кому же не известно, что учтивы
Любовники, когда они — цари?
Но знай, что только ты, с глазами лани,—
Мое дыханье и мое желанье!

Пожалей меня, я так давно и так сильно тебя люблю!
(*Пытается обнять Малявику, она уклоняется. В сторону.*) Как обворожительно целомудренное смущение юной девушки, полюбившей впервые!

Она отталкивает руку,
Чьи пальцы, предвещая ласку,
С округлых бедер возбужденно
Сорвать пытаются повязку.

Она противится объятьям,
И прикрывает грудь нагую,
И накрепко сжимает губы,
Не поддаваясь поцелую.
И даже с трепетным притворством
Выказывая безучастье,
Она, невинная, дарует
Мне упоительное счастье!

Появляются Иравати и Нипуника.

Иравати. Послушай, Нипуника, правду ли ты говоришь, что Чандрика видела шута, в одиночестве дремлющего на скамье возле беседки над прудом?

Нипуника. Разве я стала бы вас обманывать?

Иравати. Тогда пойдем туда хотя бы для того, чтобы спросить у приятеля царя, как он себя чувствует после укуса змеи, а кроме того...

Нипуника. Договаривайте, госпожа моя!

Иравати. А кроме того, предстанем перед картиной и почтительно испросим благословения у нарисованного государя.

Нипуника. Но почему же нам не испросить благословения у самого государя?

Иравати. Глупая! Таким, каким он изображен на картине, государь уже не будет никогда: его сердце отдано другой. А я просто хочу загладить свою вину, ибо я вела себя наперекор правилам придворной учтивости.

Нипуника. Так пойдемте, госпожа моя.

Входит Нагарика, служанка царицы.

Нагарика. Будьте счастливы, госпожа! Царица поручила мне сказать вам такие слова: «Только потому, что я хотела выказать вам свое внимание и уважение, я приказала бросить в подземелье Малявику и ее подругу. Но если вы соблаговолите сделать приятное государю, то я велю их освободить. Я жду вашего решения».

И р а в а т и. Нагарика, передай государыне: «Кто я такая, чтобы указывать царице, как поступить? Вы, государыня, проявили ко мне истинное сочувствие, когда приказали заковать в цепи обеих служанок. Кто, кроме владычицы, мог бы еще оказать подобную милость такой, как я?»

На г а р и к а. Слушаю, госпожа. (*Уходит.*)

Н и п у н и к а (*осматриваясь вокруг*). Госпожа моя, взгляните: неподалеку от беседки спит на скамье, словно бык на базаре, достопочтенный шут!

И р а в а т и. Бедняга! Не продолжается ли действие змеиною яда?

Н и п у н и к а. Не думаю. Лицо его спокойно, к тому же его лечил сам Дхрувасиддхи. Тревожиться нет причины.

Г а у т а м а (*во сне*). Милая Малявика...

Н и п у н и к а. Вы слышали, госпожа моя? Вы поняли, чью сторону держит этот наглый обманщик? Все время он себе набивал брюхо сластями, выпрошенными у вас, а теперь произносит во сне имя Малявики.

Г а у т а м а (*во сне*). ...Вы красивей Иравати.

Н и п у н и к а. Пропади ты пропадом, болтун. Спрячемся, госпожа, за оградой, и я напугаю этого болтливового брахмана, боящегося змей, деревянной палкой, изогнутой, как змея.

И р а в а т и. Неблагодарный и впрямь заслуживает наказания.

Нипуника бросает в шута палку.

Г а у т а м а (*внезапно просыпаясь*). Спасите, спасите! Государь, на меня напала змея!

А г н и м и т р а (*выходя из беседки*). Приятель, не надо пугаться.

М а л я в и к а (*следуя за царем*). Будьте осторожны, государь. Он кричит «змея»!

И р а в а т и. Стыд и срам. Царь был с нею в беседке!

Гаутама (*громко смеясь*). Как, это всего лишь палка? А я-то подумал, что пришло воздаяние за мой обман и на меня сейчас бросилась настоящая змея!

Стремительно вбегает Бакулавалика.

Бакулавалика. Остановитесь, государь! Здесь, говорят, видели змею!

Иравати (*выходя из-за ограды*). Не помешали ли мы вашим ласкам средь бела дня?

Все смущены.

Агнимитра. Дорогая, я впервые слышу, чтобы меня приветствовали таким образом.

Иравати. Хвалю тебя, Бакулавалика: ты незамеченная посредница.

Бакулавалика. Успокойтесь, госпожа. Как бы ни квакали лягушки, создатель не перестанет оплодотворять землю.

Гаутама. Не сердитесь на царя, моя владычица. Вы так неожиданно появились перед ним, что он растерялся и не успел исполнить свой долг перед любимой женщиной. Неужели, госпожа, вы его не простите?

Иравати. Я вне себя от гнева, но что я могу поделать?

Агнимитра. Напрасно ты гневаешься, прекраснотелая!

Мне гнева твоего причина, поверь, красавица, ясна: Ты — как луна, а без причины не затмевается луна. Как быть луне, коль черный демон ее похитит в эту
ночь?

Ты тоже, как луна, бессильна: тебе судьбы
не превозмочь.

Иравати. Государь сказал правильно: гневаться мне не пристало. Все мое счастье отняла другая, а теперь мой гнев может вызвать только насмешку.

Агнимитра. Воля твоя, но я не вижу повода для гнева.

Слугу, что пред царем свершил проступок тяжкий,
В темницу не ведут в торжественные дни,
И мной поэтому отпущены бедняжки,—
И вот благодарить меня пришли они.

Иравати. Ступай, Нипуника, и скажи государыне: «Моя госпожа наконец-то поняла, чью сторону вы держите!»

Нипуника. Иду. *(Уходит.)*

Гаутама. Вот беда! Не успел голубок выбраться из клетки, как попал в клюв коршуна.

Нипуника *(возвращаясь)*. Госпожа моя, мне повстречалась хранительница подземелья и рассказала, как все было проделано... *(Продолжает шепотом на ухо Иравати.)*

Иравати *(в сторону)*. И здесь не обошлось без этого пройдохи-шута! *(Громко, шуту.)* Отныне мне ясно, хитрый сводник, какие сети ты плетешь!

Гаутама. Что вы, госпожа! Если бы я был сводником, то знал бы на память свод законов, но я — не всегда и плету невесть что!

Агнимитра. В самом деле, как бы выпутаться из силков, в которые мы попали!

Джаясена *(быстро входя, возбужденно)*. Маленькая Васулакшми побежала за мячиком, но тут внезапно выскочила рыжая обезьяна и напугала царевну. Теперь девочка дрожит, как лист на ветру, на коленях у царицы и никак не может прийти в себя.

Агнимитра. В детстве мы всего пугаемся!

Иравати *(встревоженно)*. Государь, пойдите приласкайте царевну,— как бы дитя не заболело от испуга.

Агнимитра. Да, пойду успокою ребенка. *(Быстро направляется к выходу.)*

Гаутама *(в сторону)*. Благодарю тебя, рыжая обезьяна! Ты хорошо помогла мне, своему собрату по ремеслу!

Все, кроме Малявики и Бакулавалики, уходят.

Малявика. Сердце у меня сжимается, как только подумаю о царице. Не знаю, что еще ждет меня впереди.

За сценой. Чудо! Чудо! Не прошло и пяти дней, как удовлетворили прихоть золотистой ашоки, а она уже вся покрылась цветами! Известим об этом государыню!

Услышав эти возгласы, обе подруги радуются.

Бакулавалика. Пришло твое счастье, Малявика! Царица обещала исполнить твое заветное желание, если расцветет ашока, а царица всегда верна своим обещаниям.

Малявика. Тогда поспешим к садовнице.

Бакулавалика. Поспешим, подруга!

Конец четвертого действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ПРОЛОГ

Появляется садовница Мадхукарика.

Мадхукарика. С моей помощью вокруг золотистой ашоки сооружена ограда, напоминающая жертвенный алтарь. Пойду сообщу государыне, что я исполнила ее повеление. *(Делает несколько шагов.)* Судьба должна наконец сжалиться над Малявикой. Государыня пока еще гневается на нее, но царственный лик засияет новой красотой при известии о том, что ашока

расцвела... Но где же сейчас государыня? (*Оглядываясь.*) А, вот один из ее слуг, горбун Сарасака. Он выходит из квадратного внутреннего двора. У него в руках ларец, запечатанный красным воском. Поговору с горбуном.

Появляется Сарасака.

Куда ты, Сарасака?

Сарасака. Настал день, когда самым ученым жрецам раздают награды. Я несу ларец домашнему жрецу царской семьи.

Мадхукарика. Зачем?

Сарасака. С тех пор как царица узнала, что отец государя, верховный полководец, возложил на ее сына почетную обязанность охранять жертвенного жеребца, счастливая мать ежедневно жалует ученых жрецов восемнадцатью золотыми, чтобы они молились за ее сына.

Мадхукарика. Мудрая женщина! А где сейчас царица?

Сарасака. Она в молельне. Писцы читают ей письмо от ее брата Вирасены, присланное из страны Видарбхи.

Мадхукарика. А что слышно о Яджнясене, о царе страны Видарбхи?

Сарасака. Победоносные войска нашего государя под предводительством Вирасены разгромили рать царя Видарбхи, а двоюродный брат этого царя Мадхавасена освобожден. Завтра перед государем предстанет посол благодарного Мадхавасены. Он везет в дар государю дорогие камни, колесницы, слуг и юных девушек, обученных различным искусствам.

Мадхукарика. Ступай по своим делам, а я пойду к государыне.

Конец пролога.

Появляется привратница Джаясена.

Джаясена. Государыня собирается чествовать золотистую ашоку и наказала мне: «Сообщи государю, что я хочу вместе с ним полюбоваться на цветение ашоки». Царь сейчас восседает в кресле судьи. Придет-ся мне подождать, пока он освободится. (*Прохаживается по сцене.*)

Из-за сцены слышны голоса двух придворных
порт

Два порта. Благословенна судьба государя, чьи войска разгромили врагов!

Первый порт.

О государь:

На берегу реки Видиша, где сад весенний,— твой
Как бог любви, ты внемлешь песне, что птицы
звонкие поют.
А там, где Варады прозрачной в густых деревьях
берега,
Твои слоны победоносно бежать заставили врага,
И враг склонился пред тобою и воинством твоей
страны,
Как те стволы, к которым были твои привязаны слоны.

Второй порт.

О двух прославленных героях стихи составили поэты,
Над войском Видарбхи-державы два победителя
воспеты:
Один — бог Кришна, тот, кто с боем увел красавицу
Рукмини,
Другой — могучий Агнимитра, победу одержавший
ныне!

Д ж а я с е н а. Я слышу здравицы, а это означает, что сюда приближается государь. Отойду-ка я в сторону и встану под арку главной дворцовой террасы. (*Отходит в сторону.*)

Появляются Агнимитра и шут.

Агнимитра.

Когда я тоскую: «С возлюбленной буду ль вдвоем?»,
Но весть узнаю про успех своего полководца,—
Как лотос, что зноем палим и обрызган дождем,
Скорбит мое сердце и одновременно смеется!

Г а у т а м а. Мне кажется, мой высокий друг, что скоро ваше счастье очистится от примеси печали.

Агнимитра. Почему ты так думаешь?

Г а у т а м а. А вот почему. Сегодня царица сказала мудрой Каушки: «Достопочтенная, если вы гордитесь своим искусством наряжать женщин, то сделайте так, чтобы Малявика предстала перед нами в наряде новобрачной из страны Видарбхи». И вот Малявика наряжена с изысканным вкусом. Как знать, может быть, государыня исполнит и ваше заветное желание.

Агнимитра. Приятель, возможно, что ты близок к истине. Царица уже давно меня не ревнует и считается с моими чувствами.

Д ж а я с е н а (*приближаясь*). Да будет государь с победой! Царица просит вас полюбоваться вместе с ней красотой расцветшей ашоки.

Агнимитра. Государыня уже в саду?

Д ж а я с е н а. Да. Отпустив обитательниц женской половины дворца, осласливленных ее благоволением, царица направилась в сад. Государь, она ждет вас, окруженная служанками во главе с Малявикой.

Агнимитра (*бросая взгляд на шута, радостно*). Д ж а я с е н а, веди нас!

Д ж а я с е н а. Идемте, государь.

Все идут.

Гаутама (*оглядываясь*). Не кажется ли вам, государь, что весна уже перешагнула через пору своей юности?

Агнимитра. Ты прав.

Плодами зрелых манговых деревьев
И множеством цветов полна,
С девической невинною порою
Уже прощается весна,
И сердцу грустно, что уходит юность,
Что не воротится она...

Гаутама (*на ходу*). О государь, как похорошела ашока, когда надела наряд из цветов!

Агнимитра. Недаром она медлила с цветением,— зато теперь она затмила красотой всех своих подруг. Взгляни:

Исполнили ее прелестную причуду,
Почтили, словно будущую мать,
И мнится, к ней со всех деревьев, отовсюду
Цветы слетелись, чтоб на ней сиять!

Гаутама. Воодушевитесь, государь: хотя вы приближаетесь, царица позволяет Малявике остаться.

Агнимитра (*радостно*). Ах, дружище!

Возлюбленная возле государыни —
Как Лакшми, но без лотоса в руке.
Сама Земля — моя царица Дхарини —
Приподнимается невдалеке.
Земля меня почтительно приветствует
В прекрасном облике моей жены.
Моя Удача — Лакшми — с ней соседствует,
И обе в жены мне судьбой даны!

Появляются царица, Каушики, Малявика и свита. Все рассказываются сообразно сану.

М а л я в и к а (*в сторону*). Я знаю, почему меня украсили свадебным шнуром! Сердце мое трепещет, как капелька воды на листке лотоса. И веко моего левого глаза вздрагивает, а это — к счастью!

Г а у т а м а. Государь, как красива Малявика в свадебном наряде!

А г н и м и т р а. И впрямь, до чего же она хороша!

Не слишком длинно одеянье,
Тончайший шелк — как лунный свет,
И драгоценностей сиянье —
Как бы свечение планет.
И в белом шелке предо мною
Сверкает, смуглая, она,
Как ночь, которая луною
И звездами озарена!

Д х а р и н и (*приближаясь*). Да пребудет государь с победой!

Г а у т а м а. Да пребудет государыня в благоденствии!

К а у ш и к и. Да сопутствует государю счастье!

А г н и м и т р а. Приветствую тебя, достопочтенная!

К а у ш и к и. Да исполнятся ваши желания!

Д х а р и н и (*улыбаясь*). Государь, мы задумали оказать ашоке новые почести: пусть возле нее будет отныне место ваших свиданий с молодыми женщинами.

Г а у т а м а. Радуйтесь, государь!

А г н и м и т р а (*смущенный, обходит ашоку*).

Пусть будут почести такие возданы
Расцветшей: медлила ашока подчиниться
Весьма настойчивым велениям весны,
Но расцвела, когда велела ей царица...

Г а у т а м а. Государь, доверьте же свое сердце ей, цветущей цветением юности!

Д х а р и н и. Кого ты имеешь в виду?

Гаутама. Золотистую ашоку, государыня!

Агнимитра (*глядя на Малявику, в сторону*). Как тяжело быть так близко от нее и не быть вместе с нею!

Мы — словно страстно влюбленные птицы,

Те, что в ночи разлучиться должны.

Вот почему мы боимся царицы —

Ночеподобной жены!

Маудгалья (*входя*). Да пребудет государь с победой! Главный советник сообщает: «Две девушки, обученные искусствам и присланные в дар из страны Видарбхи, не могли до сих пор явиться во дворец, так как устали в пути. Теперь они отдохнули и готовы предстать перед государем». Да соизволит государь повелеть.

Агнимитра. Пусть войдут.

Маудгалья. Слушаю, государь. (*Выходит и возвращается с обеими девушками.*) Пожалуйста сюда.

Джиотсника (*тихо*). Хотя я в этом дворце впервые, в сердце моем — предчувствие счастья.

Маданика. О Джиотсника, и со мной творится то же самое. Недаром народная мудрость гласит, что сердце — наилучший провидец!

Джиотсника. Да сбудется сейчас эта поговорка!

Маудгалья. Перед вами государь и государыня, можете к ним приблизиться.

Обе приближаются. При виде девушек Малявика и Каушки обмениваются многозначительным взглядом.

Обе девушки (*падая ниц*). Да пребудут с победой царь и царица! (*Садятся по молчаливому приказу царя.*)

Агнимитра. В каких искусствах вы преуспели, госпожи?

Обе. Государь, мы обучены музыке.

Агнимитра (*царице*). Государыня, выберите себе одну из них.

Д х а р и н и. Малявика, подойди-ка посмотри, какая из этих девушек тебе больше подходит для игры на сцене?

Обе (*при виде Малявики*). Наша царица! (*Падают в слезах к ногам Малявики*). Слава нашей царице!

Агнимитра. Кто вы? И кто она?

Обе. Государь, она дочь нашего царя.

Агнимитра. Она — дочь царя?

Обе. Благоволите выслушать, государь. Высокородная Малявика — младшая сестра царевича Мадхавасены, который был освобожден из плена, когда ваши войска одержали победу над Яджнясеной, царем Видарбхи.

Д х а р и н и. Как? Малявика — царица? Воистину, я унизила благородный сандал, приказав изготовить из него сандали!

Агнимитра. Как же случилось, что царица стала служанкой?

Малявика (*в сторону*). Такова воля Судьбы.

Маданика. Благоволите выслушать, государь. Когда наследник престола царевич Мадхавасена был захвачен в плен своим родичем Яджнясеной, советник царевича, благородный Сумати, тайно увез ее во время сумятицы.

Агнимитра. Об этом я уже слышал. Что было дальше?

Маданика. А что было дальше, мы не знаем.

Каушки. Я, несчастная, знаю, что было дальше.

Обе девушки (*Малявке*). Царица, это как будто голос благородной Каушки!

Малявика. Да, это она.

Обе. Мы не узнали ее в одежде монахини. (*К Каушки.*) Будь счастлива, достопочтенная госпожа.

Каушки. Привет вам, дети мои.

Агнимитра. Достопочтенная, вам эти девушки знакомы?

Каушки. Да.

Гаутама. Тогда, достопочтенная, расскажите нам повесть о приключениях царицы.

Каушки (*печально*). Узнайте же, что Сумати, советник царевича Мадхавасены,— мой старший брат.

Агнимитра. Вот оно что! Мы слушаем вас, до-
стопочтенная.

Каушки. Когда Мадхавасена попал в плен, мой брат, спасая царевну, увез ее и прихватил с собой и меня. Памятуя о вашем, государь, союзе с нашим наследником престола, мой брат пристал к каравану купцов, который направлялся в вашу страну.

Агнимитра. Продолжайте, продолжайте!

Каушки. Купеческий караван, пройдя день пути, устроил привал на опушке леса.

Агнимитра. Продолжайте, продолжайте!

Каушки. И тогда,

Обтянуты ремнями от колчанов,
Украшены павлиньими хвостами,
С погибельными стрелами нагрывув,
Разбойники предстали перед нами.
Они кричали, смертью нам грозя,
И с ними было справиться нельзя.

Малявика выказывает страх.

Гаутама (*Малявике*). Не бойтесь, царевна. Ведь почтенная Каушки рассказывает о том, что уже миновало.

Агнимитра. Продолжайте, многоуважаемая.

Каушки. Мгновенно завязалась битва между разбойниками и охраной каравана. Разбойники нас разгромили.

Агнимитра. Мне даже страшно подумать о том, что было вслед за тем!

Каушки. А вслед за тем мой брат.

Чтоб защитить царевну, чьей опорой
Он был, — вступил в сражение с этой сворой,
Пред государем свой исполнил долг,
В неравной битве навсегда замолк.

Д ж и о т с н и к а. Какое горе! Неужели Сумати убит?
М а д а н и к а. Вот отчего все злключения царевны!

Каушкин плачет.

А г н и м и т р а. Не плачьте, достопочтенная, таков удел всех смертных. Лучше воздадим должное благородному человеку, который не ел даром хлеб своего царя. Продолжайте, прошу вас.

К а у ш и к и. Я потеряла сознание, а когда пришла в себя, царевны и след простыл.

А г н и м и т р а. Воистину, великое страдание выпало вам на долю.

К а у ш и к и. Предав огню тело убитого брата, я как бы овдовела вторично. И вот, надев темноцветный наряд отшельницы, я направились в вашу страну.

А г н и м и т р а. Вы поступили как добродетельная женщина. Что было потом?

К а у ш и к и. А потом было вот что. Царевне удалось бежать, она попала к лесным жителям, и те ее отдали полководцу Вирасене. А Вирасена отправил ее к государыне, своей сестре, и я, получившая доступ в покои царицы, неожиданно нашла Малявику. Вот и конец моей повести.

М а л я в и к а (*в сторону*). Что теперь скажет государь?

А г н и м и т р а. Бедствия порождают унижение!

Рожденная царицей полновластною,—
Служанкой стала. Нет судьбы печальней!
Как будто одеяние атласное
Вдруг полотенцем сделалось в купальне!

Д х а р и н и. Достопочтенная, вы поступили нехорошо, умолчав о высоком происхождении Малявики.

К а у ш и к и. Да простится мне мой грех, но у меня была причина хранить молчание.

Д х а р и н и. Какая же причина?

А г н и м и т р а. Могли бы вы открыть и нам эту тайну?

Каушки. Благоволите выслушать. Еще когда был жив отец Малявки, явился ко двору, пропитания ради, святой подвижник, чьи предсказания исполнялись. Провидец в моем присутствии предрек, что царевна целый год пробудет служанкой, но потом она выйдет замуж за человека достойного. Государь, я видела, что, пока царевна находится при вас в качестве служанки, предсказание святого старца постепенно сбывается,— и решила не вмешиваться: пусть события идут своим чередом. Я полагаю, что поступила правильно.

Агнимитра. Ваше молчание было разумным.

Маудгалья (входя). Да соизволит государь склонить слух к другому известию. Первый советник сообщает: «Собрание советников просит государя высказать свое мнение о том, как поступить со страной Видарбхи».

Агнимитра. Я намерен установить в этой стране двойное правление. Пусть ее царями станут два двоюродных брата: Яджнясена и Мадхавасена.

Пусть царствуют они в согласье дружном
На разных берегах реки одной:
Один — на северном, другой — на южном.
Так делятся меж Солнцем и Луной
Держава Света и Держава Мрака,
Но между ними нет вражды, однако!

Маудгалья. Государь, я передам собранию советников ваше решение.

Царь жестом выражает согласие. Маудгалья удаляется.

Джотсника (Малявке). Царевна, как хорошо, что ваш брат воссядет на престол в своей половине царства.

Малявика. Больше всего мы должны радоваться тому, что его жизнь вне опасности.

Маудгалья (входя). Да пребудет государь с победой! Первый советник просит передать: «Мысль по-

велителя превосходна. Собрание советников согласно с решением государя, ибо

Цари, покорные твоей деснице,
Разделят бремя власти на две части.
Как два коня в единой колеснице,
Они помчатся по дороге счастья!»

Агнимитра. Пусть собрание советников сообщит наше решение полководцу Вирасене.

Маудгалья. Слушаю, государь. *(Уходит и возвращается с письмом и подарком.)* Повеление государя исполнено. А здесь письмо и дар от верховного вожатого войска Пушпамитры. Да соизволит государь прочесть письмо.

Царь быстро встает, почтительно принимает дар и передает его свите. Затем вскрывает письмо.

Дхарини *(в сторону)*. Все мое сердце — в этом письме! Я уверена, что мой высокородный свекор сообщает добрые вести о моем Васумитре. Недаром же верховный вожатый войска возложил на нашего сына такую почетную обязанность.

Агнимитра *(садится и читает)*. «Пребудьте с победой! Верховный вожатый войска Пушпамитра, находясь в храме для принесения жертв, приветствует своего сына Агнимитру, царя Видиши. Как вам известно, я возложил на Васумитру, внука нашего, возглавляющего сотню царевичей, высокую обязанность охранять жеребца, предназначенного для царского жертвоприношения. Я отпустил жеребца на волю сроком на год. Когда жертвенный конь гулял без узды по правому берегу Синда, он был захвачен отрядом греческих всадников. Отряд Васумитры вступил с греками в жестокую схватку...»

Царица выражает испуг.

Как можно было допустить захват жертвенного жеребца! *(Продолжает чтение.)*

«...Но Васумитра бился дерзновенно,—
Мой внук порадовал меня:
Отважный лучник мне вернул из плена
Великолепного коня!»

Д х а р и н и. Сердце мое успокоилось.

А г н и м и т р а (*заканчивая чтение*). «...И вот я теперь уподобился древнему царю Сагаре, чей внук возвратил ему лошадь, украденную богом Индрой. Я совершу жертвоприношение, и ты, мой сын, должен немедленно, с проясненной душой, явиться сюда вместе с царицей, дабы присутствовать при жертвенном обряде». (*Окончив чтение.*) Я удостоен великой милости!

К а у ш и к и. Воистину, счастливы родители, у которых такой сын!

Вас женой героя раньше величал народ,
Ныне матерью героя вас он наречет.

Ш у т. Я счастлив, что сын последовал по стопам отца.

К а у ш и к и. Молодой слон уподобился вожаку стада.

М а у д г а л ь я. Государь, нет ничего удивительного в бесстрашии царевича, ибо он ваш сын:

Аурва-отшельник превратил
Сына своего в огонь подводный.
Так и вы, о царь,— источник сил,
А огонь — ваш отпрыск благородный!

А г н и м и т р а. Распорядитесь, чтобы всех узников отпустили на волю, а среди них — и зятя царя Яджнясены.

М а у д г а л ь я. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Д х а р и н и. Джаясена, ступай на женскую половину и всем ее обитательницам во главе с госпожой Иравати сообщи о победе моего сына.

Д ж а я с е н а. Иду, государыня. (*Хочет уйти.*)

Д х а р и н и. Погоди-ка.

Д ж а я с е н а. Я здесь.

Д х а р и н и (*понижив голос*). Сообщи госпоже Иравати о благородном происхождении Малявики. Напомни ей, что я обещала Малявике исполнить ее заветное желание, как только расцветет золотистая ашока. А затем скажи: «Царица просит вас не препятствовать ей».

Д ж а я с е н а. Все исполню, государыня. (*Уходит, потом возвращается снова.*) Государыня, обитательницы женской половины так обрадовались победе вашего сына, что засыпали меня дорогими украшениями, и я сейчас похожа на шкатулку, наполненную драгоценностями.

Д х а р и н и. Этих женщин легко понять. Моя радость — их радость, мой успех — их успех.

Д ж а я с е н а (*тихо*). А вот ответ госпожи Иравати: «Слово царицы должно быть исполнено, ибо не к лицу великой государыне нарушать свое обещание».

Д х а р и н и (*Каушики*). С вашего позволения, многотимая, я хочу, как это было задумано вашим покойным братом, отдать Малявику в жены государю.

К а у ш и к и. Даже и теперь только вы, о государыня, вправе распоряжаться судьбой Малявики.

Д х а р и н и (*беря Малявику за руку*). Государь, вот вам подарок, такой же прекрасный, как и весть, которую мы сегодня получили.

Царь смущенно молчит.

(*Улыбаясь.*) Неужели государю не по душе мой подарок?

Г а у т а м а. Таковы люди: получив то, о чем давно мечтали, они смущаются.

Царь смотрит на шута.

Или, может быть, государь желает, чтобы вы, отдавая ему в жены Малявику, торжественно нарекли ее царицей?

Д х а р и н и. Малявика в этом не нуждается; она царица по праву своего происхождения.

К а у ш и к и. Я не совсем с этим согласна:

Лишь камень, ювелиром отделанный на славу,
Достоин золотую приобрести оправу.

Д х а р и н и (*вспомнив*). Простите меня, многотчая! Обрадованная успехами сына, я забыла о своих обязанностях. Джаясена, ступай-ка и принеси покрывало из белого шелка.

Д ж а я с е н а. Слушаюсь. (*Выходит и возвращается с шелковым покрывалом.*) Я принесла, государыня.

Д х а р и н и (*надев покрывало на Малявику*). Государь, благоволите теперь принять ее в жены.

А г н и м и т р а. Государыня, поскольку вы — владычица, я молча повинуюсь.

К а у ш и к и. Смотрите, отныне Малявика — жена государя!

Г а у т а м а. О государь, как великодушна к вам царица.

Царица выразительно глядит на свою свиту.

С в и т а (*поняв взгляд царицы, окружает Малявику*). Будьте счастливы, наша высокородная госпожа!

К а у ш и к и. Меня не удивляет ваше великодушие, государыня:

Добродетельная жена,
Мужу милому угождая,
Признает, что ему нужна
Для услады жена вторая.
Точно так речная вода
В океан стремится глубокий,
Но с собой приносит всегда
Многочисленные притоки!

Н и п у н и к а (*входя*). Да пребудет государь с победой! Госпожа Иравати просит вам передать: «Я виновна перед государем, ибо нарушила правила учтивости. Но моя вина не помешала счастьем государя, и я прошу — да будет мой повелитель ко мне снисходителен».

Д х а р и н и. Нипуника, государь, несомненно, удовлетворит просьбу госпожи Иравати.

Н и п у н и к а. Это большая милость.

К а у ш и к и. Позвольте мне, государь, отправиться к царю Мадхавасене, чтобы поздравить его с заключением столь желанного ему родственного союза с вами.

Д х а р и н и. Достопочтенная, неужели вы хотите нас покинуть?

А г н и м и т р а. В свое послание к Мадхавасене я вставляю и ваши поздравительные слова.

К а у ш и к и. Я покорена любовью ко мне государя и государыни, я остаюсь!

А г н и м и т р а. Прекрасно!

Царица, ты мне даровала великое счастье,
И сердце мое пред тобой благодарно раскрыто.
Пусть знает народ, что от всякой беды и напасти
Ему Агнимитра — надежный оплот и защита.

*На этом заканчивается пьеса
о Малявике и Агнимитре,
сочиненная господином Калидасой.*

**МУЖЕСТВОМ
ЗАВОЕВАННАЯ
УРВАШИ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МУЖЧИНЫ

Пурура́вас — царь Пратиштха́ны.

Ма́нава́ка — брахман, шут, друг и наперсник
Пурураваса.

А́йуш — сын Пурураваса.

Чи́тра ра́тха — царь гандхарвов, небесных
музыкантов в раю бога Индры.

На́рада — божественный мудрец, вестник бо-
гов.

Ла́тавья — глава придворных.

Колесни́чий.

Стрело́к-горе́ц.

Га́лва } ученики святого Бхараты, создате-
Пе́лава } ля драмы.

ЖЕНЩИНЫ

Урва́ши — апсара, небесная дева в раю бога
Индры.

Чи́тра ле́кха — апсара, наперсница Урваши.

Сахаджа́ния }
Ме́нака } апсары.
Ра́мбха }

Царица, дочь царя Бенареса, жена Пуру-
раваса.

Нипу́ника — служанка царицы.

Отшельница.

Гречанка — дворцовая служанка.

Голоса придворных поэтов.

Голос вестника богов.

Голоса за сценой.

В ПРОЛОГЕ:

Руководитель труппы.

Помощник.

ПРОЛОГ

Руководитель труппы (*читает молитву*),

Тот, кого приверженцы Веданты
Именуют мужем совершенным,
Кто владея Небом и Землею,
Остается стойким, неизменным.
Тот, кого, единственного в мире,
Именуют Высшим и Владыкой,
Кто для обуздавших вдох и выдох
Есть несокрушимый и великий;
Тот, кого обрящем не в обрядах,
А в самих себе, в душе смиренной,—
Да проявит к вам любовь и милость
Повелитель Шива, Столп Вселенной!

Хватит, однако, многословных излияний! (*Посмотрев за сцену.*) Мариша, иди сюда!

Помощник. Я здесь, господин.

Руководитель труппы. Это собрание благодарных не раз наслаждалось творениями старых поэтов. Теперь, Мариша, я хочу предложить вниманию почтенных зрителей новую драму, сочиненную господином Калидасой и называемую «Мужеством завоеванная Урваши». Скажи актерам, чтобы каждый из них приготовился с великим старанием исполнить свою роль.

Помощник. Как прикажете, господин. (*Уходит.*)

Руководитель труппы. А я, покуда занавес не поднят, скажу просвещенным знатокам и ценителям искусства несколько слов.

На нас взгляните благосклонным взором,
Питая уважение к актерам
И к сочинителю сего труда.
Мне ни к чему словесные прикрасы,
Я вас прошу,— творенье Калидасы
Послушайте сегодня, господа!

Голоса за сценой. Помогите, помогите!
Руководитель труппы (*прислушиваясь*).
О создатель, что случилось? Не успел я кончить вступительную речь, как послышались крики тревоги, такие жалобные, как будто простонала выпь...

То ли пчелы жужжат, опьяненные сладостным соком
Распускающихся лепестков,
То ли тихо и томно апсары на небе высоко
Запевают пред сонмом богов?

О нет, я понимаю, что это за звуки:

Создана из бедра бога Вишну,
Всех танцовщиц заоблачных краше,
От Куберы, владыки богатства,
Возвращалась апсара Урваши.
Но схватили исчадия ада
Ту красавицу на полдороге,
И апсары, жалея подругу,
Плачут жалобно, просят подмоги!

Конец пролога.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Апсары (*появляясь во множестве*). Помогите, благородные! Тот, кто предан богам, и тот, кто способен двигаться по небесным дорогам,— помогите! Помогите и спасите!

На колеснице стремительно появляется царь Пуруравас со своим колесничим.

Пуруравас. Успокойтесь! Я — царь Пуруравас, я возвращаюсь от бога Солнца. Скажите мне, от чего надо спасти вас?

Рамбха. От наглости демонов, враждующих с богами.

Пуруравас. Что сделали вам наглые демоны?

Рамбха. Послушай, царь-мудрец. У нас есть милая подруга, столь прекрасная, что сам Индра порой превращает ее в свое оружие, когда хочет сбить с истинного пути какого-нибудь необыкновенного подвижника, чтобы поколебать его могущество. Урваши так хороша собой, что ей завидует даже жена Шивы, Гаури. И вот, когда Урваши вместе со своей подругой Читралекхой возвращалась из дворца Куберы, обоих небесных дев схватил на полдороге и унес некий демон.

Пурурава с. А знаете ли вы, в какую сторону света устремился нечистый?

Апсары. На северо-восток.

Пурурава с. Тогда не тревожьтесь, я верну вам ваших подруг.

Апсары. Это достойно царя из рода Луны!

Пурурава с. Где вы будете меня ждать?

Апсары. На вершине златоглавой горы Хемакúты.

Пурурава с. Подхлестни коней, мой возница, пусть они быстрее помчатся на северо-восток!

Колесничий. Как прикажет государь. (*Исполняет повеление.*)

Пурурава с (*подражая быстрому движению колесницы*). Славно! Славно! На этой колеснице я могу нагнать не только демона, но и самого Гаруду, повелителя птиц, если даже он пустится в путь намного раньше меня.

Что мне скорость всесильной птицы?

Что мне грохот крылатых гроз?

От вращающихся колес

Этой бешеной колесницы

Облакам становится жутко,

И в одно сливаются спицы,—

Между ними нет промежутка!

Я достиг такой быстроты,

Что султаны коней ретивых —

Длиннохвостых яков хвосты,

Мне сдается, на конских гривах

Неподвижны, как на картине!

Ветер, поднятый нами ныне,

Крепко бьет в полотнище стяга,

И оно, распрямясь посредине

Колесницы,— сулит мне благо!

Колесница с царем и колесничим удаляется.

Сахаджани я. Царь-мудрец умчался, пойдемте же к условленному месту.

М е н а к а. Пойдемте, подруги!

Апсары изображают восхождение на вершину Хемакуты.

Р а м б х а. Сумеет ли великий царь извлечь занозу из нашего сердца?

М е н а к а. Не сомневайся в этом, подруга.

Р а м б х а. Но демонов одолеть нелегко.

М е н а к а. Знай, что, когда боги начинают войну с демонами, сам всемогущий Индра призывает из земного мира с большими почестями царя Пурураваса и ставит его, желая победы, во главе полчища богов.

Р а м б х а. Да пребудет царь и ныне с победой!

М е н а к а (*останавливаясь*). Воспряньте духом, подруги! Я вижу колесницу мудрого царя, ту самую, которую подарил ему Сома. На стяге царя изображен олень. Я думаю, что царь не возвратился бы так скоро, если бы не достиг своей цели.

Менака вглядывается в даль. На колеснице появляются царь и колесничий. С ними Урваши. Она закрыла от страха глаза и опирается на правую руку Читралекхи.

Ч и т р а л е к х а. Приди в себя, подруга!

П у р у р а в а с. Очнись, прекраснобедрая!

Миновала беда. Бесы нам не страшны.

Все три мира — подземный, земной и небесный —

Охраняются Индры стрелой полновесной.

Так раскрой же глаза свои чудной длины,

Точно так же как пруд с окончанием ночи

Раскрывает невинные лотосы-очи.

Ч и т р а л е к х а. О, создатель! Только по ее дыханию видно, что она жива. Она все еще в беспамятстве.

П у р у р а в а с. Как сильно она испугалась!

Нам биение сердца ее те цветы выдают,

Что покинули райский приют

И, вздымаясь, дрожат между выпуклых, полных
грудей,—

Так мучительно дышится ей!

Читралекха (*жалостно*). Очнись, милая Урваши, а то можно подумать, что ты рождена не на небе, что ты — смертная!

Пуруравас.

Это нежное сердце, не знавшее прежде тревог,
От испуга дрожит, как цветок,
Трепеща, нам являет вздымаемый грудью атлас,
Как ей дышится трудно сейчас.

Урваши приходит в себя.

Какое счастье, Читралекха: твоя подруга очнулась от страха. Смотри:

Как ночь, облитая луной,
Ликует, мраком не томима,
Как пламя в темноте ночной
Освобождается от дыма,
Так и она от колдовства
Бесовского освободилась,
И вновь душа ее жива,
К ней снова память возвратилась.
Я деву с Гангою сравню,
Что мутно падает с обрыва,
Но вновь течет навстречу дню,
Ясна, спокойна и красива.

Читралекха. Урваши, милая, успокойся: великий царь, сочувствующий всем страдальцам, победил демонов.

Урваши (*открывая глаза*). Не сам ли громовержец Индра спас меня?

Читралекха. Нет, тебя спас не Индра, а царь-мудрец Пуруравас, могуществом своим подобный самому Индре.

Урваши (*увидев царя, в сторону*). Оказалось, что нападение демона принесло мне великую радость!

Пуруравас (*смотря на Урваши, в сторону*). Во-
истину, правду мне говорили, что, увидев ее, сотворен-
ную из бедра отшельника, склонились перед ее красо-
той все небесные девы, обольщавшие Нараяну. Кто по-
родил ее? Святой старец? Не думаю!

Кто подарил апсаре бытие?
Быть может, Брахма сотворил ее —
Вселенной изначальное светило?
Иль бог любви, чтоб нам пред нею пасть,
Вдохнул в нее пылающую страсть?
Или Весна апсару сотворила?
Не мог же породить ее на свет
И даровать ей женственности чары
Весь погруженный в изученье вед,
Не знающий любви отшельник старый!

Урваши. Милая Читралекха, а где же все наши
подруги?

Читралекха. Об этом знает твой избавитель, ве-
ликий царь.

Пуруравас (*глядя на Урваши*). Твои подруги
очень встревожены, ибо

Даже тот, на чьем пути случайно
Ты появишься в счастливый час,
Станет тосковать необычайно,
Вдруг с тобою разлучась.
Так подумай же, в каком испуге
И в тревоге о твоей судьбе
Пребывают все твои подруги,
Вечно верные тебе?

Урваши (*в сторону*). Речь твоя — амрита, напиток богов, и это не удивительно: сосудом для амри-
ты служит месяц, а ты, как месяц, красив! (*Громко.*)
Потому-то и рвется мое сердце к тому, кто мне
верен!

Пуруравас.

Подруги, на тебя с горы взирая,
Испытывают светлое волнение:
Так смотрит на луну толпа людская,
Когда кончается затмение.

Взгляд Урваши, устремленный на царя, выражает страсть.

Читралекха. Подруга, на кого ты смотришь так пристально?

Урваши. Я жадно пью глазами того, кто мне страдает.

Читралекха. Кто же это?

Урваши. Гудящий рой наших подруг...

Рамбха (*увидев царя, радостно*). Глядите! Вот появился мудрый царь вместе с нашей подругой Урваши и с Читралекхой. Не правда ли, сам властелин-мессия появился, сопровождаемый двумя звездами — своими женами!

Менака (*радостно*). К нам приближаются те двое, что равно дороги нам,— любимая подруга Урваши и царь-мудрец, побеждающий в трудных битвах!

Сахаджани. Ты права, подруга: нелегко было царю биться с демонами.

Пуруравас. Колесничий, направь колесницу вниз.

Колесничий. Слушаю, государь. (*Исполняет приказание.*)

Когда колесница начинает спускаться, взволнованная Урваши прижимается к царю.

Пуруравас (*в сторону*). Как мне повезло, что спуск оказался крутым!

Когда, при сотрясенье колесницы,
Касаюсь телом тела чаровницы,
Я превращаюсь в дерево любви,—
То бог любви во мне пустил свои
Желаньем напоенные побеги,
И столько неги в этом тряском беге!

Урваши. Подруга, отодвинься-ка немного.

Читралекха. Мне некуда отодвинуться.

Рамбха. Пойдемте, подруги, почтим приветствием доброго царя-мудреца.

Пуруравас. Колесничий, останови колесницу!

Красавица, для страсти создана,
Пусть бросится в объятия к подругам:
Так обнимается с цветущим лугом
Ликующая, вольная весна!

Колесничий останавливает колесницу.

Апсары. Поздравляем тебя, великий царь, с победой!

Пуруравас. А я вас поздравляю с возвращением подруги.

Урваши (*опираясь на руку, протянутую ей Читралекхой*). Покрепче обнимите меня, подруги! Я уже перестала надеяться, что когда-нибудь с вами увижусь.

Подруги обнимают Урваши.

Менака (*с восторгом*). Да пребудет великий царь охранителем земли на веки вечные!

Колесничий. Государь! С востока доносится грохот колесницы. Она движется с огромной скоростью.

С золотым браслетом на руке,
Обладатель этой колесницы
Облаком гремит невдалеке,
И сверкают золотом зарницы.

Апсары (*вглядываясь*). Это приближается Читрататха.

Появляется Читрататха во главе гандхарвов.

Читрататха (*к царю, с большим почтением*). Слава тебе, государь, свершивший подвиг на благо великому Индре!

Пуруравас. О царь гандхарвов! Приветствую тебя, задушевный друг!

Пуруравас сходит с колесницы и обнимается с Читраратхой.

Читраратха. Мой славный друг! Мудрец Нарáда известил Индру, что демон по имени Кеши похитил прекрасную Урваши. Тогда Индра послал меня во главе гандхарвов, чтобы отбить ее. В пути я услышал, как небесные певцы воспевают твою победу над демоном, и поспешил сюда. Теперь ты должен в сопровождении госпожи Урваши отправиться вместе со мною к Изобильному. Поистине велика услуга, оказанная тобой Индре, источнику изобилия: ты освободил из плена Урваши!

Ее когда-то создал жрец Нарáяна
Для Индры, громовержца всеблагого.
С нечистыми сражался ты отчаянно
И спас красавицу от беса злого:
Ее для Индры как бы создал снова!

Пуруравас. Друг мой, это не так:

Лишь Индру, изобильного и строгого,
Назвать мы можем воином великим.
Он словно лев: не выходя из логова,
Слоновье стадо разгоняет рыком!

Читраратха. Эти слова достойны тебя. Мужество украшается скромностью.

Пуруравас. Друг мой, я не могу сейчас предстать перед всемогущим Индрой, поэтому ты сам доставь госпожу Урваши громовержцу.

Читраратха. Как хочешь, царь. Следуйте за мною, красавицы!

Все направляются к выходу.

Урваши (*тихо, своей подруге*). Милая Читралекха, я не смею обратиться к мудрому царю со словами прощания, так будь моими устами.

Читралекха (*приблизясь к царю*). Великий царь, Урваши говорит тебе: «Пусть слава царя станет моей подругой, чтобы я унесла ее с собою в мир богов!»

Пуруравас. Мы расстаемся, но я надеюсь, что встретимся снова.

Апсары и гандхарвы изображают вознесение на небеса.

Урваши (*делает вид, будто ей что-то мешает взлететь*). Ох, эти густые ветви лиан! Мое жемчужное ожерелье зацепилось за них. (*Заигрывая с царем.*) Милая Читралекха, ты видишь, в какие путы я попала. Распутай же меня.

Читралекха (*смотрит на нее с улыбкой*). Ох, и крепко же она запуталась! Придется ее распутать.

Урваши. Не смейся. Лучше поскорее освободи от пут мое ожерелье.

Читралекха. Я вижу, что нелегко будет тебя освободить, но попытаюсь.

Урваши (*рассмеявшись*). Запомни, подруга, эти слова.

Пуруравас (*в сторону*).

Лиана, ты мне оказала милость,—
Ее уход немного оттянула,
И вот красавица остановилась,
Вполоборота на меня взглянула.

Читралекха высвобождает ожерелье Урваши; Урваши смотрит на царя и, тяжело вздыхая, следит за поднимающимися в небо подругами.

Колесничий. Государь!

Когда, победоносный, сломил ты силы зла
И демонов низринул в безбрежный океан,
Владыки ветра Вайю волшебная стрела,
Как змей в нору, тотчас же вернулась в твой колчан!

Пурурава с. Подгони колесницу поближе, чтобы я мог взойти на нее.

Колесничий исполняет приказание; царь изображает восхождение на колесницу.

Урваши (*в сторону, влюбленно глядя на царя*). Увижу ли еще раз того, кто всегда готов прийти на помощь! (*Удаляется вслед за гандхарвами и подругами.*)

Пурурава с (*глядя в ту сторону, куда удалилась Урваши*). О, почему, опьяненные богом любви, мы стремимся к той, которая для нас недостижима!

Царица-лебедь, лотос разомкнув,
В волокна корня свой вонзила клюв,
Чтоб сладкий сок извлечь... Вот так мне тело
Небесная плясунья рассекла,
Мой скорбный дух из тела извлекла
И вместе с ним на небо улетела.

(Удаляется вместе с колесничим.)

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПРОЛОГ

Манавака. О, горе, горе! Я похож на брахмана, объевшегося в гостях рисом, сваренным в молоке. У брахмана так пучит живот, что он не может в присутствии людей удержать урчание в брюхе. Вот и у меня, можно сказать, пучит язык, и я не могу удержать за зубами тайну царя. Поэтому, пока сюда не пришел мой государь, ныне восседающий в кресле судии, я останусь в этой уединенной молельне, куда редко кто заглядывает. (*Делает несколько шагов и садится, закрыв лицо руками.*)

Появляется Нипуника, служанка царицы.

Н и п у н и к а. Государыня, дочь царя Бенареса сказала мне: «Послушай, Нипуника. Мне кажется, что с тех пор, как государь возвратился от бога Солнца, его гложет тайная мука. Ты постарайся разузнать от почтенного Манаваки, по какой причине тоскует государь». Но как подступиться к этому брахману-шуту? Впрочем, долго ли живет роса, упавшая на траву? Столь же недолговечна будет и тайна царя! Однако мне необходимо найти господина шута. *(Делает несколько шагов и замечает Манаваку.)* А вот и почтенный Манавака! Неподвижный, как изображенная на картине обезьяна, он сидит, закрыв рот обеими руками, погруженный в размышления. Подойду-ка я к нему. *(Приближаясь.)* Привет тебе, достопочтенный!

М а н а в а к а. Будь счастлива. *(В сторону.)* При виде этой чертовой служанки тайна царя так и прет из меня, разрывая мне утробу! *(Громко, слегка прикрыв рот рукой.)* Куда ты направляешься, Нипуника? Или ты решила пренебречь музыкальными занятиями?

Н и п у н и к а. А я как раз направляюсь к вам — так наказала мне государыня.

М а н а в а к а. Что повелела дочь царя Бенареса?

Н и п у н и к а. Государыня жалуется на то, что вы даже не глядите на нее, а она так несчастна.

М а н а в а к а. Нипуника, а что, разве царицу обидел ее возлюбленный супруг?

Н и п у н и к а. Как же не обидел, если он называл мою госпожу именем той женщины, по которой тоскует?

М а н а в а к а *(в сторону)*. Как, значит, государь сам выдал свою тайну? Тогда к чему же мне, бедному брахману, мучиться, держать язык за зубами? *(Громко.)* Не именем ли Урваши назвал царицу государь?

Н и п у н и к а. Урваши? Кто такая Урваши?

М а н а в а к а. Есть такая апсара... Урваши... Государь, будучи от нее без ума, заставляет страдать не только царицу, но и меня, брахмана: он отказывается от пищи, а я, его сотрапезник, тоже вынужден из-за него голодать.

Н и п у н и к а *(в сторону)*. Мне удалось разрушить крепость государевой тайны! Пойду и доложу об этом царице. *(Собирается уйти.)*

М а н а в а к а. Постой, Нипуника. Передай государыне, что я уже устал отвращать царя от погони за призраком, и если бы государыня глянула на супруга понежнее, то он избавился бы от наваждения.

Н и п у н и к а. Достопочтенный, я передам царице ваш совет. *(Уходит.)*

П р и д в о р н ы й п о э т *(за сценой)*.

Как солнце изгоняет неустанно
Тьму из пределов мира,— так, всеправый
Мудрец-властитель, подданных охрана,
Ты горе изгоняешь из державы.
Как солнце, в полдень отдохнуть желая,
На небе застывает на мгновенье,
Так ровно в полдень, о властитель края,
Обязан ты вкусить отдохновенье.

М а н а в а к а *(прислушиваясь)*. Мой венценосный друг, покинув кресло судии, направляется сюда. Пойду-ка я ему навстречу. *(Делает несколько шагов к выходу.)*

К о н е ц п р о л о г а.

Появляется опечаленный ц а р ь.

П у р у р а в а с.

Красавица, как некое виденье,
Из мира небожителей сошла,
Вошла мне в сердце, и оно в смятенье,—
Его пронзила острая стрела
Любви всеобольщающего бога:
В груди для мук проложена дорога!

М а н а в а к а. Мне стало известно, что государыня чем-то весьма опечалена.

П у р у р а в а с *(пристально глядя на шута)*. Надеюсь, ты сберег доверенную тебе тайну?

Манавака (*в сторону*). Стыд и срам! Меня обманула эта чертова служанка Нипуника! Иначе зачем бы государь задал мне такой вопрос?

Пурурава с. Что же ты молчишь?

Манавака. Государь, я так связал свой язык, что он не в состоянии ответить даже вам.

Пурурава с. Превосходно. Чем же мы займемся?

Манавака. Пойдем на кухню.

Пурурава с. Почему на кухню?

Манавака. Влюбленный мечтает о соединении с любимым существом, а как раз на кухне нас ждет соединение с самым существенным — с едой и питьем.

Пурурава с (*рассмеявшись*). Ты-то вдоволь там насладишься тем, чего желаешь, а что делать мне, которому так трудно обрести желаемое?

Манавака. Но ведь вы видели госпожу Урваши.

Пурурава с. Что из того?

Манавака. Если вы ее видели, то вы тем самым ее обрели, она — ваша.

Пурурава с. Ты довольно тонко льстишь моей внешности, но прелесть Урваши такова, что если и нуждается в лести, то в неземной.

Манавака. Любопытство мое растет! Неужели никто не сравнится с госпожой Урваши в красоте, как со мной — в уродстве?

Пурурава с. Пойми, Манавака, что я не в силах рассказать о всех ее совершенствах подробно. Если хочешь, выслушай вкратце, какова она.

Манавака. Я весь внимание.

Пурурава с.

Украшаются все украшения
Красотою ее молодой,
Ибо все потускнеют сравненья
При сравнение с ее красотой.

Манавака. Видимо, государь, вы решили уподобиться чатаке. Эта птица, даже изнемогая от жаж-

ды, пьет воду только из дождевой тучи, отказываясь от земных источников. Однако куда вы направляетесь?

Пурурава с. Что, кроме уединения, служит прибежищем для влюбленного? Так проводи меня в рощу услад.

Манавака (*в сторону*). Ну и хитрец же государь. (*Громко.*) Хорошо, пойдемте в эту рощу.

Делают несколько шагов.

Манавака. Роща услад недалеско. Посмотрите, государь, как почтительно, с низким поклоном, приветствует вас южный ветерок.

Пурурава с. Этот ветерок учтив, как влюбленный благородного происхождения.

Лаская жасмины, касаясь лиан-недотрог,
С какою приятной, изысканной живостью,
Как страстный любовник, по саду идет ветерок
И нас восхищает придворной учтивостью!

Манавака. Поистине у него такой же нрав, что и у вас. (*Делает несколько шагов.*) Вот и роща услад. Входите, государь.

Пурурава с. Иди вперед, приятель.

Изображают, что входят в рощу.

Пурурава с (*волнуясь*). Я думал, дружище, что прогулка облегчит мое любовное томление, но все вышло по-иному.

Я думал, что найду я облегчение,
Что в роще кончатся мои мученья,
Что здесь — покой для страждущих сердец,
Но я сейчас — как немощный пловец,
Плывущий против сильного течения!

Манавака. Почему?

П у р у р а в а с.

Я ранен в сердце богом пятистрелым,
Он древо сердца поразил стрелой.
Вот почему я потрясен уделом
Побегов манго в роще молодой:
Сорвал с них листья ветер своевольный,
И, как и мне, побегам юным больно.

М а н а в а к а. Перестаньте горевать! Пятистрелый бог любви непременно станет вашим помощником, и ваши желания скоро осуществятся.

П у р у р а в а с. То, что изрекает брахман, мы принимаем с верою!

Делают несколько шагов.

М а н а в а к а. Не правда ли, государь, великолепно роша услад, где все возвещает приход весны?

П у р у р а в а с. Я люблюсь каждым деревом.

Вот амарант, цветением увенчанный.
Он сверху розовый, как ногти женщины,
С исподу синева его густа.
А вот ашока, расцвести готовая:
Ей сладко сознать, что, вечно новая,
Ее победоносна красота.
А вот, стволы, лианами обвитые,
А вот, пылью бурою покрытые,
Побеги манго к нам устремлены,
Их нежит ветер, издали подувший,—
Уже не отрок и еще не юноша,
Сияет перед нами день весны!

М а н а в а к а. Смотрите, государь. Прелестные лианы, переплетясь, образовали беседку. Над опавшими цветами вьется пчелиный рой. Беседка, окруженная каменной оградой с резьбой из драгоценных камней, как бы выступает навстречу, чтобы вас приветствовать. Воспользуемся же ее гостеприимством.

П у р у р а в а с. Как тебе угодно.

Направляются к беседке.

М а н а в а к а. Теперь, наслаждаясь покоем, присядьте на скамью и, очарованный цветением лиан, перестаньте хотя бы на миг тосковать по исчезнувшей Урваши.

П у р у р а в а с. Что мне цветение весны!

Скрыты от меня все краски и цвета,
Сплетение лиан, цветов раскрытых чаши,—
Меня лишила зренья красота
Моей исчезнувшей Урваши!

Приятель, ты должен придумать какое-нибудь средство и помочь мне встретиться с нею.

М а н а в а к а. Государь, что могла придумать громовая стрела Индры, когда Индра влюбился в Ахалью, чужую жену? Так же и я ничего не могу придумать для вас, влюбленного в Урваши. И вы и бог — оба безумны.

П у р у р а в а с. Ты ошибаешься. Влюбленный не безумец, влюбленный — прозорливец. Поэтому подумай, как мне помочь.

М а н а в а к а. Думаю, думаю, только не мешайте своими причитаниями моему сосредоточенному размышлению. *(Изображает, что погружен в глубокое раздумье.)*

П у р у р а в а с.

Красавица, подобная луне,
Недостижима в горней вышине.
Так почему же в сердце человечье,
Среди отчаянья, среди тревог,
Вселяет бог любви — коварный бог —
Желанье счастья и желанье встречи?

(Задумывается, преисполненный надежды.)

В это время появляются на воздушной колеснице У р в а ш и
и Ч и т р а л е к х а.

Ч и т р а л е к х а. Куда мы стремимся? Где наша цель?

Урваши (*охваченная безумием страсти и — одновременно — стыдливо*). Вспомни, подруга, как ты смеялась надо мной, когда мое жемчужное ожерелье запуталось в зарослях лиан. «Ох, и крепко же ты запуталась!» — сказала ты мне. Так чего же ты теперь спрашиваешь, куда я стремлюсь?

Читралекха. Неужели ты впрямь направляешься к царю Пуруравасу?

Урваши. Да, я отбросила всякий стыд и решилась на это.

Читралекха. Но кого же ты послала вперед своим вестником?

Урваши. Мое сердце — мой вестник!

Читралекха. И все же ты должна была сначала все тщательно продумать.

Урваши. О чем тут думать? Сам бог любви направляет меня!

Читралекха. На это мне нечего возразить.

Урваши. Тогда укажи дорогу, чтобы мы достигли цели без помех.

Читралекха. Будь спокойна. Благодаря наставнику богов, который, чтобы мы избежали напасти, посвятил нас в науку волшебного перевязывания кос, мы теперь недостигаемы для скопища демонов.

Урваши (*смущенно*). Я забыла эту науку.

Колесница описывает круг над сценой.

Читралекха. Смотри, смотри, подруга, мы были к чертогу мудрого царя, и дворец, как диадема, венчает столицу — Пратиштхану, и город как бы любуется своим отражением в водах божественной Ганги, — там, где она сливается с чистой Ямуной.

Урваши (*жадно взирал*). Воистину, рай переместился сюда! (*Подумав*.) Но где может быть сейчас государь, страдающий всем, попавшим в беду?

Читралекха. Спустимся, подруга, в рощу услад, напоминающую райский цветник, и там все раз узнаем.

Спускаются.

(Завидев царя, радостно.) Вот он, подруга! Подобный молодому месяцу, он ждет тебя, подобную лунному сиянию!

Урваши. Великий царь мне кажется сейчас еще более прекрасным, чем при первой встрече.

Читралекха. Могу тебя понять. Подойди к нему.

Урваши. Нет, нет. Я укурюсь волшебным покрывалом и стану невидимкой и послушаю сперва, о чем царь беседует со своим приятелем.

Читралекха. Поступим, как тебе нравится.

Обе делаются невидимыми для царя и шута.

Манавака. Государь, я придумал средство, как сочетаться с любимой, которая недостижима.

Царь молчит.

Урваши *(ревниво)*. Кто та счастливица, встречи с которой желает государь?

Читралекха. К чему тебе томиться ревностью, как земные женщины, когда ты можешь узнать все с помощью чудесного всеведения, присущего нам, небожителям?

Урваши. Подруга, я боюсь узнать все!

Манавака. Так вот, государь, я говорю, что нашел средство...

Пуруравас. Да, да, говори.

Манавака. Вы должны заснуть, чтобы в сновидении обрести союз с любимой, или же нарисовать лицо Урваши на холсте и наслаждаться ее изображением.

Урваши *(радостно, в сторону)*. О бедное мое сердце, преисполнись надежды!

Пуруравас. Оба способа никуда не годятся. Сам поразмысли:

Любовью сердце ранено мое,
Меня стрелы терзает острие,
Так разве может сон присниться мне,
Чтоб слился я с возлюбленной во сне?

А если бы неповторимый лик
Вдруг на холсте передо мной возник,
То было б из-за слез невоготу
Мне лицезреть любимой красоту.

Ч и т р а л е к х а. Ты слышала, подруга, что сказал царь?

У р в а ш и. Я слышала, но сердце мое еще не верит своему счастью.

М а н а в а к а. Лучшего способа я придумать не могу.

П у р у р а в а с (*вздыхая*).

Ей неизвестен мой многострадальный жребий,

А я судьбу готов проклясть.

Но, может быть, она, рожденная на небе,

Земную презирает страсть?

О, если б, страждущий и жаждущий слиянья,

Я в ней бы свой огонь зажег,

С какою радостью на эти два пыланья

Смотрел бы пятистрелый бог!

Ч и т р а л е к х а. Ты слышишь?

У р в а ш и. Как низко он ставит меня! (*Обращаясь к подруге.*) У меня сейчас нет сил предстать перед ним и дать ему ответ. Лучше я напишу свое письмо на коре дерева.

Ч и т р а л е к х а. Я одобряю твое решение.

Урваши изображает, будто быстро пишет письмо на коре дерева.

М а н а в а к а (*возбужденно*). Спасите! Помогите! Змеинная кожа упала на меня! Я гибну!

П у р у р а в а с (*смеясь*). Приятель, это не змеинная кожа. Это кусок коры, испещренный буквами.

М а н а в а к а. Должно быть, услышав ваши жалобы, Урваши начертала эти буквы на коре, чтобы сказать вам, что и она любит вас?

Пурурава с. Для любви нет ничего невозможного.
(*Берет кусок коры и читает. Радостно.*) Приятель, твоя голова хорошо соображает.

Манавака. А как же иначе? Разве брахман может ошибиться? Теперь и вы должны кое-что сообразить: я хочу послушать, о чем там написано.

Урваши. Превосходно. Да ты, почтенный, как я погляжу, весьма смышлен!

Пурурава с. Слушай.

Манавака. Я весь внимание.

Пурурава с (*читает*).

«Смотри, о государь, как мы похожи!
Я думала, забыл ты страсть свою,
И про меня, о царь, ты думал то же...
Но почему ж мое измято ложе?
Всю ночь я не могла заснуть в раю.
Казались мне ужасней камнепада
Кораллового дерева цветы,
И жег меня средь страшной темноты,
Как пламя, ветерок ночного сада!»

Урваши. Что он скажет в ответ?

Читралекха. Да он уже сказал всем телом своим, поникшим, словно увядшие стебли лотоса!

Манавака. Благословим судьбу! Вы, измученный любовью, получили такое же утешение, как если бы я, измученный голодом, получил приглашение на обед!

Пурурава с. По-твоему, это всего лишь утешение?
О нет:

Мне говорит ее посланье,
Что страсть ее — моей равна:
Такое ж, как и я, пыланье
Испытывает и она!
Как бы хотят соединиться
У нас и губы и сердца,
И, кверху загнуты, ресницы
Коснулись моего лица!

Урваши. И я чувствую то же самое. Мы равно счастливы!

Пуруравас. Буквы на коре сотрутся из-за того, что мои пальцы влажны. Возьми же и сохрани письмо моей возлюбленной.

Манавака (*принимая письмо*). Госпожа Урваши показала вам только цвет на древе желания. Когда же появится плод?

Урваши. Подруга, оттого, что он так близко, сердце мое бьется учащенно и я робею. Я останусь невидимой, а ты ему покажись и скажи все, что сумеешь сказать вместо меня.

Читралекха. Хорошо. (*Откидывает покрывало и становится видимой для царя. Приближаясь.*) Да пребудет государь с победой!

Пуруравас (*радостно*). Приветствую тебя, небожительница! (*Видя, что она одна, разочарованно.*)

С подругою ты мне являлась прежде,
Теперь пришла одна,— конец надежде:
Ямуна с Гангой мне дарили свет,
Теперь Ямуна есть, а Ганги нет!

Читралекха. Сперва появляются облака, а потом уже вспыхивает молния.

Манавака (*в сторону*). Так это не Урваши? О, понимаю: пришла ее наперсница.

Пуруравас. Присядь на скамью.

Читралекха (*садится*). Урваши почтительно приветствует царя и говорит...

Пуруравас. Что она повелевает нам?

Читралекха. Она говорит: «Великий царь защитил меня от надругательства демонов. Сейчас я снова, и даже еще больше, нуждаюсь в его защите, ибо, увидев его, я страдаю сильнее, чем в тот раз, от страсти, вспыхнувшей во мне»,

Пуруравас. О красавица!

Ты говоришь: «От ночи до утра вас
Влюбленная страдалица зовет».
Но как страдает бедный Пуруравас,
Не видишь ты с заоблачных высот.
Равно обоим свойственно влюбленным
То плакать, то надеяться опять,
И следует с железом раскаленным
Железо раскаленное спаять!

Читралекха (*приближаясь к Урваши*). Иди к нему, подруга. Я увидела, что его страсть еще сильнее твоей, и я стала вестницей того, кто любит тебя.

Урваши (*откидывая покрывало невидимости*). О, как легко ты покинула меня ради другого!

Читралекха (*смеясь*). Не пройдет и мгновения, как станет ясно, кто кого покинул,— ты меня или я тебя. А теперь, как должно, приветствуй царя.

Урваши (*робко подходит к царю и, смущенно перед ним склоняясь, приветствует его*). Великий царь, пребудь с победой!

Пуруравас (*радостно*). О прекраснотелая!

Лишь Индре одному ты говорила ране:
«С победою пребудь, о бог, на поле брани!»
Теперь ее сулишь другому ты мужчине,—
И победителем пребуду я отныне!
(*Берет ее за руку и усаживает.*)

Манавака. Госпожа, почему же ты не приветствуешь брахмана, ближайшего друга царя?

Урваши, смеясь, приветствует шута.

Будь счастлива, госпожа.

Голос вестника богов за сценою. Читралекха, поторопи свою подругу Урваши!

Тысячеглазый Индра и властный Страж Вселенной
Тебя хотят увидеть в той пьесе вдохновенной,
Где танцы выражают с сердечной чистотой
Все восемь чувств,— как учит нас Бхарата святой.

Все прислушиваются; Урваши опечалена.

Читралекха. Подруга, ты слышала слова вестников богов? Попроси же у великого царя разрешения удалиться.

Урваши. У меня нет сил говорить.

Читралекха. Великий царь, вот что хочет сказать Урваши: «Я завишу от воли богов. Да позволит мне великий царь не быть виноватой перед бессмертными».

Пурурава с *(с усилием выговаривая слова)*. Я не смею препятствовать исполнению приказов Тысячеглазого. Но ты, Урваши, помни обо мне.

Урваши выражает свое страдание от разлуки с царем и удаляется вместе с подругой, не отрывая взора от царя.

(Вздыхая.) К чему мне теперь мои глаза!

Манавака *(желая показать царю письмо Урваши)*. А это письмо, начертанное на ко... *(Замолкает на полуслове и потом в тревоге говорит сам с собой.)* Куда делся кусок коры? Вот беда. Я так был потрясен красотой Урваши, что не заметил, как выронил из рук письмо на коре...

Пурурава с. Ты как будто мне хочешь что-то сказать?

Манавака. Я только то хочу сказать, что вы, государь, должны быть крепки телом, ибо Урваши накрепко связана с вами, а страсть небесной девы такова, что не может допустить, чтобы ваша страсть ослабела.

Пурурава с. Мой разум говорит мне то же самое, ибо

Она, чужой покорна воле,
В далекий устремилась путь,
Но часто волновалась грудь
От вздохов, от внезапной боли,
Взвилась к небесной вышине,
Но сердце мне вручила, мне.

Манавака (*в сторону*). А у меня сердце измучилось в ожидании того мгновения, когда государь потребует у меня письмо, начертанное на коре!

Пуруравас. Чем я теперь утешу свой опечаленный взор? (*Вспомнив.*) Дай мне ее письмо.

Манавака (*озираясь, в сильном волнении*). Увы, я не вижу его! Государь, ведь это письмо божественного происхождения, и оно тоже направилось, как и Урваши, наверх, к богам.

Пуруравас (*с гневом*). Ты, как всегда, глуп и беспечен. Ступай поищи письмо.

Манавака (*поднимаясь*). Не гневайтесь. Оно, наверно, здесь... Или здесь... Или... (*Изображает поиски письма.*)

Входит царица, дочь царя Бенареса, со своей служанкой Нипуникой; их сопровождает свита.

Царица. Милая Нипуника, ты действительно видела, как государь вошел в лиановую беседку вместе с достоинственным Манавакой?

Нипуника. Разве я когда-нибудь обманывала государыню?

Царица. В таком случае я укроюсь в зарослях лиан и послушаю, о чем царь толкует со своим приятелем, да заодно выясню, было ли правдой то, о чем ты мне сообщила, или нет.

Нипуника. Как будет угодно государыне.

Царица (*делает несколько шагов вперед и смотрит перед собой*). Что это за кусок коры, занесенный сюда южным ветром и похожий на ветхую тряпку?

Н и п у н и к а (*всматриваясь*). На этой коре что-то начертано. Она так свернулась под напором ветра, что буквы едва различимы. К тому же кора зацепилась за выступ вашего ножного запястья. (*Берет письмо.*) Вот, можете прочесть.

Ц а р и ц а. Почитай-ка сперва про себя. Если здесь нет ничего непристойного, то я послушаю.

Н и п у н и к а (*прочтя*). Госпожа, дело-то скверное. Это письмо в стихах от Урваши государю. По-видимому, из-за небрежности почтенного Манаваки письмо попало к нам в руки.

Ц а р и ц а. Прочти его мне.

Нипуника читает.

(*Выслушав.*) Теперь, получив такую улику, поговорим с возлюбленным небесных танцовщиц.

Н и п у н и к а. Так и сделаем.

Царица в сопровождении служанки входит в лиановую беседку.

М а н а в а к а. Государь, может быть, письмо, подхваченное порывом южного ветра, занесло куда-нибудь поблизости от Горы Забав? Там вроде что-то виднеется.

П у р у р а в а с (*привстав*). Господин южный ветер, возлюбленный весны!

Как будто это пудра весны благоуханной,—

Уносишь ты с деревьев цветочную пыльцу,

Но почему уносишь письмо моей желанной?

Тебе такая грубость, о ветер, не к лицу!

Читаю — и блаженство постигнуть уповаю:

Способно нас утешить послание любви.

Ты тоже был влюбленным, и ты страдал, о Вайю,—

Пойми ж меня, страдальца, и милость мне яви!

Н и п у н и к а. Смотрите, смотрите, государыня! Они как раз оба заняты поисками этого письма!

Ц а р и ц а. Понаблюдаем за ними. Стой и молчи.

Манавака (*печально*). Стыд и срам! Я принял павлиний хвост за ветку увядшей кесары.

Пурурава с. Отовсюду на меня несчастья!

Царица (*внезапно появившись*). Не тревожьтесь, государь, вот письмо, начертанное на коре.

Пурурава с (*в замешательстве*). О, это вы, государины! Мой привет вам!

Манавака (*в сторону*). Как бы этот привет не натолкнулся на неприветливость!

Пурурава с (*тихо, шуту*). Приятель, что нам предпринять?

Манавака (*тихо, царю*). Что может предпринять вор, пойманный с краденым?

Пурурава с (*в сторону*). Дурак! Нашел время для шуток! (*Громко.*) Государыня, я ищу другую вещь, эта мне не нужна.

Царица. Вы ищете способ, как скрыть свои удачи в любовных похождениях.

Манавака. Государыня, не следует ли поторопиться с трапезой для государя? Тогда и желчь, может быть, успокоится.

Царица. Не правда ли, Нипуника, этот брахман хорошо утешает своего друга!

Манавака. Поймите, государыня, даже нечистый бес, питающийся сырым мясом, находит утешение в сытной еде.

Пурурава с. Дурак, ты поневоле выставляешь меня виноватым.

Царица. А в чем ваша вина? Это я виновата в том, что появилась некстати. Нипуника, пойдем. (*В гневе направляется к выходу.*)

Пурурава с (*идя за ней*).

Я виноват, о стройная, как древо
Чудесное! Но воздержись от гнева:
Когда гневна хозяйка и строга,
Не может быть не виноват слуга.

(*Падает к ее ногам.*)

Царица (*в сторону*). Пусть царь не очень-то воображает, будто сердце мое смягчилось от его льстивых слов. Однако же я опасаясь, как бы я потом не раскаивалась в своей твердости. (*Отвернувшись от царя, уходит со всеми своими приближенными.*)

Пуруравас (*поднимаясь*). Ничего не вышло из этого, приятель!

В сердце женщины искушенное
Не проникнет, чувства лишенное,
Слово страсти, что скажет ей льстец,—
Точно так же камень искусственный,
Обнаружив свой блеск бесчувственный,
К знатоку не проникнет в ларец.

Манавака. Вам не нужно благоволение царицы: больной глаз не выносит огня свечи, поднесенной к лицу.

Пуруравас. Нет, нет, не говори так. Хотя мое сердце похитила Урваши, я и царицу чту высоко. Но так как царица пренебрегла тем, что я склонился к ее ногам, то буду отныне с нею суров, я укрошу ее!

Манавака. Государь, повремените немного со своей суровостью и займитесь укрощением моего голода. Пора совершить омовение и закусить.

Пуруравас (*взглянув на небо*). В самом деле, настал полдень,— вот его приметы:

Павлин, истомленный жарою, прилег
В пруду под навесом древесным.
Пчела взобралась на душистый цветок,
Заснула на ложе чудесном.
Нагретую воду покинул нырок:
На суше — от зноя защита,
И в клетке своей попугай изнемог,
И воду он просит сердито!

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПРОЛОГ

Появляются два ученика Бхараты.

Г а л а в а. Друг мой Пелава, наш учитель отправился во дворец могучего Индры и велел тебе сопровождать его, а мне поручил блюсти жертвенный огонь. Вот я и спрашиваю тебя,— понравилось ли собранию богов творение нашего учителя?

П е л а в а. Не знаю, понравилось ли богам произведение великого Бхараты, но я видел, что во время представления этой пьесы, называемой «Как Лакшми сама себе выбрала мужа»,— пьесы, стихи для которой сочинила богиня красноречия,— зрители были охвачены волнением, их чувства слились с чувствами действующих лиц. Но...

Г а л а в а. Неужели в игре актеров были погрешности?

П е л а в а. Да, Урваши играла небрежно.

Г а л а в а. А именно?

П е л а в а. Менака, исполнявшая роль Варуни, спросила Урваши, исполнявшую роль Лакшми: «Подруга, там собрались наипрекраснейшие мужи трех мирозданий и стражи мира во главе с богом Вишну. К кому же из них склоняется твое сердце?»

Г а л а в а. И тогда?..

П е л а в а. И тогда вместо того, чтобы ответить: «К Пурушоттаме»,— она воскликнула: «К Пуруравасу!»

Г а л а в а. Чувство и Судьба неразделимы! Что же наш учитель не разгневался на нее?

П е л а в а. Учитель-то ее проклял, но всемогущий Индра смиростивился над бедной Урваши.

Г а л а в а. Как это произошло?

П е л а в а. Учитель проклял ее: «Поскольку ты не твердо выучила свою роль, не будет тебе отныне места на небесах!» Но Индра, увидев Урваши, пристыжен-

ную, с поникшей головой, сказал: «Надлежит сделать нечто приятное тому, кого ты любишь, тому, кто помогает мне в битвах. Поэтому оставайся на земле с Пуруравасом столько времени, сколько пожелаешь, но лишь до тех пор, пока он не увидит, что ты родила ему ребенка».

Г а л а в а. Это достойно великого Индры, которому ведомы все людские помыслы!

П е л а в а (*взглянув на солнце*). Мы за разговорами упустили благой час омовения учителя. Пойдем, будем рядом с ним.

Г а л а в а. Пойдем.

Уходят.

К о н е ц п р о л о г а.

Появляется глава придворных Л а т а в ъ я.

Л а т а в ъ я (*тяжко вздыхая*).

Пока еще не стар, отец семьи все время

Старается богатство обрести:

Потом на сыновей свое возложит бремя

И заживет в покое и в чести.

А я и в старости, увы, служить обязан,

Хотя устал отдохновенья ждать.

За что я званием придворного наказан?

А женщинам так трудно угождать!

(*Делает несколько шагов.*) Дочь царя Бенареса, исполняющая обет, наказала мне: «Ради того, чтобы мой обет был принят, я забыла о гордыне и уже послала Нипунику к царю с этой просьбой. Теперь и ты пойдя к царю и скажи ему от моего имени: «Я хотела бы встретиться с государем, когда спустятся сумерки и закончится вечернее богослужение». (*Прохаживается и смотрит вокруг.*) Как великолепен царский дворец на закате дня!

На жердочках недвижим весь выводок павлиний.

Замолкший перед сном ночным.

То голуби синеют на башнях — или сипий

Из окон вылетает дым?

Вечернее моление сейчас услышат боги,

А музыка земли нежна,

И зажигает свечи слуга седой и строгий,

В покоех женских — тишина.

(Бросает взгляд за сцену.)

А вот и царь, толпою служанок окруженный.

Светильники у них в руках.

Он кажется горою, но крыльев не лишенной, —

Горой, парящею в цветах!

Встану так, чтобы царь заметил меня. *(Пройдя немного, останавливается.)*

Появляются царь и шут.

Пуруравас *(в сторону)*.

Свой трудный день, исполненный забот,

Провел я без особенных усилий.

О, если б долгой ночи боль и гнет

Меня бы, страждущего, не томили!

Латавья *(приближалась)*. Пребудьте с победой, государь! Царица велела передать: «С крыши Жемчужного дворца хорошо любоваться зрелищем восходящего Месяца. Я хотела бы, государь, вместе с вами дождаться того мгновения, когда Месяц сольется со своей возлюбленной звездой Рохини».

Пуруравас. Почтенный Латавья, скажи царице, что я рад исполнить ее желание.

Латавья. Слушаю, государь. *(Уходит.)*

Пуруравас. Как по-твоему, приятель, царица назначила мне свидание только потому, что хочет исполнить обет?

М а н а в а к а. Я думаю, что царица раскаивается в том, что пренебрегла вами, когда вы, государь, пали к ее ногам, и вот, под предлогом обета, она просит у вас прощения.

П у р у р а в а с. Ты верно говоришь:

Мужей, припавших к их ногам почтительно,
Сначала отвергают жены,
Но эта ссора так для них мучительна,
Что, вновь добры и благосклонны,
Раскаиваются, готовые опять
Отвергнутых мужей лелеять и ласкать.

Ну так покажи мне дорогу к Жемчужному дворцу.

М а н а в а к а. Сюда, сюда, государь. По лестнице, сооруженной из прозрачных самоцветов и чьи ступени напоминают волны Ганги, поднимитесь на самый верх Жемчужного дворца, столь великолепного с наступлением вечера.

П у р у р а в а с. Иди вперед.

Оба изображают, будто поднимаются по лестнице.

М а н а в а к а (*поднимая руку*). Месяц, должно быть, сейчас взойдет: чуден восточный край неба, освобожденный от мрака.

П у р у р а в а с. Ты прав:

Лучами Месяца, незримого покуда,
Тьма отодвинута,— и создается чудо:

Как будто убрала подруга смоль волос,
И дивного лица сияние зажглось,

И небосвода мне открылся край восточный,
Где голоса апсар мы слышим в час урочный.

М а н а в а к а (*вглядываясь*). Смотрите, смотрите, государь! Вышел Месяц, повелитель жрецов. Он прекрасен, как леденец!

Пурурава с *(смеясь)*. Обжоре-толстяку любой предмет кажется съедобным! *(Сложив молитвенно руки у груди.)* Господин Месяц, владыка ночи!

Ты юную Зарю назвал своей женой,
Святым подвижникам ниспосылаешь благо,
Богов и праотцев поишь ты в час ночной
Чудесной сѹдхою— животворящей влагой.
Ты светишь, чтобы тьмы не стало на земле.
Ты славься и сияй у Шивы на челе!

Ма на ва ка. Месяц — ваш великий праотец, государь, и моими брахманскими устами просит вас отдохнуть от славословий и присесть на скамью. А заодно и я устроюсь поудобней.

Пурурава с *(садится, следуя совету шута; свите)*. Месяц сияет так ярко, что светильники не нужны. Можете пойти отдохнуть.

Свита. Как прикажет государь. *(Удаляется.)*

Пурурава с *(взглянув на месяц, шуту)*. Приятель, скоро придет царица. Покуда мы одни, я поведаю тебе, в каком состоянии я нахожусь.

Ма на ва ка. Оно и так очевидно. Однако вы могли бы не печалиться с тех пор, как узнали, что Урваши любит вас.

Пурурава с. Так-го оно так, но все же велико мучение моего сердца.

Речной поток, в горах зажат,
Быстрее становится стократ,
А страсть моя из-за преград
Сильней становится стократ.

Ма на ва ка. Государь, вы исхудали от любви, но стали еще красивее, а это залог того, что вы скоро встретитесь с любимой и утолите свою страсть.

Пурурава с.

Приятель верный, речь твоя сладка,—
Источник утешения и света,
И правая дрожит моя рука,
А это тоже добрая примета!

Манавака. Все, что предсказывает брахман, сбывается непременно!

Царь сидит, исполненный надежды. На небесной колеснице появляется Урваши, одетая в наряд, предназначенный для свиданий. Рядом с нею — Читралекха.

Урваши (*оглядев себя*). Милая Читралекха, нравится ли тебе мой наряд для свиданий? Я прибавила к нему всего лишь несколько украшений и этот синий шарф.

Читралекха. У меня не хватает слов для похвал. Скажу только, что я хотела бы стать Пуруравасом.

Урваши. Подруга, сам бог любви тебе повелевает, чтобы ты как можно быстрее доставила меня к жилищу великого царя.

Читралекха (*оглядевшись*). Мы уже достигли дворца, где обитает твой возлюбленный, и дворец напоминает вершину горы Кайласы, усыпанную драгоценными камнями.

Урваши. Так узнай же с помощью чудесной силы всеведения, где тот, кто похитил мое сердце, и чем он сейчас занят.

Читралекха (*улыбаясь, в сторону*). Подшучу-ка я над ней! (*Громко.*) Я вижу его в уединенном месте, созданном для любовных утех. Он упивается блаженством встречи с любимой.

Урваши (*изображая смятение, со вздохом*). Счастлива должна быть та, кого он любит!

Читралекха. Глупенькая! Да разве он, разлученный с тобою, может желать встречи с другой женщиной?

Урваши (*вздыхая*). Ох, подруга, сердце мое так склонно к сомнениям!

Читралекха (*поглядев*). Вот он, царь-мудрец, и рядом с ним — никого, кроме его приятеля-толстяка. Они сидят на крыше Жемчужного дворца. Приблизимся к ним.

Спускаются.

Пуруравас. Друг мой, чем ближе ночь, тем сильнее муки моей любви.

Урваши. Сердце мое щемит из-за этих неясных речей... Послушаем, обе незримые, их откровенную беседу, пока мои сомнения не развеются.

Читралекха. Как хочешь.

Манавака. Полно, государь, грустить, лучше насладитесь лучами Месяца, наполненными влагой бессмертия.

Пуруравас. Ни этим, ни другим способом не утишить мою боль. Пойми:

Ни ложе из цветов, ни ветра опахало,
Ни благовоние душистого сандала,
Ни Месяца лучи, ни камни ожерелья
Не могут мне помочь, мне не дадут веселья:
Иль милая меня спасет от лихорадки...

Урваши (*прижимая руки к сердцу*). Или?..

Пуруравас (*заканчивая стих*).

...Иль разговор о ней, таинственный и сладкий!

Урваши. О мое сердце! Покинув меня и устремившись вслед за любимым, ты наконец обрело то, чего искало!

Манавака. И я таков, как вы, государь: когда мне не дают вкусного блюда из оленьего мяса, то разговор о нем утешает меня.

Пуруравас. Ну ты-то свое получаешь сполна!

Манавака. И вы, государь, скоро свое получите!

Пуруравас. Ты знаешь, приятель, я чувствую, что...

Читралекха. Слушай же, слушай, всегда недовольная!

М а н а в а к а. Что вы чувствуете, государь?
П у р у р а в а с.

Нет ни в чем отрады у меня,
Плоть несчастна, землю бременя,
Только счастливо одно плечо,
Что с ее плечом соприкасалось,
Ибо колесница сотрясалась
И двоим дышалось горячо.

Ч и т р а л е к х а. Чего еще тебе надо услышать, подруга? Почему ты медлишь?

У р в а ш и (*быстро выходя*). Но царь не замечает меня, хотя я перед ним стою!

Ч и т р а л е к х а (*смеясь*). Вот к чему приводит чрезмерная поспешность! Ты забыла, что на тебе волшебное покрывало, что ты невидимка.

Г о л о с з а с ц е н о й. Сюда, сюда, государыня!

Все прислушиваются; Урваши и ее подруга опечалены.

М а н а в а к а (*удивленно*). О создатель, царица явилась! Теперь уж помолчите, государь!

П у р у р а в а с. И ты не болтай лишнего.

Ч и т р а л е к х а. Не тревожься, подруга, мы ведь невидимы. Если судить по тому, что царица одета во все белое, то она сейчас исполняет обет и, значит, пробудет здесь недолго.

Появляются служанки, несущие все необходимое для исполнения обета, ц а р и ц а и Н и п у н и к а.

Ц а р и ц а (*взглянув на месяц*). Посмотри, Нипуника: господин Месяц, соединившись со звездой Рохини, стал еще красивее и еще отчетливей на нем запечатлен олень.

Н и п у н и к а. Такое же дивное зрелище являет собой государь, соединенный с государыней.

Делают несколько шагов.

Манавака (*глядя на царицу и служанку*). Не знаю, государь, пришла ли царица просить благословения у меня или прощения у вас, но знаю, что она теперь необыкновенно хороша.

Пуруравас (*улыбаясь*). Равно возможно и то и другое. А последнее твое наблюдение мне особенно по душе, потому что она

В белом одеянье так благочестива,
В кудри стебли дурвы вплетены красиво,
Так она мне рада, отрешившись ныне
Силою обета от бывшей гордыни,
Что ее сияньем можно озариться,—
Мне сейчас прекрасной кажется царица!

Царица (*приблизившись*). Пребудьте с победой, государь!

Свита. Победа, победа повелителю!

Манавака. Да почиет на вас благословение, государыня!

Пуруравас. Привет тебе, моя владычица. (*Берет ее за руку и почтительно усаживает.*)

Урваши. Воистину справедливо, что ее именуют владычицей: она своим величием не уступает самой Шáчи, супруге Индры.

Читралекха. Как хорошо, что ты говоришь о ней без ревности и вражды!

Царица. Вместе с вами, государь, я собираюсь исполнить один особенный обряд. Потерпите же два-три беспокойных мгновения.

Пуруравас. Вам не следует так говорить. Какое мне может быть от вас беспокойство? Это милость для меня!

Манавака (*в сторону*). Побольше бы нам таких беспокойств: ведь не с пустыми руками приходят к брахману испрашивать благословения!

Пуруравас. А в чем состоит обет государыни?

Царица смотрит на Нипунику.

Н и п у н и к а. Обет государыни называется «Ублаговторение возлюбленного супруга».

П у р у р а в а с. О моя владычица!

Скажи,— зачем обетом
Свое ты мучишь тело,
Что с лотосовым цветом
Сравнить могу я смело?
А я стою в печали,
А я хочу смириться:
Меня, раба, должна ли
Ты ублажать, царица?

У р в а ш и. Как велика его почтительность к царице!

Ч и т р а л е к х а. Ох, глупая! Таков горожанин: чем сильнее он любит другую женщину, тем бóльшие почести оказывает своей жене!

Ц а р и ц а (*улыбнувшись*). Я вижу, что мой обет оказал на государя немедленное и благотворное воздействие: недаром мой супруг заговорил о своей печали.

М а н а в а к а. Остановитесь: как бы ни было сказано доброе слово,— не надо ему противиться.

Ц а р и ц а. Любезные девушки, принесите все необходимое для совершения обряда, чтобы я могла воздать почести лунному свету, озаряющему Жемчужный дворец.

С л у ж а н к и. Как прикажет государыня. Вот благоговения, цветы и прочие подношения.

Ц а р и ц а. Положите здесь. (*Изображает совершение обряда почитания лунного света с помощью цветов, благоговий и других даров.*) Милая Нипуника, а теперь преподнеси жертвенные сладости почтенному Манавাকে.

Н и п у н и к а. Как прикажет государыня. (*Шуту.*) Это вам, досточтимый брахман.

М а н а в а к а (*принимая блюдо со сладостями*). Благодарю вас, государыня. Да будет ваш обет обилен плодами!

Царица. Государь, соблаговолите приблизиться.
Пурурава с. Я здесь.

Царица (*сложив молитвенно руки у груди и склоня голову перед царем*). Я хочу умиловить царя и призываю в свидетели божественную чету: Рохини, ярколучистую звезду, и Месяц, на чьем теле нарисован олень: отныне, если царь пожелает какую-нибудь женщину или если какая-нибудь женщина проявит склонность к соединению с царем,— и то и другое я одинаково приемлю с радостным сердцем!

Урваши. Ох, не знаю толком, что последует за этими ее словами, но я постепенно начинаю надеяться.

Читралекха. Пойми, подруга: слова царицы, великолепной в своем благородстве, ясно говорят, что теперь ты соединишься с любимым безо всяких преград.

Манавака (*в сторону*). Когда из рук рыбака ускользает рыбка, он, отчаявшись, восклицает: «Плыви, плыви, да не будет на мне греха!» (*Громко.*) Неужели, государыня, вы так сильно любите государя?

Царица. Вот глупец! Неужели это непонятно и так? Ведь я жертвую собственным счастьем. Как же ты спрашиваешь, дорог ли мне мой супруг или нет?

Пурурава с.

Царица, ты вольна отдать меня другой,
Иль сделать можешь ты меня своим слугой,
Но с этих пор таким, каким я был доньше,
Не буду я с тобой, о равная богине!

Царица. Что бы потом ни случилось, но я исполнила свой обет, именуемый: «Ублаготворение возлюбленного супруга». Девушки, идите.

Пурурава с. Любимая моя супруга, если вы меня сейчас покинете, то я не буду ублаготворенным.

Царица. Государь, я не привыкла нарушать свое слово, свой обет! (*Уходит вместе со свитой.*)

Урваши. Подруга, я вижу, как сильно любит царь свою жену, но я не могу принудить свое сердце отказаться от любимого.

Читралекха. Кто же отказывается от надежды?

Пуруравас (*усаживаясь, шуту*). Удалилась ли царица?

Манавака. Если вы хотите мне что-нибудь сказать, то говорите смело. Государыня покинула вас так быстро, как лекарь покидает больного, поняв, что он неизлечим.

Пуруравас. Если бы Урваши...

Урваши. ...Утолила сегодня свою страсть!

Пуруравас.

О, если б мне дала хоть маленькое счастье —
Услышать нежный звон ее ножных запястий,
Иль сзади подошла б, чтоб сразу же, сейчас,
Ладони-лотосы моих коснулись глаз,
Иль если б робкую доставила мне силой
Подруга ловкая, чтоб свиделся я с милой!

Читралекха. Урваши, исполни же его заветное желание!

Урваши (*с робостью*). Хорошо, но сперва я немного позабавлюсь. (*Отбрасывает покрывало и, подойдя к царю сзади, закрывает его глаза руками.*)

Читралекха тоже становится видимой и знаками поясняет шуту, что происходит.

Манавака. Государь, скажите, кто это?

Пуруравас (*оглядываясь*). Это та прекраснобедрая, что сотворена из бедра Нараяны!

Манавака. Как вы узнали ее?

Пуруравас. Могу ли я ее не узнать?

Познав мученье и терзанье,
Я разве ожил бы, мой друг,
Едва почувствовав касанье
Других, а не желанных рук?

Как ни старалась бы денница
Проникнуть в лотосовый цвет,
Ночному лотосу раскрыться
Поможет только лунный свет!

Урваши (*отнимает руки и немного отодвигается от царя*). Пребудь с победой, государь!

Пуруравас. Мой тебе привет, красавица! (*Усаживает Урваши на скамью.*)

Читралекха. Государь, да придет к тебе счастье!

Пуруравас. Оно уже пришло.

Урваши. Милая подруга, великий царь дарован мне самой государыней, поэтому он — мой. Не думай, что я жадно хватаю добычу, принадлежащую не мне.

Манавака. Неужели вы обе здесь были, когда зашло солнце?

Пуруравас (*глядя на Урваши*).

Ты говоришь: «Царица его мне даровала,

Я над ним имею власть».

Но кто тебе дал право, кто разрешил сначала

Сердце у меня украсть?

Читралекха. Друг мой, ей нечего сказать. Послушай, что тебе скажу я.

Пуруравас. Я весь внимание.

Читралекха. Кончается весна, а я обязана все лето служить всеблагову Сурье. Будь же ласков с моей подругой, чтобы она не затосковала по небу.

Манавака. Есть о чем тосковать! Там, на небе, не пьют, не едят и небожители смотрят по-рыбьи выпученными глазами!

Пуруравас. Дорогая Читралекха!

Смертный никогда не видел рая,
Как же райский сад ему забыть?
На других красавиц не взирая,
Как могу другую полюбить?

Читралекха. Я довольна твоим ответом, государь. А ты, Урваши, отпусти меня без боязни.

Урваши (*нежно обнимая Читралекху, жалобно*). Не забывай меня, милая подруга.

Читралекха (*смеясь*). Скорее я должна была бы просить об этом тебя, потому что ты соединилась со своим любимым и никто теперь тебе не нужен. (*Кланяется царю и уходит.*)

Манавака. Будь благословенна Судьба, осуществившая заветную мечту! Будьте счастливы, государь!

Пурурава. Я воистину счастлив:

Подставка для ног, вся в камнях дорогих,
Князей, мне подвластных, склоненные главы,
Покорство и трепет соседей моих
И власть повелителя мощной державы,—
Ничто перед счастьем — рабом ее стать,
Прелестных приказов у ног ее ждать!

Урваши. Я не найду слов, чтобы сказать о любви лучше, чем сказал ты.

Пурурава (*держит Урваши за руку*). Когда я обрел тебя, желанную, то желанными мне показались и прежние преграды, ибо

Я славлю Луну и тебя ныне славлю, Бестелый,—
Твои, бог любви, мне приятны разящие стрелы,
И то, что мне прежде казалось жестоким, суровым,
Я славлю, с любимой слившись, признательным словом!

Урваши. Велика моя вина перед великим царем, так как я медлила прийти к нему.

Пурурава. О прекрасная, не говори так:

Если от несчастья счастье рождено,
То еще отрадней, сладостней оно.
Тот, кого измучил нестерпимый зной,
Обретает радость под густой листвою.

М а н а в а к а. Государь, хватит вам любоваться прелестью лунных лучей: время идти в опочивальню.

П у р у р а в а с. Так покажи, дружище, дорогу своей новой подруге.

М а н а в а к а. Сюда, сюда, госпожа.

Все идут.

П у р у р а в а с. Любимая, теперь у меня — только одно желание!

У р в а ш и. Какое же?

П у р у р а в а с.

Казалось мне, пока таилась ты вдали,
Что долго тянутся три долгих стражи ночи:
Да станет ночь моя — мечтал я — покороче!
Теперь, когда мои глаза тебя нашли,
Мечтаю об одном: да будет стражей триста,
Чтоб насладился я тобой в ночи душистой!

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПРОЛОГ

За сценой поют:

Тоскуешь ты, с подругой любимой в разлуке,
И вздрагиваешь, увидав меня,—
Не так ли вздрогнет лотос, когда, в речной излуке,
К нему протянет руки солнце дня?

Появляется Читралекха. Осматривает все кругом.

Читралекха.

Две лебеди-подружки в тревоге и в испуге
Меж лотосов по озеру плывут,
Две лебеди печальных тоскуют о подруге,
И плачут, и зовут ее, зовут...

На сцене появляется Сахаджания.

Сахаджания (*с грустью*). Милая Читралекха, твое лицо, сумрачное, как увядающий столепестковый лотос, выдает мне печаль твоей души. Поведай мне причину своего горя, чтобы я могла его разделить с тобой.

Читралекха (*печально*). Опять настала весна, и отчаянье охватило меня, ибо нет со мной любимой подруги, которая должна была бы сейчас, как все апсары, услужать Сурье.

Сахаджания. Я знаю, как сильно вы любите друг друга — ты и Урваши. Однако продолжай.

Читралекха. Недавно, желая узнать, как ей живет, я с помощью чудесного всеведения обнаружила, что произошло несчастье.

Сахаджания (*тревожно*). Какое несчастье, подруга?

Читралекха (*печально*). Мне стало известно, что Урваши и мудрый царь, который возложил бремя власти на советников, отправились в лес Гандхамádана, расположенный близ горы Кайласы, чтобы там предаться усадам.

Сахаджания (*одобрительно*). Нет на земле лучшего места для наслаждений! Продолжай, продолжай, подруга!

Читралекха. И там, на берегу медленно струящейся реки, когда Урваши развлекалась тем, что сооружала холмики из прибрежного песка, ей показалось, что ее возлюбленный загляделся на некую Удайавáти, дочь полубога, и Урваши разгневалась...

Сахаджания. Вот что получается, когда апсара полюбит, как земная женщина: мы, небесные девы, не должны подчиняться чувству... А потом?

Читралекха. А потом Урваши, чье сердце задурманено проклятием ее учителя, святого Бхараты, не вняв увещеваниям супруга и забыв о божественном предписании, вступила в запретный для женщин лес бога войны. И как только вступила туда — сразу же превратилась в лиану, растущую на лесной опушке!

Сахаджания (*скорбно*). Все мы подвластны Судьбе, которая сильнее самой сильной страсти... Что же стало с мудрым царем?

Читралекха. Он сошел с ума. Дни и ночи он проводит в поисках возлюбленной. «Вот здесь Урваши! — кричит он. — Нет, Урваши там!..» (*Смотрит на небо.*) Боюсь, что приближение облаков, которые даже счастливых людей превращают в тоскующих, еще более усилит недуг царя.

За сценой поют:

Две лебеди-подружки в тревоге и в испуге
Меж лотосов по озеру плывут,
Две лебеди печальных тоскуют о подруге,
И плачут, и зовут ее, зовут...

Сахаджания. Я надеюсь, что великий царь, столь мудрый, столь красивый, недолго будет страдать. (*По-глядывает на восток.*) Пойдем, начнем служение всеблагову Сурье, который должен скоро взойти.

За сценой поют:

Потеряв подругу, потеряв рассудок,
Посреди озерных тихих вод
Молодая лебедь много долгих суток
Меж раскрытых лотосов плывет.

Читралекха и Сахаджания уходят.

Конец пролога.

За сценой слышна песня, предвещающая появление Пурураваса:

Слонов повелитель, весною
Сшедший от горя с ума,
Блуждает под сенью лесною,
Являя подобье холма,—
Густыми ветвями обвитый,
Травой и цветами покрытый.

В одежде, свидетельствующей о безумии, с глазами, обращенными к небу, появляется царь.

Пуруравас (*гневно*). А! Ракшас, злобный бес!
Стой, стой! Куда ты уносишь мою любимую? Ах, ты
взмыл с вершины горы в небо, ты обливаешь меня лив-
нем стрел!

За сценой поют:

Со своей любимой в разлуке,
Окружен озерною водой,
Плачет от отчаянья и муки,
Бьет крылами лебедь молодой!

Царь хватает ком земли, чтобы бросить в ракшаса; затем,
поняв свою ошибку, говорит печально.

О нет, не беса злого
В полночный вижу час:
То облако готово
Свой дождь излить на нас!
Не лук врага жестокий
Мне виден,— это бог
Благой, Тысячеокий,
Нам радугу зажег!
О, то не стрелы вражьи,—
Струя дождя блеснит,
То не моя Урваши,
А молния летит!

За сценой поют:

Я думал, что ее, с глазами лани,
Уносит полуночный бес,
Но это молния зажглась в тумане
Среди испуганных небес!

(*Поразмыслив, печально.*) Куда же могла уйти от меня
моя стройнобедрая?

А вдруг на меня рассердилась любимая,
И сила чудесная ей помогла,
И здесь, где-то рядом,— подруга незримая?
Нет, долго сердиться она б не могла!

На небо вернулась, богами хранимая?
Меня разлюбила, взяла да ушла?
Иль рать унесла ее неисчислимая
Злокозненных бесов, воителей зла?
Судьба моя грозная, неумолимая,
За что ты ее у меня отняла?

(Озираясь и вздыхая.) Горе тем, от кого отвернется
Судьба: на них несчастье сыплется за несчастьем!

Разлука с милою особенно тяжка
Во время радости земной,
В те дни, когда плывут по небу облака,
Когда ослабевает зной.
Скажите, облака, чем прогневил я вас?
Клянусь я вам в глухом лесу:
Явите милую для воспаленных глаз,—
От вас все муки я снесу!

(Усмехнувшись.) Зачем я, однако, сам увеличиваю
свои страдания? Недаром же мудрецы нас поучают:
«Царь — творец времени». А если так, то почему мне
не отодвинуть назад время дождей, приближение об-
лаков?

Царь танцует.

За сценой поют:

О, пчелок жужжание, пьяных
От запахов терпких и пряных!
Беседуют птицы весною,
Как будто струна со струною!
И, слушая звуки напева,
Что льются то вправо, то влево,
Танцует волшебное древо,
Как легкая, стройная дева!

(Перестав танцевать.) А впрочем, не стану отодвигать
назад время дождей, потому что оно оказывает мне по-
чести своими знаменьями.

Вижу: туча движется густая,
Золотою молнией блистая,—
Это мой нарядный балдахин.
На ветвях листву заколыхало,——
Понимаю: это — опахало,
Чтоб не ведал зноя властелин.
Синегорлые кричат павлины,—
Этот рокот мне знаком старинный:
То поэты при моем дворе.
Встали горы, простирая длани:
То почтительные горожане
Мне дары приносят на заре!

Пусть так. Но что толку в том, чтобы восхвалять признаки моей царской власти? Лучше поищу в лесу мою любимую!

За сценой поют:

Лишенный подруги, в тумане мучительных снов,
Свой взор опустив, омраченный и дикий,
По горному лесу бредет предводитель слонов,
И плачут цветы, сострадая владыке.

(Делает несколько шагов и оглядывается кругом.) Какое счастье! Мои поиски непременно увенчаются успехом,— и тому есть веские доказательства:

Цветами красными пылает древо:
Цветы — водой наполненные чаши —
Напоминают мне глаза Урваши
В слезах и покрасневшие от гнева.

Ее здесь нет. Но где же она? Я хорошо понимаю:

Если бы здесь ее милые ножки прошли,
Если б коснулись омытой дождями земли,—
Дивною тяжестью бедер округлых горды,
Красной окрашены краской, вдавили б следы
В эту лесную тропинку у горной гряды!

Но я вижу другую примету, по которой ее можно отыскать:

Из глаз ее падали слезы и с губ ее смыли
Ту красную краску, что ярче лесной кошенили.
Когда, неприкрытым глубокий пупок оставляя,
Любимая, мучаясь ревностью, гневом пылая,
Походкой стремительной в эту вошла глухомань,
Упала с груди ее полной зеленая ткань,
Слегка потемневшая, словно брюшко попугая.

Отлично, вот я и подберу ее. (*Приближается и видит свою ошибку.*) Увы, это всего лишь молодая травка, а на ней — кошениль. Но кто же все-таки в лесном безлюдье подаст мне весть о моей любимой? (*Увидев павлина.*) Вот павлин. Он сидит на самом краю скалы, омытой ливнем.

Дождевое облако он кличет,
Пестрый хвост под ветром распустив,
Шею вытянув свою, курлычет,—
Он влюблен и потому красив!

(*Приблизившись к павлину.*) Что же, спрошу у него.

За сценой поют:

Вожак слонов,— он прежде был таков:
Отваживал он властно чужаков.
Теперь — в смятенье — ищет он любимую,
Охваченный тоской невыразимую.

(*Пляшет под пение, доносящееся из-за сцены.*)

Прошу тебя, павлин, поведай мне, молю:

Не видел ли в лесу любимую мою?

Какие признаки ее тебе нужны?

Походка — лебедя, лицо — светлей луны!

(*Почтительно складывает руки у груди.*)

Мой синешей друг! Найду ль в твоём краю

Прекрасностанную, желанную мою?

Как? Не дав мне никакого ответа, он принялся плясать?
(Подумав.) Ах, я понимаю причину его восторга:

Моя любимая пропала,
Ее сокрылась красота,
И у павлиньего хвоста
Теперь соперницы не стало!
Когда волос ее копна,
Цветами ярко убрана,
Во время страсти рассыпалась,
О птица, твоего хвоста
Вдруг затмевалась пестрота —
И чернь, и блещущая алость!

Нет, я больше не буду разговаривать с тем, кто счастлив тогда, когда несчастны другие. (*Делает несколько шагов, глядя по сторонам.*) А, вот среди ветвей розовой яблони сидит кукушка, опьяненная любовным хмелем. Кукушки — самые мудрые среди птиц. Порасспрошу-ка ее.

За сценой поют:

В лесу, где живут полубоги — служители Шивы,
Тоскуя, блуждает властитель слонов несчастливый.
Он ищет любимую, бродит и жалобно плачет...
Кто скажет ему, — где подруга и кто ее прячет?!

(*Танцует и в конце танца становится на колени.*)
О, пернатая госпожа!

Поведай мне, кукушка сладкогласная,
В чужом гнезде возвращенная пичужка:
Тебе не повстречалась ли прекрасная
Моя любимая, моя подружка?
Кукушка, божества любви посланница,
Умеешь ты соединять влюбленных,
Так пусть и мне благой удел достанется,
Молю тебя среди холмов зеленых:
Иль приведи меня к моей любви,
Иль милую ко мне ты позови!

Ты что-то мне сказала, достопочтенная? Ты спрашиваешь, зачем она покинула меня, который любит ее так сильно? (*Глядя вверх.*) Послушай, госпожа:

Она разгневалась, но за собою
Я никакой не ведаю вины.
Так женщинам назначено Судьбою:
Они, чтоб мучить милых, рождены,
Им нравится терзать своих любимых
Из-за проступков вымышленных, мнимых!

(*В возбуждении усаживается, затем становится на колени, часто повторяет: «Она разгневалась!» Затем поднимается и говорит, глядя вверх.*) Какая дерзость! Эта птица, прервав меня, занялась своим делом. Впрочем,

Я как-то услышал в былые года:
«Чужая беда — небольшая беда».
Я в горе поведал ей слово доверья,—
Она равнодушно расправила перья,
И словно красавица в жарком чаду
Лобзает любовника, как в лихорадке,—
Кукушка на ветке прильнула к плоду
И пьет с любострастием сок его сладкий!

Но я все равно не могу на нее сердиться: она звонко-голоса, как моя любимая... Будь счастлива, пернатая госпожа! А что до меня, то я уйду отсюда. (*Идет, прислушиваясь.*) О, справа из-за деревьев мне слышится звон ножных запястий: это приближаются ко мне ножки моей любимой! Пойду ей навстречу! (*Делает несколько шагов.*)

З а с ц е н о й п о ю т:

Склонилась голова его в разлук,
Обильно слезы падают из глаз,
Страдает плоть его от тяжелой муки,
Душа его печалью обожглась:
В глухом лесу, безумием объятый,
Блуждает царственных слонов вожатый.

Царь делает несколько шагов и смотрит туда, откуда доносится звон браслетов.

За сценой поют:

Где его красавица слониха?
Он блужданьем долгим истомлен,
И тоску изведal он и лихо,
Обезумевший могучий слон!

О, как обманывает счастье
Нерассудительных людей!
То был не звон ее запястий,
А клекот белых лебедей.
Влекут их тучи дождевые,
Их Манас-озеро зовет,
Сулит им радости живые
Вдруг потемневший небосвод!

Ладно. Пока лебеди, тоскуя об озере, на чьих берегах в пору дождей слышится их любовное ячание, не улетели с протоки, я попытаюсь у них узнать, где находится моя возлюбленная. (*Приближается.*) О властелин водоплавающих!

Лебедь, ты летишь на запад, где воды озерной гладь,
С корнем лотос удержишь в клюве, чтоб в пути
не голодать.

Лотос вырони душистый, речью боль мою развей,
Потому что дело друга собственных забот важней.

Увы, подняв голову, лебедь как бы отвечает мне взглядом: «Я лечу к Манасу-озеру, я не видел твою любимую!»

Если ты ее не видел на озерном берегу,
Ту, чьи брови изогнулись,— я забыть их не могу,—
Как же у моей любимой удалось тебе украсть
Всех ее движений плавность, а в глазах — хмельную
страсть?

Стихи царя прерываются пением за сценой:

О лебедь, лебедь, отвечай правдиво,
Где научился ты, достойный похвалы,
Той поступи, что так нетороплива,
Затем что бедра у нее круглы.

(Почтительно складывает руки у груди.)

Кто украл ее походку, мог и всю ее украсть:
Коль имущества у вора мы найдем хотя бы часть,
Все нам вор вернуть обязан, — вот законов наших суть.
Так верни мне, похититель, все, что должен мне вернуть!

(Рассмеявшись.) Он улетел, сильно испугавшись, ибо
подумал: «Это — царь, преследующий воров!» Что ж,
порасспрошу других. А вон в воде нырок со своей по-
другой. Подойду к нему.

За сценой поют:

Где нежной листвы раздаются волшебные речи,
Где рдеют цветы, в лепестках собирая росу, —
Слонов предводитель, с ума из-за горя сошедший,
Любимую ищет в лесу.

Ты, обладающий шафранною окраской,
Ты, рассекающий озерную струю,
Скажи, не видел ли, — я спрашиваю с лаской, —
В прозрачном озере любимую мою?

(Становится на колени.)

Не отвечаешь мне? Царя ты пожалей!
Иль клюва своего гордишься круглотою?
Но бедра у моей возлюбленной, не скрою,
Еще красивей и круглей!

Почему нырок мне говорит: «Кто ты? Кто ты?» Он меня
не знает!

От Солнца я свой род по матери веду,
Луны потомки — все цари в моем роду.
Урваши и Земля — две у меня жены,
Избравшие меня для мира и войны!

Молчишь? Позор на твою голову! Сам подумай:

Лишь на мгновение за лотосами скроется
Твоя любимая,— не можешь успокоиться,
Пронзительно кричишь: «Беда! Беда! Беда!» —
Как будто ты ее утратил навсегда.
А я, покинутый прекрасною возлюбленной,
Не то похищенной в лесу, не то загубленной,
К тебе взываю всей измученной душой,
Но безучастен ты, увы, к беде чужой!

Куда ни пойду, повсюду Судьба ко мне враждебна.
Но все же я не прекращу свои поиски. *(Делает несколько шагов и останавливается.)* Пожалуй, останусь здесь.
(Внимательно взглядывается.)

Вот жужжащая пчела
В мякоть лотоса вползла,
Или это я лобзаю
Ту, что соком налита,
Или это я кусаю
Благовонные уста!

Так и быть, окажу почести этой пчеле, наслаждающейся лотосом: не хочу, когда уйду отсюда, потом каяться.

За сценой поют:

Он слышит пчел жужжанье, птичьи стоны,
Вдыхает и цветов и трав настой,
И все сильней безумствует влюбленный,
Подруги жаждет лебедь молодой.

(Почтительно складывает руки у груди.)

Скажи, изготавливающая мед,
Где милая моя теперь живет?

(Подумав.)

О, задал я бессмысленный вопрос:
Она приятней лотосов и роз,

И если б ты среди цветов хоть раз
Увидела чарующую нас,
Ты б лотосу дневному предпочла
Ее уста душистые, пчела!

(Всматриваясь.) Я вижу: обвив хоботом ветку кадамбы,
стоит со своей подругой вожак слонов. Быть может, он
мне сообщит что-нибудь отрадное. Пойду к нему.

З а с ц е н о й п о ю т:

Слон в пору течки чувствует тоску,
Струится мускус по его виску,
И, возбуждась, садится на висок
Пчела: ее влечет пахучий сок.

(Вглядевшись.) Однако сейчас не время приближаться
к слону, надо подождать.

Пусть насладится он в тиши густозеленой
Той веткой дерева шаллаки благовонной,
Что хоботом своим, полна о нем забот,
Ему влюбленная слониха подает.

(Немного подождав.) Ну вот, он кончил трапезу. Пре-
восходно. Подойду к нему поближе и задам вопрос.

Ответь мне, задаю тебе вопрос не даром:
Умнейший из слонов, достоин ты хвалы!
Играючи, одним способен ты ударом
Валить крепчайшие стволы!

Ту, что сияет нам луны и солнца краше,—
Ты видел ли мою возлюбленную, слон?

(Приближается к слону на несколько шагов.)

В жасминовом венке ты видел ли Урваши,
О слон, что страстью опьянен?

(Вслушиваясь, радостно.) Какое счастье! Ты своим
трубным голосом, приятно рокочущим, возвещаешь мне,
что видел любимую. Ты вселяешь в меня надежду.
Между нами, слон, есть сходство, и я поэтому люблю
тебя еще больше.

Ты, слон,—вожак слонов, я — царь царей земных.
Обильных благ от нас ждут обе паствы наши.
Как всех красивей жен — прекрасная Урваши,
Так и жена твоя красивей всех слоних.
Во всем со мною схож, в одном за мной не следуй:
С возлюбленной своей разлуки ты не ведай!

Я ухожу, будь счастлив. *(Делает несколько шагов и смотрит.)* А! Передо мною удивительно красивая гора. Зовется она Сурабхи-Кандара — «обладающая благоуханными пещерами». Ее любят небесные девы. Быть может, и моя стройнотелая бывала у ее подножья. *(Идет вперед и вглядывается.)* Как темно! Но я могу все рассмотреть при свете молнии. Я не уйду, прежде чем не вопрошу эту дивногрудую вершину.

За сценой поют:

Острыми клыками землю роя,
Озирается в безлюдной чаще,
Пробирается ночной порою
Дикий вепрь среди травы молчащей.

Гора, гора, чьи очертанья женственны,
Ты возлежишь, раскинув стан прелестный,
В лесу, где выбрал свой приют божественный
Любви властитель бестелесный.

Скажи мне,— не тобой ли утаенная,
Здесь обретается вдали от друга
Таким чудесным телом наделенная,
Красивобедрая супруга?

Гора безмолвствует? Понимаю, она не слышит меня, потому что слишком велико расстояние между нами. Подойду к ней поближе и спрошу снова. О гора,

На чьем высоком обитают лоне
Кимнары — полулюди, полукони,
Где родники нам благо принесли,
Держательница гордая Земли,

Цветочной диадемою венчанная,
Гора, скажи мне,— где моя желанная?

(Приближается, сложив почтительно руки у груди.)

Скажи мне, земледержцев-гор царица,—
Где та, которой жажду насладиться
И чью бессилен я воспеть красу?
Мою жену ты видела в лесу?

За сценой — эхо: «Видела в лесу!»

(Пуруравас, прислушиваясь, радостно.) Она отвечает.
«Видела в лесу!» Так благоволи же, держательница
Земли, выслушать с еще большей любовью мои слова.
(Повторяет.)

Скажи мне, земледержцев-гор царица,—
Где та, которой жажду насладиться
И чью бессилен я воспеть красу?
Мою жену ты видела в лесу?

(Снова услышав тот же ответ, начинает понимать, в чем дело.) Горе мне! Ведь это эхо, ведь это мои слова, повторенные устами пещер! *(Падает без чувств; поднимаясь, с отчаяньем.)* Как я устал! Отдохну немного на берегу горной реки, подышу ветерком, веющим над быстро бегущей водой. Я счастлив смотреть на эту реку, хотя она и слегка замутнена только что прошедшим дождем. Река напоминает мне любимую.

Ее изогнутые волны — бровей нахмуренных излом,
Ее охватывают птицы, как будто женским пояском,
С потока ниспадает пена, и кажется издалека,
Что это в ярости желанья одежду сбросила река.
Ложится навзничь, соблазняя, для радостей обнажена:
То не река, а то — Урваши, непостоянная жена!

Что же, испрошу у нее милости. *(Почтительно складывает руки у груди.)*

О река, должна ты сжалиться,
Дать себе и мне покой.
Птицы над тобой печалятся,
Над прекрасною рекой.
Над тобою, многопенная,
Светлых пчел жужжащий рой,
Ганга ждет тебя священная
Там, за облачной горой.

За сценой поют:

Вздымая волны, словно руки, волненьем ветра обуян,
Одетый облаками, пляшет владыка влаги — океан.
Шафраном раковин украшен, он стаю лебедей взметнул,
Не черных лотосов гирляндой, — увешан скопищем акул,
И, лад как будто отбивая, о берег бьет рукой-волной,
Когда весь мир покрыли тучи своей густою пеленой!

К тебе, кого люблю я страстно,
К тебе, кто сладкогласна,
К тебе, кто смотрит безучастно,
Как мучаюсь напрасно,
К тебе, — незначащей виною
Виновен пред тобою, —
Пришел я преданным слугою,
Охваченный тоскою.

Почему она молчит? Или она и вправду всего лишь река? Конечно, всего лишь река, ибо Урваши, покинув Пурураваса, не устремилась бы к океану! Мне необходимо упорство, чтобы добиться счастья. Вернусь на то место, где прекрасноголазая скрылась из моих глаз. (*Делает несколько шагов и смотрит.*) Олень прилег на опушке. Может быть, он знает, где моя любимая?

За сценой поют:

В лесу, где цветочные платья деревья надели,
Где птишек, от страсти хмельных, разлетаются трели, —
Израненный богом любви и страданьем объятый,
Блуждает вожатый слонов, наречен Айраватой.

На оленьей черной шкуре — пятна:
На нее взглянула, вероятно,
Сквозь листву владычица лесная,
Взгляд на шкуре запечатлевая.

Да он и не слушает меня, он повернул голову в другую сторону! (*Увидев.*)

Неотступно, изогнувши шею,
Ланью он любит свою,
А она — недвижна: олененок
Вымя у нее сосет сосенок.

За сценой музыка; царь пляшет.

О, ты ступаешь медленно, — круглятся бедра пышно.
Приподнятые, твердые, твои округлы груди.
Тебя, оленье, не видно и не слышно, —
Избавь меня от горести, явись ко мне в безлюдье!
(*Приближается к оленю, сложив почтительно руки у груди.*)

Господин повелитель оленей!

Не видел ли ты, забредя в глухомань,
Супругу мою? Я нуждаюсь в услуге!
Ты хочешь узнать, какова она? Глянь, —
С тобою твоя большеглазая лань,
И схожи друг с другом две наших подруги!

Горе мне: олень не обращает внимания на мои слова.
Он отвернулся от меня, он не отрывает глаз от своей лани. Моя злосчастная судьба такова, что я терплю упреждения на каждом шагу. Попробую поискать любимую в другом месте. (*Смотрит.*) Какое счастье, — я вижу признаки того, что она здесь проходила!

Кадамбы возвещает нам багрец
О том, что знойным дням пришел конец.
Лишен цветка один лишь черенок,

И сразу понял я, что тот цветок
Стал свежим украшением кудрей
Исчезнувшей возлюбленной моей.

(Делает несколько шагов и видит расцветшую ашоку.)

Ты вся пылаешь, красная ашока,
Я тоже полон алого огня.
Ты мне поведай: близко иль далёко
Ушла возлюбленная от меня?

*(Глядит на верхушку ашоки, раскачиваемую ветром;
гневно.)*

А, так, не знаешь? Правду отрицая,
Ты, глупая, качаешь головой?
Откуда же твой алый цвет живой?
Моя возлюбленная дорогая
Своей ногой ударила о ствол,
И он расцвел, пришла пора благая,
И меда вождедеют сотни пчел!

Ты молчишь? Ну ладно, будь счастлива. *(Делает несколько шагов и смотрит.)* А что же это, необычайно красное, удивительно яркое, виднеется там, в расщелине скалы?

Как эту яркость назовете?
То не кусок горячей плоти
Слона, разорванного львом.
Обильный дождь прошел недавно.
Все погасил, и мы подавно
Огнем сей блеск не назовем.
А, это самоцвет прекрасный,
Он — словно цвет ашоки красной,
И вижу я его игру,
Он каждую сверкает гранью,
И даже солнце с жадной дланью
К нему склонилось поутру.

Я возьму этот драгоценный камень.

За сценой поют:

В тоске, за слезою роняя слезу,
Поняв, что одна ему в жизни отрада,
Подругу желанную ищет в лесу
Вожатый слоновьего стада.

(Делает движение, будто берет в руки драгоценный камень.)

Тебе бы украшать копну ее волос,
Но я не знаю, кто любимую унес.
Я не могу ее найти в безлюдье этом,
И кудри мне ее не нужно украшать,—
Так что же делать мне с тобою, самоцветом?
Ужель слезами орошать?

(Бросает драгоценный камень.)

Голос за сценой.

Мой сын, возьми его, доверься мне:
Соединяет камень сей счастливый
Любовников! От краски на ступне
Властительницы гор, супруги Шивы,
Он происходит!

Пурурава с *(прислушиваясь)*. Кто мне повеле-
вает? Быть может, меня пожалел святой отшельник,
живущий в лесу, подобно оленю? Я принимаю совет
мудрого, как великую милость. *(Снова берет и разгля-
дывает драгоценный камень.)* О, Соединяющий!

Меня соедини ты наконец
С любимой,— и державный свой венец
Украшу я тобою горделиво,
Как месяцем себя украсил Шива.

(Делает несколько шагов и смотрит.) Вот бедная лиана,
лишенная цветов. Но почему, когда я гляжу на нее,
сердце мое испытывает такую огромную радость? О, я
знаю, почему оно трепещет:

Я в трепете стою перед лианою,
Чьи листья ливнями омыты:
Она похожа на мою желанную,
Когда в слезах ее ланиты.
Лиана, что всегда цветами славится,
Без них поникла в день весенний,—
Как будто милая моя красавица
Своих лишилась украшений.
Теперь покинута лиана пчелами,
Над ней замолкло их жужжанье,—
Так, думами объята невеселыми,
Моя жена стоит в молчанье.
Она жалеет, что была несдержанной,
Ее искать я перестану:
Измученный возлюбленной рассерженной,
Я обниму сейчас лиану!

Да, я обниму ее, потому что лиана похожа на мою любимую!

Жену утратив без борьбы,
Брожу, лишенный крова,
Но если волею Судьбы
Ее найду я снова,
То высоко я вознесу
Моей любимой долю,
Я ей не дам пропасть в лесу,
Уйти ей не позволю!

(Сомкнув веки, обнимает лиану, касаясь ее всем телом.)
Тело мое наполняется таким блаженством, как будто оно прикоснулось не к лиане, а к моей Урваши. Но тщетны все надежды!

С любимой в самозабвенье
Я слился... Но пройдет мгновенье,
Я быстро веки подниму,—
Пойму: то было наважденье,
Лишь безглагольное растение
Прильнуло к телу моему!

Лучше открою глаза не спеша. (*Медленно открывает глаза.*)

Там, где росла лиана, возникает Урваши.

Как, это вправду ты, моя любимая, моя Урваши? (*Падает в беспамятстве.*)

Урваши (*в слезах*). Очнись, очнись, великий царь!
Пуруравас (*придя в сознание*). Любимая, я обрел вторую жизнь!

С тобою, лучшая из жен,
Внезапно разлучась,
Твой муж во тьму был погружен,
Утратил с жизнью связь.
Теперь, когда, моя любовь,
Я вновь тебя обрел,
Обрел я жизнь и разум вновь,
И тьму я поборол!

Урваши. Своим внутренним зрением я видела все, что происходит с тобой, великий царь.

Пуруравас. Я не вполне понимаю, что ты называешь внутренним зрением.

Урваши. Я объясню тебе, но сначала прости мне то горе, которое я причинила тебе, когда была под властью гнева.

Пуруравас. Великодушная, ты не должна просить у меня прощения: вот я вижу тебя, и душа моя, все чувства мои стали светлыми, умиротворенными... Но скажи: как ты могла так долго быть в разлуке со мной?

Павлин, кукушка, лебедь и пчела,
Нырок и слон, река, гора, олень —
Все видели, как плачу целый день,
Всех спрашивал: «Куда она ушла?»

Урваши. И это я видела своим внутренним зрением.

Пурурава с. Милая, я все-таки не понимаю, что означает внутреннее зрение.

Урваши. Слушай же. Некогда бог войны Кумара, приняв обет вечного безбрачия, поселился у подножья горы Гандхамадана, в девственном лесу, и установил...

Пурурава с. Что же он установил?

Урваши. «Да превратится в лиану каждая женщина, которая проникнет в этот запретный лес!» А конец заклатья звучал так: «...И да не будет ей избавления до тех пор, пока не освободит ее драгоценный камень, рожденный от красного отпечатка ступни Гаури, супруги Шивы,— самоцвет, соединяющий любовников!» И вот я, чье сердце было задурманено проклятием моего учителя, святого Бхараты, забыла о запрете бога войны и вошла в лес Кумары. И едва только вошла, как превратилась в весеннюю лиану. У меня не стало глаз, но я видела мир внутренним зрением.

Пурурава с. Теперь я понял все, возлюбленная.

Ты думала,— далёко твой муж ушел из дома.

Нет, на любовном ложе меня объяла дрема,

Проснулся я,— ты рядом, прошла моя усталость...

Скажи мне,— ты страдала, когда со мной рассталась?

Посмотри, вот он, драгоценный камень, о котором ты говорила. О нем дал мне знать святой отшельник. Могушество самоцвета помогло мне найти тебя. *(Показывает камень.)*

Урваши. Так вот почему ко мне вернулся мой истинный облик: у тебя был драгоценный камень соединения! *(Берет самоцвет и возлагает его на свое чело как диадему.)*

Пурурава с. Прекрасная! Не двигайся хотя бы одно мгновение!

Твой лик сияет новой красотой,
Украшенный чудесным самоцветом,
Как будто это лотос молодой,
Окрашенный сверкающим рассветом.

Ур ва ши. О сладкоречивый! Много времени прошло с тех пор, как ты покинул Пратиштхану. Твои подданные, наверно, ропщут, полагая, что в этом повинна я. Вернемся в столицу.

Пу ру ра ва с. Пусть будет по-твоему.

Ур ва ши. А как великий царь хочет отправиться туда?

Пу ру ра ва с.

Молнию ты водрузи предо мной, как знамя.

В пестрый лук преобрази радугу над нами.

Облако ты преврати в нашу колесницу,—

И доставь меня домой, в древнюю столицу!

За сценой поют:

Обрета свою подругу, в счастье вздыбив оперенье,

Он летит домой,—

На воздушной колеснице начал вновь свое паренье

Лебедь молодой!

Конец четвертого действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ПРОЛОГ

Появляется улыбающийся М а н а в а к а.

М а н а в а к а. О, радость, о, счастье! После того как государь вместе с Урваши провел много времени в божественных рощах, вблизи тех мест, где пребывает бог любви, Пуруравас, друг мой милый, вернулся в столицу. Он был доволен теми почестями, которые оказали ему подданные при встрече, и вновь взял в руки бразды правления государством. Если бы не отсутствие потомства, то он жил бы, не ведая горя. Сегодня, по лунному исчислению, день полнолуния, благоприятный для зачатия, поэтому государь вместе со своими женами совершил омовение там, где сливаются Ганга и Ямуна.

Сейчас он пребывает на женской половине дворца. Я иду к нему, чтобы быть при нем,— ибо я ему необходим всегда,— когда он будет умащать свое тело и надевать на себя благоухающую гирлянду.

Голос за сценой. Горе! Горе! На пальмовом подносе, покрытом платком, я нес драгоценный камень: наш царь решил, что чудесный самоцвет, как диадема, украсит его возлюбленную царицу. Но коршун, подумав, что это кусок мяса, налетел и утащил его.

М а н а в а к а (*прислушиваясь*). Страшное, непоправимое несчастье! Государь высоко чтит этот драгоценный камень, именуемый Соединяющим. Вот почему великий царь быстро поднялся с престола и направился сюда. Пойду к нему навстречу.

Конец пролога.

Носпешно входит царь со своими приближенными.

П у р у р а в а с. Эй, стрелок! Эй, горец!

Он свою похитил гибель,—
Где он, коршун? Этот вор
Залетел, почуя прибыль,
К Стражу самому во двор!

Стрелок-горец. Вот он, вот он, описывает круги, будто что-то пишет на страницах небес драгоценным камнем, подвешенным к его клюву на золотой нити.

П у р у р а в а с. Я вижу его!

Летит похититель, смотрите,
То вверх он стремится, то вниз.
Блещающий камень на нити,
Торчащей из клюва, повис.
И кружится, кружится птица —
Пылающая головня:
То камень на небе искрится,
Кольцо образуя огня!

Что нам предпринять?

Манавака (*приближаясь*). Государь, жалость здесь неуместна: виновного следует строго наказать.

Пуруравас. Ты прав. Эй, принесите мне мой лук!

Гречанка. Сейчас принесу. (*Уходит.*)

Пуруравас. Приятель, я не вижу эту презреннейшую из птиц. Куда девался коршун?

Манавака. Пожиратель трупов умчался на юг, где обитает бог Смерти. Там, наверно, коршун обретет гибель.

Пуруравас. Вот он, вот он!

Иль то венчает небо самоцвет?

Иль то пустил свои побеги свет?

Иль этот камень стал цветком ашоки

И разукрасил небосвод высокий?

Гречанка (*появляясь с луком в руке*). Государь, вот лук с натянутой тетивой и стрелами.

Пуруравас. Что толку теперь в луке? Коршун-кровопийца стал недосыгаем для стрелы, потому что

Драгоценный камень, унесенный

Коршуном за дальние пределы,

Словно Марс пылает краснотелый

Где-то в тучах, в темноте бездонной!

(*К главе придворных.*) Почтенный Латавья!

Латавья. Что повелит государь?

Пуруравас. Да объявят от моего имени всем жителям столицы, чтобы они выследили злодея-коршуна, когда он, с наступлением сумерек, возвратится в свое гнездо.

Латавья. Повинуюсь государю. (*Уходит.*)

Манавака. Вы бы немного отдохнули, государь. Разве похититель дорогостоящих камней способен скрыться от вашего суда?

Пуруравас (*садится рядом с шутом*). Приятель!

Сей камень дорог мне,— увы, незаменимый,—
Не тем, что дорога его цена,
А тем, что он меня соединил с любимой,
С той самой, что на радость мне дана!

М а н а в а к а. Государь, я вас хорошо понимаю.

Появляется глава придворных со стрелой и драгоценным камнем.

Л а т а в ъ я. Пребудьте с победой, государь!

Гнев державный стал стрелой,
Был достигнут коршун злой
И упал, добыча мести,
С драгоценным камнем вместе!

Все выражают свое изумление.

Мы омыли камень в воде. Кому вручить его?

П у р у р а в а с. Стрелок! Пусть камень очистят огнем
и спрячут в ларец.

Стрелок-горец. Как прикажет государь. (*Уходит.*)

П у р у р а в а с. Почтенный Латавья, знаешь ли ты,
кому принадлежит стрела?

Л а т а в ъ я. На стреле, кажется, вырезано чье-то имя,
но зрение мое ослабело, я не могу различить буквы.

П у р у р а в а с. Дай сюда стрелу, я прочту сам.

Глава придворных подает стрелу государю. Пуруравас погружается в задумчивость.

Л а т а в ъ я. А я пойду займусь своими делами.
(*Уходит.*)

М а н а в а к а. О чем вы задумались, государь?

П у р у р а в а с. Я прочел имя того, кто сразил коршуна.

М а н а в а к а. Кто же это?

П у р у р а в а с. Слушай. (*Читает.*)

От Пурураваса меня Урваши родила.
Мне, отпрыску царя, сия принадлежит стрела.
Царевич Айуш,— как огонь, веду я спор со мглой,
Я всех, кто ненавидит жизнь, гублю своей стрелой!

М а н а в а к а (*радостно*). Волею Судьбы у государя
есть наследник!

П у р у р а в а с. Но как это могло случиться? Никуда, кроме как в лес Наймйша, где я совершал жертвоприношение, я за все эти годы не отлучался от Урваши и никогда не замечал у нее признаков беременности. Откуда же у меня сын? Впрочем, были некоторые признаки:

Набухли кончики груди; чуть округлилось тело;
Лицо, как лепестки лиан, немного пожелтело;
Всегда блестящие глаза покрылись пеленою,—
Такой она, мне помнится, являлась предо мною.

М а н а в а к а. Законы, соприродные земным женщинам, несвойственны женщинам небесным, чьи деяния можно объяснить только их могуществом.

П у р у р а в а с. Должно быть, ты прав. Но все же я не понимаю, почему царица скрыла от меня рождение сына.

М а н а в а к а. «Чтоб царь не бросил меня, состарившуюся!» — так она говорит.

П у р у р а в а с. Полно паясничать. Подумай и дай ответ.

М а н а в а к а. Кто проникнет в тайны бессмертных?

Входит глава придворных.

Л а т а в ъ я. Пребудьте с победой, государь! Отшельница из пустыни святого Чьяваны привела какого-то юношу и хочет видеть царя.

П у р у р а в а с. Тотчас же приведи обоих.

Л а т а в ъ я. Как прикажет государь. (*Уходит и возвращается вместе с отшельницей и юношей, держащим в руке лук.*) Сюда, сюда, почтенная!

М а н а в а к а (*вглядываясь*). Государь, уж не тот ли это юноша из касты воинов, чье имя было начертано на стреле, сразившей коршуна? Он очень похож на вас.

П у р у р а в а с. Это, наверно, так.

Едва взглянул я на него,—
Глаза слезами увлажнились,
А сердце и душа склонились
К нему, почуяв с ним родство.
Хоть это чуждо властелинам,—
Я чувство не хочу сдержать,
Хочу к груди его прижать,
Хочу обняться с милым сыном!

Л а т а в ъ я. Здесь и остановитесь, почтенная.

Отшельница и юноша стоят перед царем.

П у р у р а в а с. Привет тебе, матушка!

О т ш е л ь н и ц а. О государь с великой судьбой! Да продлишь ты род властелинов — потомков Луны! (*В сторону.*) К чему долгие объяснения? И так очевидно кровное родство мудрого царя и Айуша! (*Громко.*) Сынок, почти приветствием своего наставника.

Юноша, не выпуская лука, почтительно складывает руки у груди и склоняет голову.

П у р у р а в а с. Живи долго, сын мой!

А й у ш (*в сторону*).

Если сердце мне отец потряс,
Называя сыном в первый раз,
Как, должно быть, счастливы сердца
Тех, кто вырос в доме у отца?

П у р у р а в а с. Какова причина твоего прихода ко мне, почтенная?

О т ш е л ь н и ц а. Выслушай меня, великий царь. Как только Айуш родился для долгой жизни, Урваши, имея на то некоторые основания, поручила его моему по-

печению. Святой Чъявана совершил над ним все обряды, надлежащие мальчику из касты воинов. Айуш обучен грамоте и прочим знаниям, а также стрельбе из лука.

Пуруравас. Так у него был и наставник!

Отшельница. Сегодня Айуш отправился с другими сыновьями отшельников собирать цветы, топливо, священную траву кушу и нарушил правила нашей пúстыни.

Манавака (*взволнованно*). Какой проступок он совершил?

Отшельница. Он пустил стрелу в коршуна, который сел со своей добычей на верхушку дерева.

Пуруравас. И тогда?..

Отшельница. И тогда святой Чъявана, узнав о происшедшем, приказал мне: «Ступай, вручи Урваши то, что она отдала тебе на хранение». Вот почему я хочу видеть царицу Урваши.

Пуруравас. Благоволи пока присесть, почтенная.

Отшельница садится на принесенное слугой сиденье.

Благородный Латавья, позови царицу Урваши.

Латавья. Как прикажет государь. (*Уходит.*)

Пуруравас (*к юноше*). Подойди же, подойди ко мне, сынок!

Прикосновенья твоего хочу,—
Все ласковей, нежнее и любовней
Стремлюсь к тебе, к твоей любви сыновней,
Как лунный камень — к лунному лучу.

Отшельница. Сынок, порадуй отца.

Юноша простирается перед царем и обнимает его колени.

Пуруравас (*обнимает его и усаживает на подставку для ног у подножья престола*). Сынок, без колебаний скажи слово приветствия моему милому другу, этому брахману.

Манавака. К чему колебанья? Ведь там, в лесной пустыни, ты хорошо познакомился с моими сородичами — обезьянами!

Ай уш. Приветствую тебя, почтенный!

Манавака. Будь счастлив! Да сопутствует тебе успех!

Появляются глава придворных и Урваши.

Латавья. Сюда, сюда, царица.

Урваши (*увидев юношу*). Кто этот лучник, который сидит на подставке для ног? Сам великий царь ласкает его кудри. (*Увидев отшельницу.*) А, Сатьявати! Значит, это — мой сын Айуш! Как он вырос! (*Радостно приближается.*)

Пурурава с (*увидев Урваши*). Сынок!

Пришла твоя мать,— погляди, погляди,

Тебя одного только видит, пригожий,

И лопнула ткань у нее на груди

От нежной и радостной дрожи.

Отшельница. Сынок, это твоя мать. (*Подходит вместе с юношей к Урваши.*)

Урваши. Матушка, я припадаю к вашим ногам.

Отшельница. Доченька, да любит тебя и почитает твой супруг!

Ай уш. Мой тебе привет, о мать!

Урваши (*поднимая голову сына и обнимая его*). Сынок, да будешь ты всегда опорой и утешением отца. (*К царю.*) Пребудь с победой, государь!

Пурурава с. Будь счастлива, родившая сына! Сядь рядом со мной, мать наследника! (*Указывает на место рядом с собой на престоле.*)

Урваши садится; все рассаживаются соответственно своему сану.

Отшельница. Доченька, твой Айуш умудрен знаниями, он способен носить доспехи битвы. В присутствии твоего супруга я возвращаю тебе то, что ты мне вручила некогда на хранение. А теперь мне надо вас покинуть, чтобы продолжить свое служение в лесной пустыни.

Урваши. Я так долго не видела вас, достопочтенная, что мои глаза не могут вами насытиться. Не могу вас отпустить, не смею и удерживать. Ступайте же, достопочтенная,— до скорой встречи.

Пурурава с. Передай, матушка, мой привет святому Чьяване.

Отшельница. Да будет, как сказано.

Ай у ш. Матушка, если вы возвращаетесь в пустынь, то должны и меня взять с собой.

Пурурава с. Сын мой, первая пора твоего возраста, ученичество, миновала, теперь вступи во вторую.

Отшельница. Дитя мое, повинуйся своему отцу и наставнику.

Ай у ш. Если так, то непременно —

Павлина мне пришли, что мне дарил веселье!

В моих объятиях был сон его глубок,

Любил он о меня тереть свой хохолок,

И пестрый хвост его сверкал, как ожерелье!

Отшельница (*улыбаясь*). Пришлю тебе твоего павлина.

Урваши. Я припадаю к вашим ногам, почтенная.

Пурурава с. Матушка, я склоняюсь перед тобой.

Отшельница. Будьте счастливы оба. (*Уходит.*)

Пурурава с. Милая Урваши!

Я счастлив: я отец! Желанней нет удачи!

Ты сыном все мои украсила дела.

Так Индра счастлив был, когда супруга Шачи

Ему Джайанту родила!

Урваши плачет.

Манавака (*глядя на нее с тревогой*). Что случилось, государь? Почему лицо госпожи нашей неожиданно залили слезы?

Пурурава с (*встревоженно*).

Я счастлив, милая: ты принесла мне сына —

И род продлится мой, чтоб радовались люди.

Откуда же твоя печаль, твоя кручина?
Зачем же на свои приподнятые груди
Слезинки-жемчуга решила ты излить?
Иль ожерелья мне видна вторая нить?
(Вытирает ей слезы.)

Урваши. Выслушай меня, великий царь. Сначала, когда я после долгой разлуки вновь увидела сына, сердце мое преисполнилось радостью. Но ты произнес только что имя Индры, и сердце мое содрогнулось от боли, потому что я вспомнила о сроке...

Пурурава с. О каком сроке?

Урваши. О сроке, назначенном Индрой. Когда-то, в далекие, прошедшие годы, когда я всем сердцем полюбила тебя, меня проклял мой учитель, но могучий Индра повелел...

Пурурава с. Что повелел громовержец?

Урваши. «Ты вернешься на небо тогда, когда мой друг, мудрый царь, увидит рожденного тобой сына, продолжателя рода». И вот, когда я родила Айуша, я, страшась разлуки с тобой, возлюбленным моим, отправила ребенка,— да обретет он знания,— в лесную пустынь святого Чьяваны, на попечение благородной Сатьявати. Ныне, когда она сочла, что юноша способен стать опорой отца, она возвратила мне Айуша, рожденного для долгой жизни. А мой срок наступил, и я должна расстаться с мудрым царем.

Все опечалены; царь падает в беспамятстве.

Манавака. О, горе, горе!

Латавь я. Очнитесь, великий царь!

Пурурава с *(приходя в себя)*. Увы, боги не хотят моего счастья!

Едва лишь в радости неизъяснимой
Обрел, увидел сына,—
Как мне грозит разлукою с любимой
Жестокая судьбина.

Так древо, пострадавшее от зноя,
Пьет дождевую влагу,
Но молния, блеснув порой ночью,
Желает сжечь беднягу!

М а н а в а к а. Огромное счастье сменилось огромным несчастьем. Государь, теперь вам только и остается, что надеть одежду из бересты и удалиться в дремучий лес.

У р в а ш и. Как я несчастна! Великий царь еще может подумать, что возвращение сына для меня только удобный предлог, чтобы расстаться с супругом и вернуться на небо!

П у р у р а в а с. Нет, нет, не говори так, любимая!

Разлука тяжела, но мы с тобой
Бессильны пред всевластною Судьбой.
Вернись на небо к богу-самодержцу,
Служи, как прежде, Индре-громовержцу,
А я, к державным охладев трудам,
Бразды правленья сыну передам.
Уйду я в лес, уйду к стадам оленьим,
Наполню дни смиреньем и молением.

А й у ш. Отец, не подобает возлагать на молодого бычка то бремя, которое нес взрослый бык.

П у р у р а в а с. Сын мой, ты не прав.

Хотя он молод,— если возбужден,
Других слонов одолевает слон.
Змея опасна, если молода:
Несет погибель яд ее тогда.
Хоть молод царь,— и в молодости лет
Он защитит отечество от бед:
Ему и мощь, и ум, и власть дает
Не возраст, а высокий царский род!

Почтенный Латавья!

Л а т а в ь я. Я жду приказания государя.

П у р у р а в а с. Объяви от моего имени собранию советников, чтобы приготовились к помазанию Айуша на царство.

Л а т а в ь я. Слушаю, государь. (*Уходит; опечаленный.*)

Все делают движение, будто глаза их ослепил свет.

П у р у р а в а с (*глядя на небо*). Не видно туч, откуда же молния?

У р в а ш и (*увидев*). Это — Нарада, блаженный вестник богов.

П у р у р а в а с (*вглядываясь внимательно*). Да, к нам спускается с неба Нарада!

Уложена в пучок копна его волос,
А цвет их — золото, что с пламенем слилось.
Украшен жемчугом, сияя чистотой,
Шнур брахмана горит, как месяц молодой.
А сам он — дерево, одетое в цветы,
Что исполняет все желанья и мечты!

Скорее принесите ему дары, окажите почести Блаженнейшему!

У р в а ш и (*приносит все, что требуется*). Я принесла все, чем можно почтить благого мудреца!

Появляется Н а р а д а; все встают.

Н а р а д а. Пребудь с победой, хранитель срединного мира!

П у р у р а в а с (*принимая от Урваши подношения и оказывая почести Нараде*). Почтительно приветствую вестника богов.

У р в а ш и. Склоняюсь перед Блаженнейшим.

Н а р а д а. Да не разлучатся супруги во веки веков!

П у р у р а в а с (*в сторону*). Если бы это могло свершиться! (*Обнимая сына, громко.*) Сынок, почти приветствием божественного мудреца.

А й у ш. Сын Урваши склоняется перед Блаженнейшим.

Н а р а д а. Живи долго, юноша.

Пурурава с. Снизойди к нам, присядь.

Н а р а д а. Хорошо. (*Садится; вслед за ним садятся и остальные.*)

Пурурава с. Какая причина твоего появления, вестник богов?

Н а р а д а. Выслушай, царь, послание великого Индры.

Пурурава с. Я внимлю ему.

Н а р а д а. Изобильный и Всевидящий повелевает царю, который решил удалиться в лес...

Пурурава с. Что мне повелевает Индра?

Н а р а д а. Мудрые провидцы, которым открыто настоящее, прошедшее и будущее, предсказывают, что предстоит великая битва между богами и демонами. Ты, великий царь,—всегдашний соратник богов. Поэтому ты не должен слагать оружия. А Урваши, пока ты жив, пребудет твоей верной подругой и помощницей в исполнении долга.

Урваши (*в сторону*). Точно стрелу извлекли из моего сердца!

Пурурава с. Я повинуюсь повелителю божьей рати.

Н а р а д а. Так и должно быть.

Пусть Индра все твои осуществит мечты,

Но и ему служи, не ведая тщеты:

Становится сильней огонь от солнца дня,

Но и у солнца мощь сильнее от огня!

(*Взглянув на небо.*) Рамбха! Пусть принесут все, что приготовил сам Индра для провозглашения юного Айуша наследником престола!

Появляются а п с а р ы, неся необходимые предметы.

А п с а р ы. Вестник богов, вот все, что нужно для обряда.

Н а р а д а. Рожденный для долгой жизни да воссядет на престол предков!

Рамбха (входя). Иди сюда, сынок! (Усаживает юношу на престол.)

Нарада (поливая водой из кувшина голову юноши). Рамбха, заверши обряд.

Рамбха (исполнив все, как было приказано). Сынок, окажи почести вестнику богов и родителям.

Юноша оказывает надлежащие почести.

Нарада. Пребудь в радости!

Урваши. Будь предан отцу!

За сценой слышен одновременный возглас двух придворных поэтов: «Да пребудет новый государь победоносен!»

Первый поэт.

Как Брахмы сын — бессмертный Атри,
Подвижник и святой,
Как Инду — светлый отпрыск Атри,
Сей месяц молодой,
Как Будха — месяца потомок,
Твой достославный дед,
Как, добрыми делами громок,
Отец твой много лет,—
Так царствуй ты и на престоле
Высокий род продли,
Заботясь о счастливой доле
Нарада и Земли!

Второй поэт.

Подобно твоему отцу,
Воителю и мудрецу,
Ты, добродетельный, отныне
Супругом Лакшми стань — богини,
Возвысившей царей земных:
Она пусть любит вас двоих,—
Так океанскую пучину
И гималайскую вершину
Ласкает Ганга, чья вода
Верна двоим, верна всегда!

А п с а р ы (*приближаясь к Урваши*). Милая подруга! Да не оставит тебя своими милостями Судьба, которая дала тебе счастье — видеть своего сына наследником престола и обрести вечное соединение с возлюбленным супругом!

У р в а ш и. Я знаю, это и ваше счастье, верные мои подруги. (*Взяв сына за руку.*) Сынок, окажи почести Рамбхе, лучшей из матерей.

П у р у р а в а с. погоди, сынок, мы окажем ей почести вместе.

Н а р а д а (*царю*).

На царство мною твой помазан Айуш,—
Да правит на престоле, возвышаясь.
Был Индрой громовержущим поставлен
Божественных полков вождем верховным,—
Да бьется с войском демонов греховным!

П у р у р а в а с. Индра оказал мне великую милость.

Н а р а д а. О царь, что еще может сделать для тебя всемогущий Индра?

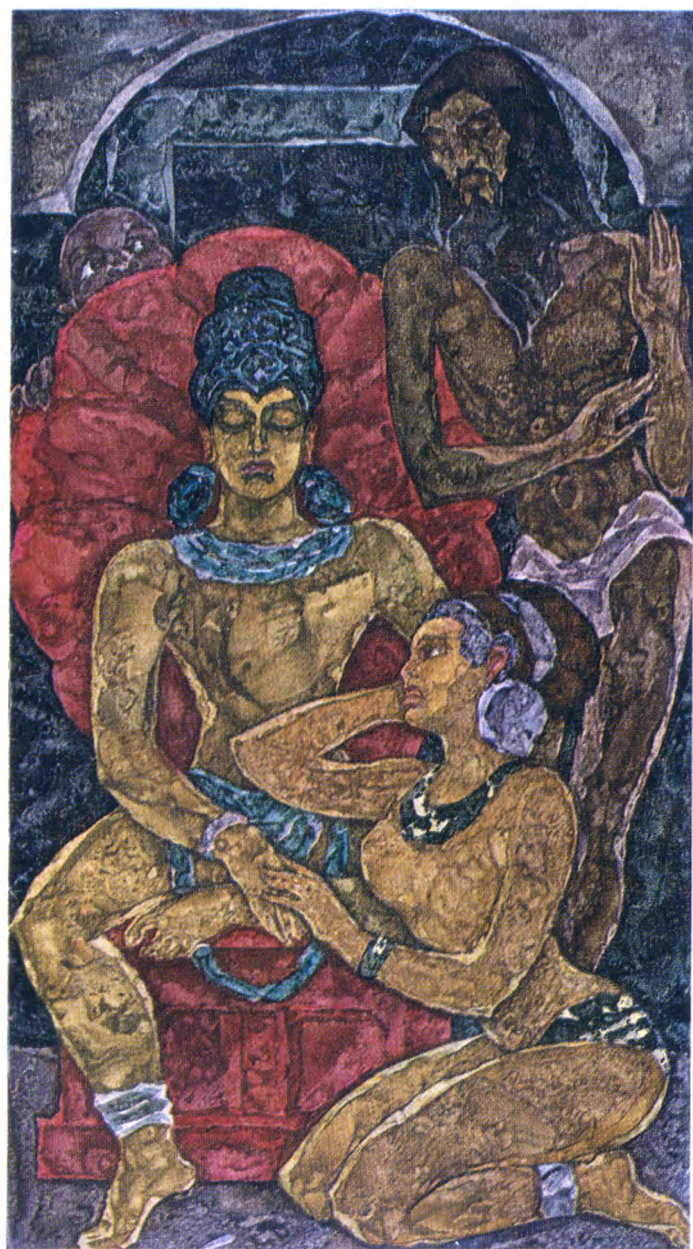
П у р у р а в а с. Индра одарил меня щедро,— чего еще я могу желать? Да будет так:

Для блага всех, для блага мирозданья,
С врагинею да помирится врагиня,—
Богиня процветанья
И мудрости богиня.

И еще:

Пусть для скитальцев кончатся скитанья,
Пусть позади останется ненастье,
Пусть всех людей исполнятся мечтанья,
Пусть всем, кто хочет счастья,— будет счастье!

*На этом заканчивается драма
«Мужеством завоеванная Урваши»,
сочиненная господином Калидасой.*

ШАКУНТАЛА, ИЛИ ПЕРСТЕНЬ- -ПРИМЕТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МУЖЧИНЫ

Душья́нта — царь Хасинапур.
Ма́тхавья — шут-брахман, друг Душьянты.
Ка́нва — святой подвижник.
Раевáтака — привратник.
Колесни́чий Душьянты.
Полково́дец Душьянты.
Ка́рбхака — гонец.
Шарнга́рава }
Шарадвáта } ученики Канвы, отшельники.
Вата́йана — глава придворных.
Сомара́та — домашний жрец Душьянты.
Начальник городской стражи.
Су́чака }
Джа́нука } стражники.
Рыбак.
Мáтали — колесничий бога Индры.
Бха́рата — сын Душьянты.
Ка́шьяпа — отец и наставник богов.
Га́лава — ученик Кашьяпы.

ЖЕНЩИНЫ

Шакúнтала — приемная дочь Капвы.

Анасу́йа }
Приямва́да } подруги Шакунталы.

Гаутáми — мать-отшельница.

Ветравáти — привратница.

Санумáти — небесная дева, апсара.

Парабхрй́тика }
Мадхукáрика } служанки во дворце
Чатúрика } Душьянты.

Адити — мать богов, жена Кашьяпы.

Отшельники, отшельницы, ученики.

Гречанки из свиты Душьянты.

Голоса за сценой.

Голоса придворных портов.

Голоса незримых существ.

Слуги.

В ПРОЛОГЕ

Руководитель труппы.

Актриса.

ПРОЛОГ

Руководитель труппы (*читает молитву*).

Тот Высший, кто в восьми обличьях пред нами предстает
всегда;
Тот, кто создателя вселенной создание первое — Вода;
Тот, кто горит Огнем, кто жертвы уносит на небо,
к богам;
Тот, кто есть Жрец, кому внимаем, когда в святой
вступаем храм;
Тот, кто извечно делит время,— кто есть и Солнце и
Луна;
Тот, кто Пространство есть, в котором родится звук
и речь слышна;
Кто есть Земля — семян праматерь, кто есть начало
всех начал;
Тот, кто есть Воздух,— чтобы всякий живущий радостно
дышал,—
Да будет вашею охраной, да милость вам свою пошлет
Владыка Шива, Столп Вселенной, ее защита и оплот!

Ну, довольно, перейдем от слов к делу. (*В сторону кулис.*) Госпожа, если вы готовы, то пожалуйста на сцену.

Актриса (*входя*). Я здесь, мой господин, и жду ваших приказаний.

Руководитель труппы. Сюда пришли самые тонкие, самые требовательные ценители искусства. Мы предлагаем их вниманию новую драму, сочиненную господином Калидасой,— «Шакунтала, или Перстень-примета». От актеров требуется, чтобы они играли с прилежанием и вдохновением.

Актриса. Вы тщательно продумали нашу игру. Я уверена, что все сойдет прекрасно.

Руководитель труппы (*улыбаясь*). Скажу вам откровенно, господа:

Не похваляю,— от вас не скрою,—
Актеров и себя, пока
Не покорим своей игрою
Ценителя и знатока.
Хотя актер все время копит
Приемы, навыки и опыт,—
К пустой не склонен похвальбе,
Он сомневается в себе!

Актриса. Вы правы, мой господин. Что вы мне прикажете сделать прежде всего?

Руководитель труппы. Что же еще, как не усладить слух почтенных зрителей? Спойте о том, что наступило чудесное лето, рождающее усладу. В самом деле:

Приблизился лета желанного срок,
Оно для вас радостей много припрятало:
Так сладостно веет лесной ветерок,
С которым лобзалась цветущая патала,
Прекрасно купание в жаркие дни,—
Недаром прохладной воде мы признательны,
И спится нам славно в вечерней тени,
А летние сумерки очаровательны!

Актриса. Я согласна с вами. *(Поет.)*

Я вижу сириса цветы,
Они душисты и чисты,
И нежно их целуют пчелы,
И девушки, собравшись тут,
Венки из сириса плетут,
И раздается смех веселый!

Руководитель труппы. Вы отлично пели, господа. Зрители, захваченные мелодией, сидят, не шелохнутся, будто нарисованные. Какой драмой мы их сейчас порадуем?

Актриса. Но ведь вы только что сказали, что почтенной публике покажут драму под названием «Шакунтала, или Перстень-примета».

Руководитель труппы. Правда, правда! Спасибо, что вы мне напомнили, а я совсем было позабыл об этой драме!

Вы пели, и я позабыл все дела:
Мелодия ваша меня увлекла.
Вот так увлекла за собой в глухомань
Владыку Душьянту пятнистая лань!

Оба уходят.

Конец пролога.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Появляется царь Душьянта на колеснице; в руке у него лук и стрелы; он преследует лань; рядом с ним — колесничий.

Колесничий (смотрит на царя и на лань).

Государь, когда за ланью мчитесь вы вдали от слуг,—
Мнится мне: то мчится Шива, свой натягивая лук!

Душьянта. Далеко эта лань завела нас с тобой,
колесничий! Посмотри на нее:

Пленительно выгнула шею,
Бежит, озираясь в тревоге,
И к задним передние ноги
Подтягивает, а за нею —
Грохочет моя колесница
И скоро стрела устремится!
Травинок доест не успела,—
Она изо рта их роняет,
И землю как бы отклоняет,
И в воздухе движется тело!

(С удивлением.) Но почему я не вижу ее, хотя неотступно за ней гонюсь?

Колесничий. Дорога была неровная, и я, подтянув поводья, замедлил бег колесницы. Вот почему лани удалось так далеко убежать от нас. А теперь, государь, мы на ровной дороге, и настичь ее будет нетрудно.

Душьянта. Отпусти поводья.

Колесничий. Слушаю, государь. (*Изображает быстрое движение.*) Смотрите, государь, смотрите:

Я отпустил поводья, и, радуясь погоне,
С такою быстротою помчались наши кони,
Что уши их недвижны, султаны их застыли,
И не хотят копыта коснуться тонкой пыли,
И внемлет лес дремучий и топоту и ржанию,
И мчатся кони, будто соперничают с ланью!

Душьянта (*радостно*). Поистине кони скачут быстрее гнедых самого Солнца и зеленоцветных скакунов Индры,— и вот доказательства:

Что мне казалось малым,— внезапно возросло;
Что было расчлененным,— единство обрело;
Что было кривизною, то стало прямизной!
С такою быстротою летим в глуши лесной,
Что близь и даль смешались для глаза моего:
Ни близко, ни далеко не вижу ничего!

Но погляди, колесничий, сейчас моя стрела ее настигнет! (*Кладет стрелу на тетиву.*)

Голос за сценой. Государь! Государь! Эту лань убивать нельзя!

Колесничий (*вслушиваясь и вглядываясь*). Между тобой, государь, и ланью встали отшельники.

Душьянта (*поспешно*). Попридержи коней.

Колесничий. Слушаю, государь. (*Останавливает колесницу.*)

Появляется отшельник в сопровождении двоих учеников.

Отшельник (*поднимая руку*). Государь, эта лань принадлежит святой пустыни, и нельзя ее убивать, нельзя!

Для чего ты настагаешь
Лань своей стрелой?
Ты живой цветок сжигаешь,
Делаешь золой!
Смертна лань: в лесу подлунном
Скоротечны дни,
А твоя стрела перунам
Громовым сродни!
Спрячь стрелу: метать не надо
Стрелы ради зла,
Ибо страждущих ограда —
Воина стрела!

Душьянта (*пряча стрелу в колчан*). Я сделал, как ты сказал.

Отшельник (*радостно*). Это достойно тебя, царь из рода Пуру!

О светоч рода Пуру, стрелок из лука меткий,
Поверь, твое деянье благословляют предки.
Да обрешь ты сына, чтоб он вселенной правил,
Чтоб добрыми делами свой древний род прославил!

Ученики отшельника. Да обрешь ты сына, повелителя мира!

Душьянта (*низко склоняясь*). Я благодарю вас за благопожелание.

Отшельник. Царь, мы вышли собирать топливо. А там, на берегу реки Малини, виднеется пустынь святого Канвы. Если у тебя нет другого, более важного дела, то посети пустынь. Тебя примут с почетом, достойным такого высокого гостя. А кроме того,

Увидев, как спокойно, без преграды,
Свершаются отшельников обряды
При тихом трепетании листвы,

Подумаешь: «Когда приду к покою?
Иль долго буду биться я рукою,
Отмеченной рубцом от тетивы?»

Душьянта. А святой отец пребывает сейчас в пустыни?

Отшельник. Нет, он поручил своей дочери Ша-кунтале принимать гостей, а сам совершает паломничество в Соматиртху, надеясь с помощью молитв сделать счастливой судьбу девушки.

Душьянта. Хорошо, я с нею повидаюсь, и пусть она, изведав мою преданность богам, расскажет об этом своему отцу, великому подвижнику.

Отшельник. А мы пойдем своей дорогой. *(Уходит с учениками.)*

Душьянта. Погони, колесничий, коней. Очистим наши души зрелищем святой обители.

Колесничий. Как прикажет государь. *(Изображает езду на колеснице.)*

Душьянта. Если бы даже нам ничего не сказали, можно было бы догадаться, что мы приближаемся к священной роще.

Колесничий. Почему?

Душьянта. Да разве ты сам не замечаешь?

Зерна дикого риса — везде на земле:

Попугаи, что в каждом гнездятся дупле,

Их, клюя, разбросали.

Там и сям — для размолы плодов жернова,
К ним, промасленным, снизу прилипла трава,

А красавицы лани

Так доверчивы к людям, что им не страшны
Наши речи среди вековой тишины,

Громкий бег колесницы,

А на тропках, что выведут нас на пруды,
Почему-то виднеются капли воды,—

Понимаю, в чем дело:

То отшельники, помыслом светлым добры,
Шли в одеждах своих из древесной коры,

И вода с них стекала...

И еще:

Приносились здесь жертвы с напевом святым;
Пахнет маслом топленным; возносится дым,
Застилает он прелесть
Тех деревьев, чьи корни питает вода
Родников, что с вершины сбегают сюда,
Листьев слышится шелест,
И оленей бестрепетно бродят стада,
Им неведома рода людского вражда!

Колесничий. Все так и есть.

Душьянта (*проехав немного вперед*). Не будем тревожить обитателей святой пұстыни: останови колесницу, я сойду.

Колесничий. Я крепко держу поводья, сходите, государь.

Душьянта (*сходит и оглядывает себя*). В святую обитель полагается вступать в скромной одежде. Возьми украшения и лук. (*Отдает все колесничему.*) Пока я буду у отшельников, искупай лошадей.

Колесничий. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Душьянта (*идет и смотрит вокруг*). Вот ворота обители. Я войду. (*Войдя, чувствует подергивание в руке.*) Рука моя дрожит, примета хорошая, но к чему она здесь?

От всех страстей обитель далека,
Так почему дрожит моя рука?
Или повсюду мы стоим у врат
Судьбы — и нет для нас пути назад?

Голоса за сценой. Входите, входите, подруги!

Душьянта (*прислушиваясь*). Справа от купы деревьев как будто слышатся голоса. Пойду вперед. (*Идет и смотрит кругом.*) Да это девушки-отшельницы, и у каждой — кувшин, и как раз такого размера, чтобы ей легко было его нести. Они идут утолять жажду моло-

дых деревьев. *(Пристально разглядывая.)* Какое чарующее зрелище!

Лишь девушки в спасительной глуши
Так целомудренны, так хороши,
А во дворцах, на женской половине,
Подобной красоты нет и в помине:
Лиан садовых так затмят красу
Лианы, свет узревшие в лесу!

Укроюсь в тени и подожду девушек. *(Стоит и смотрит.)*

Появляется Шакунтала с двумя подругами; они поливают деревья.

Шакунтала. Сюда, сюда, подруги!

Анасуя. Мне кажется, милая Шакунтала, что твоему отцу, святому Канве, деревья дороже, чем ты, — иначе он не приказал бы тебе, которая нежнее лианы, наполнять водой все канавки около деревьев.

Шакунтала. Я это делаю не только по приказу отца. Я люблю деревья, они для меня — родные сестры. *(Поливает деревья.)*

Душьянта. Так это и есть дочь святого подвижника! Поистине, почтенный Канва напрасно возлагает на нее такую тяжкую работу в обители.

Кто принуждает молодость прелестную
Жить в пустыни, носить кору древесную,
Тот лотоса листком рубить готов
Лиану, что прекрасней всех цветов!

Укроюсь под сенью дерева и полюбуюсь на нее, невинную. *(Прячется.)*

Шакунтала. Милая Анасуя, наша Приямвада так затинула на мне одежду из бересты, что она жмет. Прошу, распусти се.

Анасуя. Как хочешь. *(Распускает одежду.)*

Приямвада *(смеясь)*. Почему ты упрекаешь меня, — вини свою цветущую молодость, которая так развила твои груди!

Душьянта. Она права.

Вот одежду из коры древесной
На плече связует узелок,
И наряд суровый, жесткий, тесный
Холмики ее грудей облек.
Всех движений спрятана веселость,
Свежая сокрыта красота,—
Так цветок порой упрятан в полость
Блеклого осеннего листа.

Но если говорить правду, берестяная одежда, хотя и не соответствует ее юной прелести, по-своему украшает ее:

Цветущий лотос нам приятен,
Хоть водорослями обвит.
Хоть на луне и много пятен,
А все же хороша на вид!
И этой девушки сиянье
Еще красивей и сильнее
Не потому ли, что на ней
Берестяное одеянье?

Шакунтала (*смотря вперед*). Ветерок колеблет пальцы-побеги деревца кесары, и они как бы манят меня. Подойду и посмотрю. (*Приближается к дереву.*)

Приямвада. Не двигайся, Шакунтала, постой одно мгновение там, где ты стоишь.

Шакунтала. Почему?

Приямвада. Когда ты приблизилась к дереву, мне почудилось, будто лиана обвила ствол кесары.

Шакунтала. Как ты умеешь лстить, Приямвада. Недаром твое имя означает «Приятноречивая».

Душьянта. Приямвада сказала Шакунтале правду, хотя и приятную!

Нежные руки — побеги лианы,
Алые губы — душистая завязь.
О, этой юности цвет несказанный,
В каждой лиане он вызовет зависть!

Анасуя. Посмотри, Шакунтала, лиана сама выбрала себе жениха: она стала невестой мангового дерева. Ты назвала эту лиану «Лесная Лучезарность». Ты не забыла ее?

Шакунтала. Я забыла бы себя, если бы забыла ее. *(Подходит к лиане и радостно смотрит на нее.)* В какую чудесную пору соединилась эта чета: ярко расцветшая лиана, Лесная Лучезарность, и ствол манго, чьи побеги сулят наслаждение. *(Стоит и любит.)*

Приямвада. Анасуя, ты знаешь, почему Шакунтала так пристально смотрит на Лесную Лучезарность?

Анасуя. Нет, я даже не догадываюсь, скажи мне.

Приямвада. Она думает: «Пусть и я с любимым соединюсь, как соединилась Лесная Лучезарность со стволом манго!»

Шакунтала. Свое желание ты присвоила мне. *(Зачерпывает кувшином воду.)*

Душьянта. О, если бы я узнал, что у дочери святого отшельника мать принадлежит к другой касте! Я надеюсь на это:

Она за воина должна быть отдана,—
Вот почему во мне к ней родилось влечение.
Когда в сомненьях ум, когда стезя трудна,
Лишь голос внутренний дарует нам решение.

Однако мне нужно разузнать всю правду о ней.

Шакунтала *(волнуясь)*. Ой! Ой! Вокруг моего лица вьется шмель! Брызги воды, когда мы поливали дерево, потревожили его, и он покинул лиану. Сейчас он ужалит меня! *(Изображает испуг.)*

Душьянта *(страстно)*.

Зачем ты вьешься, шестиногий?
Свой взгляд, потупленный досель,
Она направила с тревогой
Вслед за тобой, жужжащий шмель!

Несмело изогнула брови,—
Кого прельщать в глуши лесной?
А ей игра глазами внове:
Не страсть, а страх тому виной!

И еще (*с некоторой ревностью*):

Во время своего полета
У возбужденных вьешься глаз,
Ты на ухо ей шепчешь что-то,
Как будто тайна есть у вас.
Отмахивается руками
Красавица: ты слишком груб!
Но вьешься вновь над ней кругами
И пьешь нектар невинных губ.
Познать ее я жажду страстно,—
Увы, недостижима цель:
К чему стараться мне напрасно?
А ты всего добился, шмель!

Шакунтала. Наглец не прекращает своих домогательств. Уйду отсюда! Как, и он за мной? Подруги, спасите меня от этого скверного, бесстыжего шмеля!

Обе подруги (*со смехом*). Кто мы такие, чтобы спасти тебя? Позови на помощь царя Душьянту: долг венценосцев — охранять священные рощи.

Душьянта. Хороший повод объявиться. Однако они... (*не договаривает, в сторону*) признают во мне царя. Ладно, скажу им так...

Шакунтала. Он и здесь меня преследует!

Душьянта (*поспешно выступая вперед*). Кто преследует девушку?

Когда великая держава
Цветет под властью паурава
И строгим судит он судом
Всех, незнакомых со стыдом,—

Какой наглец и оскорбитель
Ворвался в тихую обитель,
Как смеет обижать злодей
Ее прекрасных дочерей?

Девушки при виде царя выказывают некоторое смущение.

Анасуя. Ничего особенно ужасного не произошло, благородный господин. Просто нашу подругу испугал назойливый шмель.

Душьянта. Я надеюсь, благородные госпожи, что ваше благочестие возрастает в святом уединении.

Шакунтала молчит, потупившись в смущении.

Анасуя. Да, возрастает, поскольку к нам прибыл такой высокий гость. Шакунтала, сходи принеси из хижины плодов. А этой водой можно омыть гостю ноги.

Душьянта. Благородные госпожи, вы уже исполнили долг гостеприимства своими учтивыми речами.

Приямвада. Отдохните, благородный господин, на скамье в прохладной тени семилистника.

Душьянта. Вы тоже, думаю, устали от трудов.

Анасуя. Милая Шакунтала, мы обязаны угождать гостям, так расположимся вокруг нашего гостя.

Все садятся.

Шакунтала (*в сторону*). Почему, когда я его увидела, во мне вспыхнуло чувство, чуждое духу нашей святой обители?

Душьянта (*смотря на девушек*). Как приятно видеть вашу дружбу, это обворожительное равенство молодости и красоты.

Приямвада (*в сторону, к Анасуйе*). Кто он? Внешность его привлекательна и значительна. Даже в словах учтивости чувствуется его величие и благородство.

Анасуя. Меня тоже разбирает любопытство. Я спрошу его. (*Громко.*) Господин, вы так вежливы с нами, что я осмеливаюсь у вас спросить: какой царский

род вами украшен? И народ какой страны печалится из-за разлуки с вами? И по какой причине вы, столь изящно воспитанный, столь молодой, предприняли утомительное путешествие к нашей святой обители?

Шакунтала. Сердце, не трепещи: это твои сокровенные мысли произносит вслух Анасуйя!

Душьянта (*в сторону*). Сказать, кто я? Или сохранить свою тайну? Ладно, отвечу так. (*Громко.*) Государь из рода Пуру назначил меня надзирать за исполнением Закона и Долга. Я прибыл в эту лесную обитель, чтобы убедиться в том, что святым отшельникам при исполнении Закона и Долга не чинятся никакие препятствия.

Анасуйя. Теперь, значит, в обители есть кому позаботиться о девушках!

Шакунтала выказывает смущение.

Обе подруги (*глядя на царя и Шакунталу*). Милая Шакунтала, если бы сейчас был здесь твой отец!

Шакунтала. Что же было бы?

Обе подруги. Чтобы оказать уважение благородному гостю, он пожертвовал бы для него самым дорогим своим сокровищем.

Шакунтала. Подите вы! Что вы там болтаете! Слушать вас не хочу!

Душьянта. Я тоже хотел бы спросить вас, благородные госпожи, кое о чем, что касается вашей подруги.

Обе подруги. Спрашивайте, господин, ваш вопрос — милость для нас.

Душьянта. Известно, что святой Канва всеми помыслами предан Закону и Долгу, он пребывает в постоянном целомудрии, как же вы говорите, что ваша подруга — его дочь?

Анасуйя. Послушайте, благородный господин. Есть человек, чье родовое имя — Каушики. Он — царственный мудрец, и могущество его огромно.

Душьянта. Я слышал о нем.

Анасуя. Знайте же, что наша милая подруга произошла от него, но когда она была покинута, святой отец Канва и впрямь стал для нее отцом, он ее вырастил и воспитал.

Душьянта. Слово «покинута» возбудило мое любопытство. Я хотел бы услышать обо всем с самого начала.

Анасуя. Извольте, мой господин. Говорят, что много лет назад, когда царственный мудрец исполнял суровый обет подвижничества на берегу реки Гаутами, боги, увидев мощь его благочестия и возревновав, послали к нему небесную деву Менаку, чтобы она соблазнила его и помешала его благочестивому подвигу.

Душьянта. Да, боги ревнуют, когда видят, как человек достигает совершенства с помощью молитв и подвижнической жизни.

Анасуя. В канун наступления весны суровый отшельник, увидев ее пьянящую красоту... *(Не договарив, стыдливо замолкает.)*

Душьянта. Легко понять, что произошло потом. Значит, ваша подруга — дочь апсары?

Анасуя. Да.

Душьянта. Иначе и быть не могло!

Средь женщин человеческого рода
Где мы такую красоту найдем?
Блеск молнии сверкает с небосвода,—
Не в прахе зарождается земном!

Шакунтала опускает в смущении голову.

(В сторону.) Мне кажется, что мои надежды могут осуществиться: она не из касты жрецов. Но о каком соединении с любимыми говорили в шутку ее подруги? В сердце моем тревога...

Приямвада *(смотря с улыбкой на Шакунталу и обращаясь к царю)*. Кажется, высокому гостю хочется спросить еще кое о чем?

Шакунтала грозит ей пальцем.

Душьянта. Вы угадали, благородная госпожа. Мне очень хочется узнать побольше о жизни в святой обители, и у меня есть еще один вопрос.

Приямвада. Спрашивайте, не колеблясь. Мы, отшельники и отшельницы,— именно те люди, которые должны ответить на все вопросы.

Душьянта. Вот что еще поведайте мне о своей подруге:

Она в обители, мирских не зная бед,
До дня замужества должна ль блюсти обет,
Удерживать себя от радостей любовных,
Иль до скончанья дней для подвигов духовных
Ей надо жить в лесу, среди безлюдных троп,
Где, как ее глаза,— глаза у антилоп?

Приямвада. Она, как и все мы, подчинена суровому обету, но отец решил ее выдать замуж за человека достойного.

Душьянта (*в сторону*). Мечта легко становится явью!

О сердце, пред тобою верный путь.
Теперь свои сомненья позабудь:
То, что огнем ты только что считало,
Теперь, как драгоценность, заблестало.

Шакунтала (*с притворным гневом*). Я ухожу, Анасуйя!

Анасуйя. Но почему?

Шакунтала. Пойду скажу благочестивой матери Гаутами, что Приямвада мелет вздор.

Анасуйя. Подруга, пока мы не исполнили долг гостеприимства, нельзя тебе покидать почтенного гостя и уходить когда вздумается.

Шакунтала, не отвечая, направляется к выходу.

Душьянта (*хочет ее удержать, но останавливается. В сторону*). Как удивительно, что мысль влюбленного всегда есть действие, движение:

Я броситься за девушкой хотел,
Но сразу же собою овладел.
И что же? Не вставал я со скамьи,
Но ощущения таковы мои,
Что я пошел за ней, чтоб удержать,
Вернулся, на скамье сижу опять!

Приямвада (*удерживая Шакунталу*). Тебе нельзя уходить, подруга.

Шакунтала. Почему — нельзя?

Приямвада. Ты должна полить еще два дерева: ты мне это задолжала. Заплатишь долг — можешь идти. (*Силой заставляет ее вернуться.*)

Душьянта. Мне кажется, что поливка деревьев утомила госпожу. Посмотрите:

Плечи поникли, ей трудно в воду кувшин окунуть;
Красными стали ладони; часто волнуется грудь;
Лента упала; и блещет пот на ланитах, и ей
Сдерживать надо рукою черные волны кудрей.

Ее долг выплачу я. (*Снимает с пальца перстень и дает его двум подругам. Они читают вырезанное на печатке имя и смотрят друг на друга.*) Не принимайте меня за другого: я получил этот перстень в подарок от престарелого царя, отца нынешнего государя. Это — знак, что я здесь представляю повелителя страны.

Приямвада. Тогда этому перстню не следует расставаться с пальцем. Достаточно вашего слова, благородный господин, чтобы освободить ее от долга. (*Слегка усмехнувшись.*) Шакунтала, за тебя выплатил долг этот знатный и добрый господин, — или, вернее, сам государь. Теперь можешь уйти.

Шакунтала (*в сторону*). О, если бы я могла от него уйти! (*Громко.*) Разве ты вправе отсылать или удерживать меня?

Душьянта (*глядя на Шакунталу, в сторону*). Чувствует ли она ко мне то же, что я чувствую к ней? Мне кажется, что я могу надеяться:

Хотя со мной не говорит ни слова,
Но, лишь заговорю я сам,
Всем существом она внимать готова
Моим вопросам и речам.
Хотя ко мне лицом не обернется,
Стыдливость милую храня,
Пытливый взгляд ее не оторвется,
Все время смотрит на меня!

Голос за сценой. Отшельники! Отшельники! В вашей защите нуждаются живые существа в священной роще! Говорят, что неподалеку охотится царь Душьянта на своей колеснице!

Пыль от копыт, пыль от копыт,
Густа и горяча,
В закатном зареве дрожит,
Летит, как саранча.
На все плоды, на все дары
Она спешит обрушиться —
И на одежду из коры,
Что на деревьях сушится!

И еще:

Вторгается слон в нашу мирную рощу,
Его устранил государь-властелин,
Он древо сломал, сокрушил своей мощью,
Но в ветке застрял его бивень один.
Как цепи, влачит он с безумным томленьем
Лианы, что тяжкой сорвал он стопой.
О, горе деревьям, о, горе оленям,
О, горе обители нашей святой!

Девушки прислушиваются; они кажутся встревоженными.

Душьянта (*в сторону*). Увы, мои воины в поисках меня нарушили покой священной рощи. Я должен вернуться назад.

Обе подруги. Высокий гость, мы напуганы известием о слоне, ворвавшемся в лес. Позвольте нам удалиться в нашу хижину.

Душьянта (*с волнением*). Ступайте, благородные госпожи. А я позабочусь о том, чтобы никто не тревожил святую обитель.

Все встают.

Обе подруги. Поскольку для нас оказалось невозможным исполнить долг гостеприимства, мы со стыдом просим вас, почтенный гость, еще раз пожаловать к нам.

Душьянта. Благородные госпожи, уже одно то, что я увидел вас, для меня честь и радость.

Шакунтала. Анасуйя, я уколола ногу об острый лист травы, а моя берестяная одежда зацепилась за ветвь дерева. Подожди, пока я высвобожу ее. (*Говоря так, смотрит на царя и, притворно хромя, уходит с подругами.*)

Душьянта. Не очень-то мне хочется ехать в столицу. Я вернусь к своим спутникам, и мы устроим привал неподалеку от священной рощи. Я не в силах перестать думать о Шакунтале. Что же со мной происходит?

Тело двигаться вперед обязано,
Но, к моей возлюбленной спеша,
С телом будто бы ничем не связана,
Двигается назад моя душа:
Так, под сильным ветром, полотно
Знамени назад устремлено.

(*Уходит.*)

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Появляется шут Матхавья; он чем-то расстроен.

Матхавья (*вздыхая*). Ох, злосчастная моя судьба! Дружба с царем измучила меня. Дни и ночи он занят охотой. «Вон олень!», «Вон вепрь!», «Вон тигр!» — под эти возгласы таскаемся мы с ним из леса в лес, да еще в полдневную жару, когда под деревьями тени не сыщешь. Мы пьем зловонную воду из мутных потоков, приправленную прелыми листьями. Мы едим, да еще в неположенное время, только жесткое мясо, зажаренное на вертеле. Мои суставы ноют из-за целодневной скачки на лошадях, — даже ночью-то хорошенько не отдохнешь! А не успеет ночь пройти, как будят меня ни свет ни заря своими дикими воплями соколятники, обложившие лес, чертовы дети рабынь! Думаете, это все? Как бы не так: на старом парыве прыщ вскочил! Вчера, бросив нас, государь погнался за ланью, забрел в святую обитель и — на мое несчастье! — увидел дочь отшельника по имени Шакунтала. Теперь у него и в мыслях нет, чтобы вернуться домой. Сегодня он всю ночь думал только о ней. Наступило утро, а глаза его все еще были раскрыты. Что мне делать? Погляжу-ка на него, когда он пожалует сюда, после того как исполнит утренний обряд. (*Ходит взад и вперед и осматривается.*) Вон он, мой дорогой друг, идет сюда, окруженный девушками-гречанками с луками в руках, с гирляндами из лесных цветов. Ладно, стану здесь, притворюсь, что тело мое свело судорогой, — по крайней мере, хотя бы таким образом, пусть на краткий срок, я достигну состояния покоя. (*Стоит, опираясь на палку.*)

Входит царь со свитой.

Душьянта.

Хотя любимую мне трудно обрести,
Надеюсь я, что к ней ведут мои пути.
Хотя от высшего блаженства я далек,
Ее взволнованность есть радости залог.

(Улыбаясь.) Вот так и обманывает сам себя влюбленный: он судит о чувствах любимой, основываясь на собственных желаниях. И поэтому,

Когда на меня не смотрела она,— так утешно
Я думал, что взор ее полон огня,
Когда из-за тяжести бедер ступала неспешно,
Я думал: прельстить она хочет меня,
Когда на подругу, сказавшую ей, чтоб осталась,
Она рассердилась в чашобе лесной,
Я думал, что все это, все это предназначалось
Лишь мне, что она — всей душою со мной!

М а т х а в ь я. Мой венценосный друг, я не могу двигаться ни рукой, ни ногой, поэтому только мой язык приветствует вас.

Д у ш ь я н т а. Отчего на тебя вдруг столбняк нашел?

М а т х а в ь я. И впрямь: отчего? Довели человека до слез — и спрашиваете, отчего он плачет!

Д у ш ь я н т а. Ничего не понимаю. Говори без обиняков.

М а т х а в ь я. Государь, скажите мне: когда тростник изгибается, становится горбуном, похожим на меня, он это делает по своей воле или его заставляет гнуться течение реки?

Д у ш ь я н т а. Виновно, конечно, течение реки.

М а т х а в ь я. Значит, вы сами признались, что виною моей болезни — вы, государь.

Д у ш ь я н т а. Как так?

М а т х а в ь я. Суставы мои ноют, связки дрожат, двигаться не могу, а отчего? От беготни за дикими зверями! Вам, государь, надо было бы отказаться от престола и бродяжить в лесах, обильных зверьем. Я прошу вас милостиво отпустить меня передохнуть хоть на денек!

Д у ш ь я н т а (в сторону). И он против охотничьих забав! Да я и сам начинаю чувствовать отвращение к охоте!

Я не способен натянуть свой лук:
Ужель моя стрела оленя ранит,
И на меня олень с укором взглянет,
И я ее глаза увижу вдруг?

Матхавья (*наблюдая за царем*). Государь, ваша мысль чем-то поглощена, вы меня не слушаете.

Душьянта. Чем же поглощена моя мысль? Только старинной заповедью: «Не пренебрегай советом друга».

Матхавья. Живите долго, мой государь! (*Говоря так, направляется к выходу.*)

Душьянта. Постой, приятель. Речь моя не кончена.

Матхавья. Приказывайте, государь.

Душьянта. Когда ты отдохнешь, мне понадобится твоя помощь в одном неутомительном деле.

Матхавья. В каком? Отведать вкусенького? С превеликой радостью!

Душьянта. Сейчас узнаешь. Эй, слуги!

Входит привратник Раеватака.

Раеватака. Что прикажете, государь?

Душьянта. Позови нашего полководца.

Раеватака. Слушаю, государь. (*Выходит и возвращается с полководцем.*) Благородный господин, вас хочет видеть царь. Можете к нему приблизиться.

Полководец (*глядя на царя, в сторону*). Хотя охота — занятие греховное, она пошла царю на пользу.

От упражнений со стрелой и луком
Он стал широкогрудым, сильноруким,
Способен он скакать под солнцем жгучим,
Ни зноем, ни усталостью не мучим.
Он худощав, но крепкого сложенья:
Исполнен мускульного напряженья,
Напоминает он слона, который
И сокрушает, и сдвигает горы!

(Приближается.) Да пребудет государь с победой! Мы обложили в лесу добычу. Пора, государь!

Душьянта. Я поостыл к охоте. Матхавья против нее.

Полководец *(в сторону)*. Горбатый шут, па-
стаивай на своем. А я попробую подзадорить царя.
(Громко.) Этот глупец болтает вздор. Государь
сам служит примером благодетельного воздействия
охоты.

Охотник радостен, ему сияет мир!
Со впалым животом,— затем что согнан жир,—
Он быстро действует, он легок на подъем,
Ему понятен зверь, он замечает в нем
Испуг, и мужество, и ненависть, и страсть,
И счастлив он в него, бегущего, попасть.
Тот, кто охотников бранит,— увы, не прав:
Охота веселей всех игрищ и забав!

Матхавья *(сердито)*. Поди прочь, подстрекатель!
Государь возвратился в человеческое состояние, а ты
вот, шатаясь из леса в лес, попадешь в пасть к
какому-нибудь старому медведю, охочему до челове-
чины!

Душьянта. Почтенный вожатый войск, мы нахо-
димся поблизости от святой пύстыни, и я не могу при-
нять твой совет. Сегодня

Пусть буйволы в речке отыщут приют,
Пусть воду взволнуют рогами,
Пусть медленно жвачку олени жуют,
Не зная соседства с врагами,
Пусть вепри в тени поедают траву
Иль дремлют спокойно в болоте,—
Я ныне ослаблю свою тетиву:
Хочу я забыть об охоте!

Полководец. Как прикажет государь.

Д у ш ь я н т а. Верни загонщиков, которые уже успели забраться в лес, и запрети моим воинам нарушать покой священной рощи. Запомни:

Отшельники, преданы строгим обетам,
Владеют сокрытым, таинственным светом,
Они — словно чудный кристалл: ярче солнца
Он вспыхнет, едва его солнце коснется,
Так вспыхнут отшельники пламенем ярым,
Пылая молитвы невидимым жаром!

П о л к о в о д е ц. Я исполню приказ государя.
М а т х а в ь я. Иди, иди, сын рабыни, напрасны были твои подстрекательские речи!

Полководец уходит.

Д у ш ь я н т а (*свите*). Снимите охотничью одежду.
А ты, Раеватака, займись своим делом.

С в и т а. Как прикажет государь. (*Уходит.*)

М а т х а в ь я. Вот вы и избавились от мух. А теперь присядем на камень, над которым лианы образовали чудесный шатер, чтобы и я мог отдохнуть спокойно.

Д у ш ь я н т а. Ступай вперед.

М а т х а в ь я. Следуйте за мной, государь.

Пройдя немного, усаживаются.

Д у ш ь я н т а. Матхавья, ты еще не обрел совершенного зрения, так как твои глаза еще не увидели того, кого следует увидеть.

М а т х а в ь я. Но я вижу вас, государь!

Д у ш ь я н т а. Всякий видит красоту там, где ее находит, я же говорю о Шакунтале, о необыкновенной девушке из святой обители.

М а т х а в ь я (*в сторону*). Подразню его немного. (*Громко.*) Государь, вас влечет к дочери отшельника, но ведь она принадлежит к другой касте.

Д у ш ь я н т а. Приятель, мы, цари-пауравы, никогда не стремимся к запретному.

Она небесной девой рождена,
Но, брошенная матерью, она
Приют нашла в обители укромной
И стала Канве дочерью приемной.
Не так ли и лиана расцвела?
Ее побег, отторгнут от ствола,
Признательно обвинил растение арка
И распустился радостно и ярко!

М а т х а в ъ я (*усмехнувшись*). Пренебрегая жемчужинами дворца, вы стремитесь к лесному цветку. Вы напоминаете мне человека, который, объевшись сладкими финиками, захотел кислого тамаринда.

Д у ш ь я н т а. Ты говоришь так, потому что никогда не видел ее.

М а т х а в ъ я. Я знаю, — то, что очаровало вас, должно изумить всех.

Д у ш ь я н т а. Ах, дружище, к чему пустые слова?

Была ль она картиною сначала,
Потом и душу обрела и плоть,
Иль создал силой разума господь
Изо всего, что красотой блистало,
Ее — из внешних черт, из ничего,
И вся она есть Брахмы торжество?

М а т х а в ъ я. Если так, то пренебрежем прочими красавицами.

Д у ш ь я н т а. Я того же мнения.

Она — цветок, чья прелесть не разбужена,
Никем не сорванный душистый плод.
Она — непросверленная жемчужина
И неотведанный сладчайший мед.
Она — прекраснейшее воздаяние
За каждое хорошее деяние,
Свершенное в рождении ином,
И кто же он — безвестный иль прославленный
И промыслом божественным поставленный
Быть ей защитой на пути земном?

М а т х а в ъ я. Тогда, государь, поспешите ее защитить, а то как бы она не досталась какому-нибудь отшельнику, чья голова намазана маслом!

Д у ш ь я н т а. Девушка сама себе не хозяйка, а ее отца нет в здешних пределах.

М а т х а в ъ я. Испытывает ли она к вам какое-нибудь чувство? Вы что-нибудь прочли в ее глазах?

Д у ш ь я н т а. Девушки из священной обители сдержанны по самой природе своей, и все же кое-что я заметил.

Хотя стоял я перед ней иль рядом,
Она меня не одаряла взглядом.
Хотя я слышал смех ее порою,—
С любовной не был связан он игрою.
Пойми, узрев меня в священном месте,
Она, воспитанная в благочестье,
Пыланье чувства утаить старалась,
Но втайне это чувство разгоралось.

М а т х а в ъ я. Разумеется, она не такая, чтобы, едва вас увидев, взобраться к вам на колени!

Д у ш ь я н т а. И все же, когда мы расставались, она, хотя и робко, дала мне понять, что не совсем ко мне равнодушна.

«Поранила я ногу!» — сказала и неожиданно
Она остановилась, нежна и тонкостанна,
И на меня взглянула, робея до поры.
«За ветки зацепилась одежда из коры!» —
Воскликнула и снова она остановилась,
Но видел я — одежда ее не зацепилась!

М а т х а в ъ я. Э, я начинаю понимать, что надо запастись пищей: вы здесь надолго застрянете! Священную рошу вы превратите в рошу услад.

Д у ш ь я н т а. Дружище, некоторые отшельники знают меня в лицо. Поэтому придумай, под каким предлогом нам снова проникнуть в святую обитель.

М а т х а в ъ я. Вы — царь, какой еще вам нужен предлог, кроме требования: «Отдайте мне шестую часть вашего урожая риса!»

Д у ш ь я н т а. Глупец! Отшельники вносят мне подать иного рода, и ценится она превыше груды жемчугов. Запомни:

Получает царская власть
От простых людей ежегодно
Урожая шестую часть,
Только подать эта — бесплодна.
А отшельники нам дают
Благочестия часть шестую,
Плодоносен их светлый труд,
Их даяния — не впустую!

Г о л о с а з а с ц е н о й. Какое счастье! Мы нашли его наконец!

Д у ш ь я н т а (*прислушиваясь*). Голоса важные, спокойные. Это, должно быть, отшельники.

Р а е в а т а к а (*входя*). Да пребудет царь с победой! У входа ожидают государя два молодых отшельника.

Д у ш ь я н т а. Приведи их немедленно.

Р а е в а т а к а. Сейчас приведу. (*Уходит и возвращается с двумя юношами-отшельниками.*) Следуйте за мной, почтенные.

Юные отшельники-ученики смотрят на царя.

Первый ученик. Внешность его блестящая и вместе с тем внушает доверие. Это и не удивительно, ибо великий царь мало чем отличается от святого подвижника.

Он — властитель, значит, жизни для него пора вторая Расцвела: он дни проводит, удовольствия вкушая.

Но отшельников молитвы стали для него защитой,

И накапливает святость повелитель знаменитый.

Он богам известен, смелый, добрый и гостеприимный,

И на небе песнопевцы в честь него слагают гимны.

Второй ученик. Скажи мне, это и есть тот самый царь Душьянта, друг всемогущего громовержца Индры?

Первый юноша. Да, это он.

Второй ученик. Это необыкновенный царь!

Земле, простершейся до океана,
Он есть необоримая охрана.
Железна мощь двух рук его больших —
Засовов на воротах городских.
И боги, в битву с бесами вступая,
Считают, что у них — броня двойная:
То — Индра со стрелою громовой
И царь с натянутою тетивой!

Оба ученика (*приближаясь*). Да пребудет царь с победой!

Душьянта (*привставая*). Мой привет вам.

Оба ученика. Да почит на вас благословение, государь. (*Подносят ему плоды.*)

Душьянта (*принимая плоды и кланяясь*). Я жду, как милости, ваших распоряжений.

Оба ученика. Отшельники узнали, государь, что вы здесь, и обращаются к вам с просьбой...

Душьянта. Что они мне повелевают?

Оба ученика. В отсутствие нашего наставника, святого отца Канвы, повадились к нам ракшасы. Злобные бесы мешают нам совершать жертвоприношения. Мы просим вас, государь, провести несколько ночей со своим колесничим в святой обители и защитить нас от нечистых.

Душьянта. Вы оказали мне великую честь...

Матхавья (*в сторону*). И сделали нам выгодное предложение!

Душьянта (*привратнику*). Раеватака, скажи колесничему, чтобы он приготовил для меня колесницу, лук и стрелы.

Раеватака. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Оба ученика *(радостно)*.

Великий царь, непобедимый воин,
Ты славных праотцев своих достоин:
Завещано Судьбою пауравам
Защитой быть несчастным, слабым, правым.

Душьянта *(кланяясь)*. Ступайте вперед, я двинусь следом за вами.

Оба ученика. Да сопутствует государю победа!
(Уходят.)

Душьянта. Ну, что, Матхавья, тебе хочется увидеть Шакунталу?

Матхавья. Я очень этого желал, но желание мое сразу же улетучилось, как только я услышал о ракшасах.

Душьянта. Не бойся, ты будешь со мной.

Матхавья. Как же, как же, твоя чистота убережет меня от нечисти!

Раеватака. Колесница готова и ждет государя. Но прибыл из столицы гонец Карабхака, он привез весть от царицы-матери.

Душьянта *(почтительно)*. Он послан матушкой?

Раеватака. Да, государь.

Душьянта. Проси его.

Раеватака. Слушаю, государь. *(Уходит и возвращается с Карабхакой.)* Вот государь, ты можешь к нему приблизиться.

Карабхака. Да пребудет государь с победой! Царица-мать извещает: «На четвертый день, считая от нынешнего, наступает праздник, именуемый «Почитание сына». Поэтому пусть мой сын, да живет он долго, прибудет ко мне».

Душьянта. С одной стороны — просьба отшельников, с другой — наказ матери. Ни тем, ни другим пренебречь нельзя. Где же выход?

Матхавья. Метаться между ними, как царевич Тришанку метался между небом и землей!

Душьянта. У меня голова идет кругом.

Как поступить? Задача нелегка,
В моем уме — два разные решения:
Так разделяется на два течения,
Ударясь о скалу, река.

(Подумав.) Приятель, царица-мать всегда к тебе относилась, как к родному сыну. Прошу тебя, отправься к ней и расскажи, что я здесь обязан исполнить наказ святых отшельников. Тем самым я исполню и свой сыновний долг.

М а т х а в ъ я. Но вы не подумаете, что я убежал, испугавшись ракшасов?

Д у ш ь я н т а *(улыбаясь)*. Как я могу заподозрить в трусости бесстрашного брахмана?

М а т х а в ъ я. Тогда я пушусь в путь, поступлю так, как будто я — младший брат государя.

Д у ш ь я н т а. Я отправлю с тобою мою свиту и воинов, чтобы от них не было беспокойства святой обители.

М а т х а в ъ я. Тогда я и в самом деле буду путешествовать, как молодой царевич!

Д у ш ь я н т а *(в сторону)*. Болтлив этот малый. Как бы он не проговорился на женской половине дворца о моем чувстве. Ладно, скажу ему так. *(Берет шуту за руку, громко.)* Дружище, я отправляюсь в святую обитель только из почтения к благочестивым отшельникам. Надеюсь, тебе не придет в голову, что я и вправду стремлюсь к дочери святого отца? Подумай сам:

Кто я — и кто она, без страсти и желаний,
Взращенная в лесу с детенышами лани?
Что раньше я сказал, — тебе сказал я в шутку,
Ты позабудь слова, противные рассудку!

М а т х а в ъ я. Повинуюсь, государь.

Оба уходят.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПРОЛОГ

Появляется ученик жреца; в его руках священная трава куша.

Ученик. Как велико могущество царя Душьянты: с того дня, как он появился в нашей обители, никто не мешает нам совершать обряды.

Ему и стрёлы выпускать не надо:
Лишь тетиву натянет он, и звук
Раздастся,— точно зверь, завоет лук,—
Как вдруг уничтожается преграда!

Я отнесу жрецам священную траву, чтобы усыпать ею алтарь. *(Идет, оглядывается и кричит в пространство.)* Эй, Приямвада, кому ты несешь эту пахучую мазь, а также стебли и листья лотоса? *(Как бы услышав ответ.)* Что ты говоришь? Шакунтала занемогла из-за жары, и все это — для нее, чтобы облегчить ее страдания? Тогда поторопись: наш учитель, святой Канва, только ею и дышит! И я тоже пришлю ей с матерью Гаутами священной воды, успокаивающей боль. *(Уходит.)*

Конец пролога.

Входит влюбленный царь.

Душьянта *(вздыхая)*.

Я знаю: всевластен обет над смиренной душой.
Я знаю: она подчиняется воле чужой,
Но так же, как литься наверх не способна вода,
Так сердце мое не расстанется с ней никогда!

О бог любви, о господин, вооруженный луком и стрелами из цветов! И ты и Месяц, хотя вы оба призваны внушать доверие, обманываете толпы влюбленных.

У Месяца — холодные лучи,
А ты владеешь стрелами-цветами,
Но ты, о бог, и твой собрат в ночи,
Равно вы издеваетесь над нами.
О Месяц, твой блестящий холод — ложь:
Всех любящих лучами ты сожжешь!
Ты, бог любви, цветов красой живою
Нас губишь, как стрелую громовую.

(Пылая страстью, гневно.) О властелин, опьяняющий
влюбленных, откуда такая острота у твоих стрел-цветов,
такая меткость у твоего цветочного лука? А, понимаю!

Ты до сих пор сердит на Шиву всеблагого:
Тебя испепелил и оживил он снова,
И твой пылает гнев, как яростное пламя,
Под океанскими горящее валами,
И всех влюбленных ты желаешь сжечь дотла,—
Ты, от которого осталась лишь зола!

И все-таки:

Хотя, о бог любви, как недруг ярый,
Ты мне наносишь тяжкие удары,
Я радуюсь, мучитель, каждой ране,—
Во имя девушки с глазами лани!

(Возбужденно шагая.) Жертвоприношение окончится,
жрецы мне разрешат уйти, но куда я пойду, где моя
измученная душа обретет покой? *(Вздыхая.)* Что мне
может помочь, кроме свидания с любимой? Поищу ее.
(Глядя на солнце.) В такой жаркий полуденный час
Шакунтала скорее всего пошла с подругами на берег
реки Малини, увитый лианами. Пойду туда. *(Идет,
изображая, будто его касается дуновение ветерка.)*
Какое чудесное место, какую свежесть приносит ве-
терок!

Влагой напоенная речной,
Лотосом дневным благоухая,
Сладко обнимается со мной
Ветерка прохлада молодая.

(Идет и оглядывается.) Она должна быть где-нибудь поблизости от этой беседки, образованной лианами и окруженной зарослями тростника, потому что *(Смотрит под ноги.)*

Здесь проходила широкая в бедрах к реке,
Вижу цепочку следов я на желтом песке:
Вдавлена пятка и легкий приподнят носок, —
Бедер прекрасную тяжесть почуял песок!

Притаюсь и буду смотреть из-за ветвей. Вот она, желаннейшая из моих мечтаний, прилегла в беседке на усыпанной цветами каменной скамье. Две подружки ухаживают за ней. О чем они беседуют? Подслушаю.

На сцене — в беседке лежит Шакунтала, около нее ее подруги.

Подруги *(ласково обмахивая Шакунталу)*. Милая Шакунтала, лучше ли тебе, когда мы обвеваем тебя лotosовыми листьями?

Шакунтала. А разве, подружки, вы обмахиваете меня?

Душьянта. Видно, она заболела по-настоящему! *(С сомнением.)* В болезни ее повинна жара или то, на что я надеюсь? *(Жадно глядя на Шакунталу.)* А впрочем — долой сомнения:

Лечебной мазью грудь ее умашена,
И на руке дрожит из лотосов запястье,
Но красота ее рождает сладострастье,
Хотя не прибрана, хотя она больна.
Равно мучительно воздействуют на тело
Пылающая страсть, полдневная жара.
О, если бы Судьба ко мне была добра,
О, если б милая любовью заболела!

Приямвада (*в сторону, к Анасуйе*). Мне кажется, что недомогание Шакунталы началось с того дня, когда она впервые увидела царя. Не он ли — истинная причина болезни?

Анасуйа (*в сторону, к Приямваде*). Подруга, я подозреваю то же самое. Я спрошу ее. (*Громко.*) Милая Шакунтала, мне нужно кое о чем у тебя спросить. Ты вся пылаешь, недуг измучил тебя.

Шакунтала (*привставая*). О чем ты хочешь спросить, подруга?

Анасуйа. Шакунтала, милая, обе мы не искушены в любви, но мне кажется, что ты влюблена, — ты ведешь себя, как влюбленные в старинных преданиях. Расскажи нам, что тебя мучит: сперва мы должны узнать, в чем состоит недуг, а потом уже приступить к лечению.

Душьянта. Анасуйа просто подслушала мои мысли!

Шакунтала (*в сторону*). Как я открою им свое чувство, когда чувство мое такое сильное!

Приямвада. Милая Шакунтала, Анасуйа говорит правду. Почему ты не поведаешь нам причину своего горя? Ты день ото дня таешь, и только прелесть твоя, как тень, никогда не покидает тебя.

Душьянта. Приямвада права.

Твердость утратили груди, и, тонкая в стане,
Сделалась тоньше, и щеки ввалились, и краски
Нет на лице, и больная подобна лиане,
Ветром волнуемой и ожидающей ласки!

Шакунтала. Кому я могу открыть свою тайну? А вас, подруги, я только утомлю своим рассказом.

Обе подруги. Горе становится легче, когда делишь его с другом. Вот почему мы так настойчивы.

Душьянта.

Не может девушка сердечный свой недуг
Таить от преданных и любящих подруг.
Хоть на себе не раз ее ловил я взгляд,
Боюсь, что горечь мне ее слова сулят!

Ш а к у н т а л а. Подруги мои, с тех самых пор, как я увидела благочестивого царя, охраняющего нашу обитель... *(Не договаривает в сильном смущении.)*

Обе подруги. Говори, говори же, милая Шакунтала!

Ш а к у н т а л а. ...Я страдаю, потому что велико мое влечение к нему.

Д у ш ь я н т а *(радостно)*. Я услышал то, что хотел услышать!

От бога любви — мой тяжелый недуг,
Но этим же богом спасен я от мук.
Так лето рождает жару, но потом
Людей одаряет желанным дождем.

Ш а к у н т а л а. Если вы мне сочувствуете, милые подруги, то сделайте так, чтобы царь сжалился надо мной. А если нет, — я умру, и тогда окропите мой прах водой, настоящей на кунжутном семени!

Д у ш ь я н т а. Сомнения мои кончились!

П р и я м в а д а *(в сторону, к Анасуйе)*. Анасуйа, она любит с такой силой, что не может более ждать. А он — прекраснейший из потомков Пуру. Мы должны помочь ее любви.

А н а с у й а *(в сторону, к Приямваде)*. Каждое твое слово — правда.

П р и я м в а д а *(громко)*. Подруга, к счастью, ты полюбила человека достойного. Да и куда же течет великая река, если не к океану? И какое дерево, кроме манго, жаждет, чтобы лиана обвила его?..

Д у ш ь я н т а. ...И что удивительного, если звездочка следует за Месяцем?

А н а с у й а. Как же нам быстро и тайно от всех помочь милой подруге?

П р и я м в а д а. Быстро — сделать легко, а вот как сделать тайно, — надо подумать.

А н а с у й а. А что ты предлагаешь?

П р и я м в а д а. Царь любит ее, это очевидно, — хотя бы по тому, как нежно он смотрит на нее, как он исхудал, не зная сна.

Д у ш ь я н т а. Она права.

Взад-вперед по руке моей тонкой, худой
То и дело скользит мой браслет золотой,
Те отметки на пальцах моих задевая,
Что по ним провела тетива боевая.
Потускнел он от слез, что текут из очей
На него среди долгих бессонных ночей.

П р и я м в а д а (*подумав*). Шакунтала должна написать царю любовное письмо. А я спрячу письмо среди цветов, оставшихся после жертвоприношения, и доставлю царю в собственные руки.

А н а с у й а. Мне нравится то, что ты задумала, но что скажет Шакунтала?

Ш а к у н т а л а. Разве советы друзей подлежат обсуждению?

П р и я м в а д а. Так сочини какие-нибудь красивые стихи с намеком на себя.

Ш а к у н т а л а. Попробую, милые подруги, но я боюсь: а вдруг царь станет меня презирать?

Д у ш ь я н т а (*радостно*).

Он здесь, кто сердце, душу, разум
Поверг перед тобой, любя,
А ты боишься, что отказом
Он встретит, робкую, тебя!
Одних влюбленных ждут напасти,
Другим мерещится успех,
Но кто самой богине счастья
Понравился, — счастливей всех!

О б е п о д р у г и. Ты слишком скромного мнения о себе. Найдется ли такой, кто краем одежды станет заслоняться от живительного сияния осенней луны?

Шакунтала (*улыбаясь*). Спасибо вам за совет.
(*Задумывается.*)

Душьянта. Я смотрю на любимую, затаив дыхание. Вот она подбирает слова для стихов.

С приподнятой лианой-бровью,
С густым румянцем на щеках,
Она полна ко мне любовью,
Готовой запылать в стихах!

Шакунтала. Милые подруги, я сочинила песню, но чем ее написать? И на чем?

Приямвада. Выведи свои строки ногтями на листке лотоса; нежном, как брюшко попугая.

Шакунтала (*поступая по совету подруги*). А теперь послушайте и скажите, складно ли получилось.

Обе подруги. Читай, мы тебя слушаем.

Шакунтала (*читает*).

Неведомы мне помыслы твои,
Но знаю: днем и ночью бог любви
Сжигает в медленном огне меня,
И только ты — спасенье от огня!

Душьянта (*внезапно появляясь*).

Ты исстрадалась, пламенем палимая,
А я давно стал пеплом, о любимая!
Свет дня ночные лотосы тревожит,
А Месяц днем и вовсе жить не может!

Обе подруги. Благословенно желание, которое исполняется немедленно!

Шакунтала пытается встать.

Душьянта. Не вставай, не надо: .

Жаром сердечным охваченное, ослабело
Плотно прижатое к ложу цветочному тело,
Вянут запястья твои из пахучих стеблей, —
Не поднимайся, прошу я, себя пожалей!

Анасу́йа. Не соблаговолит ли наш друг присесть на скамью?

Царь садится; Шакунтала смущена.

Приямва́да. Я вижу, что вас влечет друг к другу, но любовь к Шакунтале вынуждает меня кое-что сказать.

Душья́нта. Говори, милая; то, что надо высказать, но остается невысказанным,— мучает душу.

Приямва́да. Высший долг государя — оберегать своих подданных от всяких бед, не так ли?

Душья́нта. Именно так.

Приямва́да. Наша любимая подруга попала в беду из-за любви к вам, государь, спасите ее, вызволите из беды!

Душья́нта. Я тоже ее люблю. Быть ее защитником — великая честь для меня.

Шакунта́ла. Милая Приямва́да, зачем ты удерживаешь царя в нашей святой пустыни, когда он так стремится к обитательницам женской половины своего дворца?

Душья́нта.

Ты живешь в моем сердце, и только к тебе
Я привязан всем сердцем, покорный судьбе.
Бог любви меня ранил стрелою цветочной,
Почему же, пьяня красотой беспорочной,
Ты израненного заставляешь страдать
И стрелу ты в меня направляешь опять?

Анасу́йа. Но, государь, говорят, что у царей — множество жен и наложниц. Не причиняйте же горя ни подруге нашей, ни ее близким.

Душья́нта. Милая, вот мое слово:

Пусть множество жен при царе-властелине,—
Лишь две мне опоры потребны отныне:
Земля, опоясанная океаном,
Да ваша подруга с пленительным станом!

Обе подруги. Тогда мы спокойны!

Прямвада (*в сторону, к Анасуйе*). Посмотри, Анасуйа, детеныш лани ищет мать, и в его робких глазах — испуг и тоска. Пойдем, поможем ему найти лань.

Обе хотят уйти.

Шакунтала. Подруги, я беззащитна. Пусть хотя бы одна из вас останется со мной.

Обе подруги. С тобой — тот, кто есть, Защита Державы. (*Уходят.*)

Шакунтала. Как, они все-таки ушли?

Душьянта. Не тревожься, любимая. Разве я не с тобою?

Хочешь, — всю твою усталость, о царица тонкостанных, Лotosовым опахалом белоцветным я сниму?

Хочешь, — маленькие ножки цвета лотосов багряных Буду гладить восхищенно, я к себе тебя прижму?

Шакунтала. Я не хочу быть виноватой перед теми, кто приютил меня, кого я должна почитать. (*Хочет встать, чтобы уйти.*)

Душьянта. Еще не спала дневная жара, и жар еще не покинул твое тело.

Не вставай с благовонной постели,
Где цветы у тебя на груди.
Руки, ноги твои ослабели,
Не иди по жаре, не иди!

(*Удерживает ее силой.*)

Шакунтала. Ведите себя пристойно, потомок Пуру. Хотя я сгораю от любви, я не подчинюсь вам.

Душьянта. О робкая, не надо бояться отшельников. Даже святой отец Канва, сведущий в законах, увидев нас, не счел бы это грехом. Ты должна знать:

Есть брак старинный — вольное супружество: не надо
Согласия родителей, венчального обряда.

Так поступают дочери подвижников святых,
И, радуясь, родители благословляют их.

Шакунтала. Отпустите меня. Я спрошу еще раз
совета у подруг.

Душьянта. Пусть будет так, я тебя отпущу.

Шакунтала. Но когда?

Душьянта.

О, я тебя не отпущу, пока
Не соберу я с губ твоих нектар,
Как с девственного юного цветка
Пчела свой сладкий собирает дар.

(Пытается ее приласкать.)

Шакунтала отстраняется.

Голоса за сценой. Птицы-казарки, нежные
супруги, пора вам расстаться, наступает вечер!

Шакунтала *(тревожно)*. О паурав, я слышу, к
нам приближается мать Гаутами. Она идет проведать
меня. Спрячьтесь за ветвями.

Душьянта. Хорошо. *(Прячется.)*

Входит Гаутами с чашей в руке.

Гаутами. Доченька, полегчало ли тебе хоть не-
много?

Шакунтала. Мне лучше, матушка.

Гаутами. Эта вода, настоящая на священной
траве, должна тебе помочь. *(Окропляет Шакунталу
водой из чаши.)* Дитя мое, день клонится к вечеру,
вставай, пойдем в хижину.

Шакунтала *(в сторону)*. Сердце мое, ты робело,
ты колебалось, когда счастье пришло к тебе. А теперь
ты скорбишь о разлуке... Прощай, беседка, ты облегчила
мою боль. До свидания, увитая лианами, до того желан-
ного дня, когда я снова вкушу улады под твоей сенью.

Шакунтала и Гаутами уходят.

Душьянта (*появляясь снова, вздыхая*). Сколько
преград на пути к счастью!

О, целомудрие и чистота,
О, пальцами прикрытые уста,
Тревога и смущенье длинноглазой,
О, робкие слова ее отказа,
Ее лицо, склоненное к плечу,
Но чуть приподнятое! Как хочу
Хотя бы раз под этими ветвями
Его коснуться жаркими губами!

Куда теперь пойду? Останусь в этой беседке, увитой
лианами, где все дышит воспоминанием о любимой,
не вкусившей улады.

Вот здесь она лежала на каменной постели,
Усыпанной цветами, что тихо шелестели.
Вот здесь она писала, почувствовав пыланье,
На лотосе — ногтями — любовное посланье.
Вот здесь, вот здесь упало цветочное запястье,—
И я уйти не в силах, я у нее во власти,
Она во всем, что вижу, в любом листке и ветке,
Она со мной и в этой покинутой беседке!

Г о л о с з а с ц е н о й. О царь!

Пора наступила вечерних молений,
Вечерняя медленно гаснет заря,
И движутся мерзостных ракшасов тени
Вокруг полыхающего алтаря:
То к жертвам спешат пожиратели мяса,
Как бурые тучи, грозя и дымяся!

Душьянта. Иду! Иду! (*Уходит.*)

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПРОЛОГ

Появляются две подруги; они изображают, что собирают цветы.

Анасуя. Хотя я радуюсь, Приямвада, что Шакунтала вступила в вольное супружество с царем и вполне счастлива, у меня все же есть причины для беспокойства.

Приямвада. Какие?

Анасуя. Сегодня после окончания жертвоприношения отшельники разрешили мудрому царю покинуть святую обитель. Но когда он вернется во дворец к своим женам и наложницам, вспомнит ли царь о бедной девушке из лесной глуши?

Приямвада. Не беспокойся. Он не забудет ее. Столь красивая внешность, как у него, не может не сочетаться с внутренним благородством. А вот что скажет ее отец, когда возвратится из паломничества, — это еще неизвестно!

Анасуя. Мне кажется, что святой Канва одобрит этот брак.

Приямвада. Почему ты так думаешь?

Анасуя. Самое главное желание отца — выдать дочь за человека достойного. А если сама Судьба так хорошо распорядилась, значит, отец достиг цели без всяких усилий.

Приямвада (*смотрит на цветы в кошелке*). Мы собрали достаточно цветов, чтобы почтить небожителей.

Анасуя. Но мы еще должны оказать почести богине — покровительнице нашей дорогой Шакунталы. Соберем цветов побольше.

Приямвада. Хорошо.

Изображают, что собирают цветы.

Голос за сценой. Госпожа, это я!

Анасуя. Кажется, к нам пришел гость. Надо его встретить.

Приямва да. Но ведь возле хижины Шакунтала.
(*В сторону.*) Но не возле супруга.

Анасуя а. Ну хватит, цветов у нас предостаточно.

Голос за сценой. А, ты пренебрегаешь мною,
который так богат благочестием!

За то, что ты думаешь только о нем,
Не в силах о чем-нибудь думать ином,
За то, что ко мне ты не вышла навстречу
С поклоном, с почтеньем, с приветливой речью,—
Тебя да забудет отныне супруг,
А если напомним ему,— пусть вокруг
Посмотрит, как пьяный, чей разум — в тумане,
Чье сердце не помнит своих обещаний!

Приямва да. О, горе, горе! Шакунтала, всем существом погруженная в мысли о возлюбленном, оскорбила своим невниманием кого-то, кто достоин уважения. (*Вглядываясь.*) И не просто кого-то, а великого мудреца-подвижника Дурвасу, легко воспламеняющегося гневом. Он произнес проклятье и теперь, как бы пара над землей, удаляется от нас. Как вернуть его? Кто, кроме огня, способен сжигать? Кто его умилостивит?

Анасуя а. Беги, упали к его ногам, вороти его, а я приготовлю священной воды, чтобы оказать ему почести.

Приямва да. Бегу! (*Уходит.*)

Анасуя а (*спотыкаясь*). Ой, я споткнулась,— дурная примета! И кошелка с цветами выпала из моих рук! (*Изображает, что собирает цветы.*)

Возвращается Приямва да.

Приямва да. Разве на него, жестокого в гневе, подействуют чьи-нибудь уговоры? Все же мне удалось хотя бы немного смягчить его ярость.

Анасуя а (*усмехаясь*). И этого уж немало для него. Рассказывай.

Приямва да. Когда он не захотел вернуться, я стала упрашивать его: «Святой подвижник, тебе ведь

хорошо известно, что эта девушка впервые не признала великую власть твоего благочестия. Прости ей первую и единственную ее вину!»

Анасуя. И тогда?

Приямвада. И тогда он сказал: «Слово мое должно исполниться непременно, но проклятью наступит конец, как только возлюбленный увидит свой перстень». Сказав это, он исчез.

Анасуя. Если так, то мы можем вздохнуть спокойно: мудрый царь при расставании надел Шакунтале на палец перстень со своим именем на печатке. Таким образом, Шакунтала властна над своей судьбой. *

Приямвада. Пойдем, подруга, почтим богов.

Идут.

(*Оглядываясь.*) Посмотри-ка, Анасуя, вот наша любимая подруга стоит, подперев щеку левой рукой, застыла, как будто нарисованная. Она не то что гостя — она и себя не замечает!

Анасуя. Приямвада, пусть то, что случилось, останется между нами. Шакунтала такая нежная, нам надо беречь ее.

Приямвада. Да и кто вздумает поливать кипятком хрупкую лиану?

Обе уходят.

Конец пролога.

Появляется ученик Канвы. Он только что проснулся.

Ученик. Святой отец Канва вернулся из паломничества и велел мне узнать, который час. Выйду на открытый простор и погляжу, сколько еще осталось ночи. (*Идет и смотрит.*) А, уже светает.

Владычица лекарственных растений,—
Зашла за гору Запада луна,
И вспыхнула другая сторона:

То солнце гонит прочь ночные тени.
В движенье двух светил, в их вечной смене,
Превратность нашей жизни нам видна.

И еще:

Луна зашла, и утро снова
Небесный озаряет свод,
И прелесть лотоса ночного
Лишь в памяти моей живет.
Когда лишь в памяти любимый
Живет,— для женщины беда:
Ее страдания тогда
Воистину невыносимы!

Анасуя (*стремительно входя*). Хотя я и отвратилась от мирской суеты, мне стало известно, что царь поступил с Шакунталой неблагородно.

Ученик (*в сторону*). Пойду скажу наставнику, что пришла пора утреннего жертвоприношения. (*Уходит.*)

Анасуя. Разгорается день, а все дела у меня валяются из рук, и ноги не слушаются меня. Теперь пусть бог любви полюбуется на самого себя! Это он виноват в том, что моя подруга, чистая сердцем, простодушная, доверилась обманщику. А может быть, все дело портит проклятие Дурвасы? Иначе как же могло случиться, что благородный царь, обещавший любить Шакунталу вечно, за все это время даже весточки не прислал? Отошлем ему перстень, который он оставил Шакунтале на память,— может быть, царь вспомнит о лесной девушке. Но кто из отшельников, столь чуждых мирским заботам, пригоден для такого поручения? А с подругой-то случился грех, и я, хоть и решилась, да не осмеливаюсь сказать святому отцу Канве, что Шакунтала вышла замуж и ожидает ребенка. Что же мне делать, что предпринять?

Приямада (*входя, радостно*). Пойдем, подруга, вознесем молитвы за Шакунталу: она отправляется в путь.

Анасу́йа. Как же это?

Приямва́да. Слушай. Только вошла я к Шакунтале, чтобы спросить, хорошо ли она спала, как, гляжу — сам отец Канва обнимает ее, склонившую чело, и говорит ей слова благословения: «Волею Судьбы жертвенное приношение попало прямо в священное пламя, хотя дым и мешал видеть это. Дитя мое, ты не должна горевать, — как не горюет учитель о том знании, которое он преподавал ученику. Сегодня, под защитой отшельников, я отправляю тебя к мужу».

Анасу́йа. Подруга, кто же рассказал обо всем святому отцу?

Приямва́да. Едва он вступил в храм, где горел священный огонь, как некто, лишенный телесной оболочки, произнес такие стихи...

Анасу́йа. Говори же!

Приямва́да. Вот что сказал незримый:

«Как властитель огня, запылавший от семени Шивы, Слилс я с деревом ша́ми, — так с дочерью слился твоей Царь Душьянта, — да сына родит, чтобы он,

справедливый,
Потрудился для блага и счастья Земли и людей!»

Анасу́йа (*обнимая Приямваду*). Как я рада, милая! Но к радости моей примешивается печаль, когда я вспомню, что уже сегодня мы расстаемся с Шакунталой.

Приямва́да. Была бы счастлива наша страдалица, а мы-то справимся с любой печалью.

Анасу́йа. Ты права... Видишь, на ветке мангового дерева корзиночка из скорлупы кокосового ореха? Я поместила туда цветок кесары, — там не скоро он утратит свою свежесть. Еще я приготовлю для Шакунталы приносящие счастье амулеты из оленьей желчи, из горстки земли со священных мест и из побегов дурвы.

Приямва́да. Пойди приготовь эти подарки.

Анасу́йа уходит; Приямвада изображает, что снимает с ветки корзиночку с цветком.

Голос за сценой. Гаутами, попроси почтенного Шарнгараву и остальных собраться здесь, чтобы сопровождать Шакунталу.

Приямвада (*прислушиваясь*). Поторопись, Анасуйя, уже созывают отшельников, чтобы они отправились в Хастинапуру.

Входит Анасуйя; в руках у нее амулеты.

Анасуйя. Поспешим, подруга.

Приямвада (*глядя вперед*). Я вижу Шакунталу. С восходом солнца она искупалась и умастила голову, она окружена отшельницами, они поздравляют и благословляют ее, а в руках у них — стебли священных злаков. Пойдем к ней.

Идут. Появляется Шакунтала, окруженная отшельницами.

Первая отшельница. Доченька, да обретешь ты звание великой государыни: этим супруг твой докажет, что он высоко тебя чтит.

Вторая отшельница. Дитя мое, да станешь ты матерью богатыря!

Третья отшельница. Да почитает тебя твой супруг!

Все отшельницы, за исключением Гаутами, расходятся.

Обе подруги (*приближаясь*). Милая, погрузись в море блаженства!

Шакунтала. Доброе утро, подруги. Присядем.

Обе подруги (*сидясь и держа в руках амулеты*). Мы хотим надеть на тебя амулеты, приносящие счастье.

Шакунтала. О, как мне это дорого! Вряд ли теперь любимые подруги будут меня украшать! (*Плачет.*)

Обе подруги. Не плачь, дорогая, в такие счастливые мгновения не плачут. (*Утирают ей слезы и украшают ее.*)

Приямвада. Амулеты, эти бедные украшения отшельницы, только мешают сиять твоей красоте, достойной самых дорогих украшений.

Два ученика (*появляются с подарками в руках*).
Пусть госпожа наденет на себя эти украшения.

Все поражены.

Га у та ми. Сын мой, откуда это?

Первый ученик. Они созданы великой силой
отца Канвы.

Га у та ми. Созданы его мыслью?

Второй ученик. Не совсем. Слушайте. Святой
отец послал нас нарвать цветов с деревьев для Шакун-
талы, и вдруг —

На дереве одном возникло одеянье,
Чье лунно-белое узрели мы сиянье,
И краска — на другом, которой искони
Привыкли женщины окрашивать ступни,
Из третьих, посреди зеленого навеса,
Вдруг руки выросли богинь — владычиц леса,
А на протянутых ладонях — чудный дар:
То драгоценности, горящие, как жар!

При я м в а д а (*Шакунтале*). Это тебе милость, доб-
рый знак, что ты будешь царственно счастлива в доме
супруга.

Шакунтала выказывает смущение.

Первый ученик. Пойдем расскажем отцу Кан-
ве, уже совершившему омовение, о чуде, сотворенном
деревьями.

Второй ученик. Пойдем.

Уходят.

Обе подруги. Милая, мы, девушки, выросшие в
лесной глуши, никогда не видели подобных украшений,
но мы видели картины, на которых изображены знат-
ные господа, и поэтому, быть может, мы сумеем тебя
украсить как следует.

Ша к у н т а л а. Я знаю, какие вы искусницы.

Подруги украшают Шакунталу; входит, окончив омовение,
К а н в а.

К а н в а

«Прощается со мной сегодня дочь!» —
От этой мысли мне дышать невмочь,
Я плачу, в горле слезы будто ком.
Уж если я исполнился страданий,
С мирскою суетою незнаком,
То что же чувствовать должны миряне,
Как только приближается пора
И дочери уходят со двора?

(Ходит взад и вперед.)

Обе подруги. Вот мы и украсили тебя, Шакун-
тала. Теперь надень лунно-белое шелковое одеяние.

Шакунтала встает и надевает его.

Га у т а м и. Доченька, пришел твой отец. Он как
бы обнимает тебя заплаканными глазами, но слезы —
радостные. Почти его приветствием.

Ш а к у н т а л а. Приветствую вас, отец.

К а н в а. Дитя мое!

Ты в вольное супружество вступила
С царем, владыкою земли и рати,—
Так некогда Шармиштха вышла замуж
За деда мужа твоего — Яяти.
И так же, как родился от Шармиштхи
Могучий Пуру,— да родишь ты сына,
Вожатого победоносных воинств
И всей земли царя и властелина!

Га у т а м и. Святой отец, это не просто благослове-
ние, это прорицание!

К а н в а. Дитя мое, теперь обойди слева направо
священный огонь, в котором горит топленое масло.

Все обходят огонь.

Дитя мое, на костерки вокруг алтаря взгляни
И дárбхи, благостной травы, дыхание вдохни.
От скверны очищают мир, всесильные, они,—
О, пусть очистят и тебя священные огни!

А теперь — в дорогу! (*Оглядывается кругом.*) Где же Шарнгава и его спутники?

Шарнгава (*появляясь*). Святой отец, мы здесь.

Канва. Веди свою сестру.

Шарнгава. Идем, госпожа моя.

Канва. О деревья священной рощи!

Та, кто испить воды не может и глотка,
Покуда вас водой не напоит проточной,
Кто с ветки не сорвет и малого цветка,
Хотя ей хочется надеть венок цветочный,
Кто нежно любит вас, деревья, как сестра,
Та, кому праздником всегда была пора
Цветенья вашего,— уходит в дом к супругу.
Так проводите в путь Шакунталу-подругу,
Благословите вы сестру свою сейчас:
Надолго, может быть, она покинет вас!

(*Слышит голос кукушки.*)

Деревья — Шакунталы сестры, подружки —
Прощальный слышали голос кукушки,
И той, кого ждут уже в царском чертоге,
Желают деревья счастливой дороги.

Голоса незримых существ.

Пусть в пруду сверкает лотос нежной белизной,
Пусть тенистые деревья умягчают зной,
Пусть ее дорога будет легче всех дорог,
Пусть на той дороге веет чистый ветерок,
Пусть и пыль напоминает лотосов пыльцу,
Пусть ведет ее дорога к светлому концу!

Все слушают с изумлением.

Гау та ми. Доченька, богини священной рощи, столь тобою любимые, желают тебе доброго пути. Поклонись незримым и любящим.

Ша кун та ла (*обходя деревья, кланяется; тихо, в сторону, к Приямваде*). Приямвада, милая, не понимаю, что со мной. Я тоскую по государю, и все же ноги мои не хотят идти, когда я покидаю святую обитель.

При я м ва да. Не только ты, подруга, страшишься разлуки со священной рощей: посмотри — и роща грустит, увидев, что пришла пора с тобою расстаться.

Выпадает трава изо рта у оленей,
Перестали павлины плясать в отдаленье,
И, разлуки изведав душевные раны,
Слезы — бледные листья — роняют лианы.

Ша кун та ла (*вспомнив*). Отец, я пойду попрощаюсь с лианой Лесная Лучезарность, с моей названной сестрой.

Ка н ва. Я знаю, как нежно ты любишь свою лесную сестру. Вот она — справа от тебя.

Ша кун та ла (*приближаясь к лиане*). Сестра моя, Лесная Лучезарность! Хотя ты слилась с манговым деревом, — обними и меня, протяни ко мне руки-ветки. Теперь я буду жить далеко от тебя.

Ка н ва.

Ты избрала супруга славного,
Какого я тебе желал, —
Сердечного и добронравного,
Как ты, достойного похвал.
Вступила в брак, — да счастье множится!
Лиана, манго полюбя,
Теперь не буду я тревожиться
Ни за нее, ни за тебя!

Ступай к мужу, дитя мое.

Ша кун та ла (*подругам*). Милые мои, я поручаю сестрицу-лиану вашим заботам.

Обе подруги. А чьим заботам ты поручаешь нас? *(Плачут.)*

Канва. Девушки, вам бы утешить Шакунталу, а вы сами плачете.

Все идут.

Шакунтала. Недалеко от хижины медленно бродит лань. Она должна стать матерью. Когда она родит, непременно пришлите мне кого-нибудь со счастливой вестью.

Канва. Я не забуду об этом, дитя мое.

Шакунтала *(спотыкаясь)*. Кто это держит меня за платье, не пускает меня? *(Оборачивается, чтобы посмотреть.)*

Канва. Дитя мое!

Это олененок, сын приемный твой.
Он обрезал губы острою травой,
Ты его лечила снадобьями, соком,—
Вот и чует горе в сердце одиноком.

Шакунтала. Маленький, зачем ты бежишь за мной? Я покидаю лес, где мы жили вместе. Вскоре после того, как ты родился, умерла твоя мать, и я вырастила тебя. Теперь, когда я тебя оставляю, мой отец позаботится о тебе. Ступай назад, мой олененок! *(Плачет.)*

Канва.

Ты, чьи глаза исполнены истомы,—
Не плачь, иначе к цели не дойдешь:
Здесь на дороге — спуски и подъемы,
И ты, от слез ослепнув, упадешь.

Шарнгарав. Святой отец! Шастры предписывают: провожать близкого человека надо только до первой воды. Вот берег пруда. Мы просим вас,— дайте нам свои указания и воротитесь в пустынь.

Канва. Тогда отдохнем в тени смоковницы.

Пройдя немного, все останавливаются.

(В сторону.) Что же я поручу сказать Душьянте, достойному государю? (Размышляет.)

Ш а к у н т а л а (Анасуе)! Посмотри, подруга: казарка не заметила, что ее возлюбленный укрылся под листьями лотоса, и она жалобно кричит: «Горе мне, горе мне!»

А н а с у й а. Не говори так, дорогая.

Когда разлучена с любимым птица,
Ночь для нее томительнее длится,
Но, как за ночью следует рассвет,
Придет свиданье за разлукой вслед.

К а н в а. Когда ты, Шарнгарава, представишь мою Шакунталу царю, ты скажешь ему от моего имени...

Ш а р н г а р а в а. Приказывайте, святой отец!

К а н в а.

...Запомни, царь,— помимо дел благих,
У нас, незлобных, нет богатств других.
Ты полюбил ее в нежданный час,
Не родичи соединили вас,—
Тебя, поставленного над страной,
И девушку из пúстыни лесной.
Теперь союз меж вами заключен,
Ты почитай ее, как прочих жен,
А милость ей окажешь сверх того,—
Ну что ж, Судьбы веленье таково!

Ш а р н г а р а в а. Я передам царю эти слова.

К а н в а. Теперь, дитя мое, я хочу тебя наставить: хотя я живу в лесу, я знаю мирскую жизнь.

Ш а р н г а р а в а. Мудрому внятно все.

К а н в а.

Старших, дитя мое, слушайся в доме супруга.
Жен государя приветствуй всегда, как подруга.
Если окажется муж виноват пред тобой,—
Ты не сердись, ты не следуй неправой тропой.

Будь справедлива со слугами: хоть и царица,—
Помни: над малыми ты не должна заноситься.
Если же ты наставленья забудешь мои,—
Бременем станешь, хозяйка, для царской семьи.

А что скажет на это мать Гаутами?

Гаутами. Ты дал мудрый совет новобрачной.
(К Шакунтале.) Запомни его, доченька.

Канва. Обними, дитя мое, меня и подруг.

Шакунтала. А разве и подруги мои должны вернуться домой?

Канва. Придет время, и они выйдут замуж. Не пристало им идти ко двору царя. С тобой отправится мать Гаутами.

Шакунтала (обнимая отца). Как я теперь проживу на чужой земле без отцовской ласки? Оторвали меня от отцовского сердца, как сандаловое деревце от горы Малайя!

Канва. К чему твоя печаль, дитя мое?

Ты станешь в царском доме госпожою,
Женою станешь мудрого царя,
Деля его заботы всей душою,
Ему любовь и преданность дая.
Как на востоке юная заря
Рождает свет,— родишь ты сына вскоре,
Чтоб обрела защитника страна,
И вот тогда,— царица, мать, жена,—
Поведай мне, почувствуешь ли горе
От мысли, что с отцом разлучена?

Шакунтала падает к ногам отца.

Да сбудется все, чего я тебе желаю!

Шакунтала (подойдя к подругам). Милые мои подруги, обнимите меня.

Обе подруги. Дорогая, если государь не сразу припомнит тебя, то покажи ему перстень, на печатке которого вырезано его имя.

Шакунтала. От ваших опасений мое сердце забилось в тревоге.

Обе подруги. Нет, нет, не тревожься: только слишком сильная любовь к тебе заставляет нас быть подозрительными.

Шарпгарава. Солнце уже сместилось на небе, поторопитесь, госпожа моя.

Шакунтала (*повернувшись лицом к пустыни*). Отец, увижу ли я когда-нибудь снова нашу священную рошу?

Канва. Знай, дитя мое:

Ты и Земля,— вы много лет вдвоем,
Как жены, с вашим будете царем.
Но ты свою обитель переменишь,
Как только сына своего ты женишь:
Твой муж оставит бранные труды,
Он сыну власти передаст бразды,
И, удалившись от всего мирского,
Ты с мужем в нашу пустынь вступишь снова.

Гаутами. Нам пора, доченька. Скажи отцу, чтобы он вернулся в священную рошу. Впрочем, ты никогда ему этих слов не скажешь, будешь взывать к нему снова и снова. Лучше скажу я: вернись домой, святой отец!

Канва. Дитя мое, да не будет помехи благочестивым занятиям.

Шакунтала (*снова обнимая отца*). Отец, не тошуй обо мне. Ты и так изнурен подвижничеством.

Канва (*вздыхая*).

Ты говоришь: с разлукой примиришься...
Но только я взгляну на дикий рис,
На зерна для зверушек и для пташек,
Тобой рассыпанные там и тут,—
Они теперь, наверно, прорастут,—
Как станет мой удел угрюм и тяжек.

Иди. Да сопутствует тебе бог-создатель.

Шакунтала и ее спутники уходят.

Подруги (*глядя вслед Шакунтале*). Увы, она уже скрылась за деревьями.

Канва. Анасуя и Приямвада! Ушла ваша сотоварка по жизни в святой обители. Сдержите свое горе и ступайте за мной.

Обе подруги. Отец, как мы войдем теперь в священную рощу? Без Шакунталы она кажется нам пустой.

Канва. Потому что вы смотрите на рощу глазами, полными любви к Шакунтале. (*Идет, погруженный в размышления.*) А я, отправив Шакунталу к мужу, снова обрел душевную ясность.

Правильно сказано: «Дочь — достоянье другого».
К мужу отправил я ту, что растил и берег,
И преисполнилось сердце покоя благого:
Отдал я то, что мне дали когда-то в залог.

Все уходят.

Конец четвертого действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Появляются царь, шут, слуги.

Матхавья (*прислушиваясь*). Обратите внимание, государь, какие стройные звуки доносятся из зала. Они сопровождают нежное и чистое пение госпожи Хансападики, которая упражняется в искусстве музыкальных импровизаций.

Душьянта. Помолчи, дай послушать.

Песня за сценой:

Медолюбивая пчела,
Ты с манговым цветком лобзалась,
А ныне лотос избрала:
Ты вероломной оказалась.
Скажи,— ты помнишь о цветке,
Который вянет вдалеке?

Что это за песня? В ней столько страсти!

Матхавья. Вы поняли, государь, тайный смысл песни?

Душьянта (*усмехнувшись*). Когда-то я любил эту женщину. Теперь она упрекает меня за то, что я люблю царицу Васумати. Пойди скажи, приятель, госпоже Хансападике, что я принимаю ее упрек.

Матхавья. Как прикажет государь. (*Встает.*) Однако, повелитель мой, когда ее слуги примутся колотить меня, придавив мне виски, у меня останется надежд на спасение не больше, чем у того отшельника, который, уйдя от страстей мирских, попал в горячие объятия апсары.

Душьянта. Иди. И говори с ней не как деревенщина, а как искушенный горожанин.

Матхавья. У меня нет другого выхода. (*Уходит.*)

Душьянта (*в сторону*). В самом деле, почему я испытал столь сильное томление, когда постиг смысл песни? Разве я разлучен с любимой? Но бывает и так:

Увидев прекрасное, чудный услышав напев,
Порой загрустит и счастливец, душой оробев,
Каких-то друзей вспоминает с неясной тоской
И светлые дни, что изведаль он в жизни другой.
(*Стоит в глубокой задумчивости.*)

Появляется Ватайна, глава придворных.

Ватайна. Как я состарился!

Когда я был силен и молод, мне знак вручили власти,
Мне дали тростниковый посох, и я сказал: «О счастье,
Во внутренних покоях царских начну свое служенье!»
Но надо мной не прекращалось дней и ночей круженье,
И вот — я немощный и старый, и смерти жду я скорой,
И стал мне посох царедворца лишь костылем-опорой!

Я знаю, что для царя непреложно исполнение державного долга, но я не отваживаюсь сейчас, когда он только что покинул престол правосудия, доложить ему о

прибытии учеников святого отца Канвы и тем самым нарушить его отдых. Однако обязанность — править государством — не позволяет отдыхать. В самом деле:

Скачет неустанно солнца колесница;
Ветер днем и ночью на просторе мчится,
Шепа держит Землю на себе все время,—
Видно, таково же государя бремя!

Хочешь не хочешь, а надо служить свою службу. (*Ходит взад и вперед и осматривается.*) Вот государь.

О подданных заботясь, как о детях —
Внимательный и любящий отец,
Устал он от обязанностей этих,
Уединенья ищет наконец.
Так неусыпный слон, вожатый стада,
Палимый зноем, движется вперед,
Пока такого места не найдет,
Где долгожданная прохлада!

(*Приближаясь.*) Да будет государь с победой! Пришли отшельники, мужчины и женщины, из лесной пустыни у подножья Гималаев. Они доставили послание от святого отца Канвы. Как поступить с ними?

Душьянта (*почтительно*). Принесли мне послание от святого отца Канвы?

Ватайана. Да.

Душьянта. Передай от моего имени нашему домашнему жрецу Сомарате, чтобы он благоговейно, как предписано древним законом, приветствовал жителей святой пустыни и препроводил их ко мне. Я буду ожидать их в том месте, которое предназначено для приема отшельников.

Ватайана. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Появляется привратница Ветравати.

Душьянта. Ветравати, проводи меня к святилищу Агни.

Ветра вати. Идите за мною, государь.

Душьянта (*идет, выказывая признаки усталости*). Каждый человек, достигнув цели, счастлив, только цари, исполнив свои желания, страдают, потому что

В царской власти, в царском сане
Есть погибель всех желаний.
Охраняю каждый день я
Свой престол, свои владенья!
Государство мне досталось,
Чтоб я чувствовал усталость:
Царство — зонтик. Долго ль буду
С ним ходить везде и всюду?

За сценой.

Два придворных поэта. Победа государю!
Первый поэт.

Не думая о собственном покое,
О подданных исполнен ты забот:
Так дерево изнемогает в зное,
Но людям тень желанную дает.

Второй поэт.

Поднявший царский жезл высоко,
Тех, кто ступил на путь порока,
Приводишь вновь на путь благой.
Ты судишь правильно и здраво,—
Да благоденствует держава,
Да люди обретут покой.
Кто накопил сокровищ груды,
Отыщет родственников всюду,
Найдет он близкого в чужом.
А ты о подданных любовно
Забодишься, как будто кровно
Со всеми связан ты родством!

Душьянта. Мои царские обязанности утомили меня, но теперь я снова чувствую себя свежим. (*Прогуливается.*)

Ветравати. На этом возвышении расположено святилище Огня. Оно чисто выметено, красиво, а рядом с ним — корова, которая дает молоко для жертвоприношения. Благоволите подняться, государь.

Душьянта (*стоит, опершись на плечо слуги*). Ветравати, для чего святой отец Канва прислал ко мне отшельников?

Ветравати. Я думаю, что отшельники, осчастливленные благочестивым правлением государя, пришли его поблагодарить.

Появляются отшельники, Гаутами и Шакунтала; впереди — домашний жрец Сомарата и глава придворных.

Глава придворных. Сюда, сюда, достойные!

Шарнгадва. Друг мой Шарадвата!

Я знаю: добрый царь, носитель правой власти,
Блюдет закон, душа его светла,
И каждый, — к высшей ли принадлежит он касте
Иль к низшей, — здесь не совершает зла.
Но мы, отшельники, из мест глухих пришельцы, —
В чертоге этом царском, как в дому,
Охваченном огнем, и слышим: погорельцы
Вопят и задыхаются в дыму!

Шарадвата. То ощущение, которое ты испытываешь, — верно. А если говорить обо мне, —

Как искупавшийся — на умушенного,
Как чистый сердцем — на в грехе возвращенного,
Как бдительный — на спячкой поглощенного,
Как вольный человек — на заключенного, —
Так я на них взираю, в шумном граде
Живущих только наслаждений ради!

Шакунтала. Почему дергается мой правый глаз? Это дурная примета!

Гаутами. Да отвратится зло, доченька. Да ниспошлют тебе счастье боги-покровители твоего супруга и всего его рода.

Сомарата (*указывая на царя*). Святые отшельники, вот он — государь, хранитель обычаев, защитник людей. Он поднялся с престола и ждет вас. Смотрите на него.

Шарнгарава. Великий брахман, спору нет, государь заслуживает всяческих похвал. Но мы от него ничего не хотим.

Ветки склоняются, если в избытке плоды.

Тучи спускаются, если в них много воды.

Пусть не гордятся и те, у которых премного

Всяких богатств; добродетель — вот мудрых дорога.

Ветравати. Государь, мне кажется, что у отшельников легко на душе. Я думаю, что дело, с которым они пришли, — нетрудное.

Душьянта (*увидев Шакунталу*). А кто эта красавица?

О, кто она? На ней надето покрывало,
Чтоб юная краса людей не чаровала.
Среди отшельников она — цветок живой,
Который окружен увядшею листвою.

Ветравати. Меня тоже разбирает любопытство, но мой рассудок отказывается сейчас мне служить. А внешность ее такова, что ею можно любоваться.

Душьянта. Довольно. Я не должен смотреть на чужую жену.

Шакунтала (*прижимая руку к груди, в сторону*). Сердце мое, почему ты заныло? Вспомни любовь царя и успокойся.

Сомарата (*выступая вперед*). Мы встретили отшельников с надлежащим почетом. Они пришли с по-

сланием царю от своего наставника. Благоволите их выслушать, государь.

Д у ш ь я н т а. Я слушаю.

О т ш е л ь н и к и (*поднимая руки*). Да пребудет государь с победой!

Д у ш ь я н т а. Приветствую всех вас.

О т ш е л ь н и к и. Да обретишь ты все, чего желаешь!

Д у ш ь я н т а. Совершаются ли ваши благочестивые занятия без помех?

О т ш е л ь н и к и.

Кто помешает священным занятиям в роще,
Если ты нас охраняешь, исполненный мощи?
Разве посмеет полночная тьма появиться,
Если над миром на небе сверкает денница?

Д у ш ь я н т а. Значит, не напрасно я облечен званием царя! В добром ли здравии пребывает, на радость миру, святой отец Канва?

О т ш е л ь н и к и. Достигшие духовного совершенства повелевают и своим телесным здоровьем. Святой отец наказал нам, государь, справиться о твоём здоровье, а потом сказал...

Д у ш ь я н т а. Что приказывает мне святой отец?

Ш а р н г а р а в а. Он сказал: «Поскольку, с ее согласия, ты женился на моей дочери, то я с радостным сердцем благословляю вас обоих.

Ты великих царей украшение,
Ты явил благородства черты,
А Шакунтала есть воплощение
Благочестия и доброты.
Много свадебных было веселий,
Многих Брахма исполнил мечты,
Но такой не знал он доселе
Добродетельной, чистой четы!»

Она беременна от тебя. Благоволи принять ее, чтобы жить с нею по закону.

Гаутами. И я хотела бы кое-что сказать, если бы меня спросили. Ведь как все получилось:

Без ведома ее отца, без ведома родных,
Вы сами заключили брак, невеста и жених!

Шакунтала (*в сторону*). О, как я жду ответа государя!

Душьянта. Что все это значит?

Шакунтала (*в сторону*). Какие обидные слова! Они обжигают сердце, как пламя.

Шарнгарава. Вот именно, что все это значит? Вам-то, государь, хорошо известны наши обычаи:

Хоть женщина замужняя верна,
Но если с мужем не живет жена,
А в доме родичей, ей близких кровно,—
Считают люди, что она виновна.
Поэтому желают, чтоб она,
Пусть даже мужем нелюбима будет,
Жила при нем: не то ее осудят.

Душьянта. Вы утверждаете, что я женат на этой женщине?

Шакунтала (*печально, в сторону*). Сердце мое, сбылось все, чего ты боялось!

Шарнгарава.

Разве вправе нарушать законы
Государь — и на глазах у всех?..

Душьянта. Откуда это обвинение, основанное на лжи?

Шарнгарава (*продолжает стих*).

...Только хмелем власти опьяненный
Может совершить подобный грех!

Душьянта. Меня оскорбляют со злым умыслом!

Гаутами. Доченька, отбрось на один только миг свою стыдливость. Я приподниму твое покрывало — и муж признает тебя. *(Делает это.)*

Душьянта *(глядя на Шакунталу, в сторону)*.

Отшельница, обворожив мой взгляд,

Открыла красоту свою.

Но был ли прежде я на ней женат? —

Себе вопрос я задаю.

Так над жасмином кружится пчела,

Едва лишь утро настает:

Она росу внутри цветка нашла,

А ей добыть хотелось мед.

И мысль ее способна заблудиться:

Как быть, — отвергнуть или насладиться?

(Погружается в размышления.)

Ветравати. Какой он добродетельный, наш государь! Другой не стал бы долго раздумывать, приди к нему такая прелесть!

Шарнгаарава. Почему вы молчите, государь?

Душьянта. Достопочтенные! Сколько я ни думаю, как ни напрягаю память, — не могу припомнить, чтобы я взял в жены эту женщину. Как же я приму ее, беременную, когда знаю, что стану владельцем поля, а сеятелем был другой?

Шакунтала *(в сторону)*. Горе мне! Государь отрицает даже супружество наше! Высоко вознесли меня мои надежды, — где они теперь?

Шарнгаарава.

Ведете вы бесчестный разговор!

Добро, что вы похитили, как вор,

Вам подарил наставник наш почтенный,

А вы ему ответили изменой,

Удвоили подвижника позор!

Ш а р а д в а т а. Довольно, Шарнгарава. Ты сказал все, что должен был сказать. Выслушали мы и ответ царя. Шакунтала, теперь скажи ему то слово, которое все объяснит.

Ш а к у н т а л а (*в сторону*). Если прошла такая любовь, как его любовь, если даже такой, как он, меня забыл,— то зачем напоминать о себе? Лишь оплакивать себя,— вот что мне остается! (*Громко.*) Мой повелитель... (*Остонавливаясь.*) Нет, теперь, когда вы отрицаете наше супружество, не подобает мне вам говорить: «мой»... Паурав, справедливо ли вы поступаете со мною — после того как в лесной пустыни вы взяли мое доверчивое сердце и стали моим мужем?

Д у ш ь я н т а (*затыкая уши*). Какая ложь!

Зачем словами лживыми такими
Свое чернишь ты родовое имя,
Зачем меня свалить желаешь в грязь?
Вот так поток, на берег устремясь,
Внезапно дерево на землю валит,
И берег весь водою мутной залит!

Ш а к у н т а л а. Если вы в самом деле поступаете так только потому, что подозреваете, будто я — жена другого, то я развею ваши подозрения с помощью перстня-приметы.

Д у ш ь я н т а. Превосходная мысль.

Ш а к у н т а л а (*ощупывая свой палец*). О, боги! На моем пальце нет перстня! (*В отчаянии смотрит на Гаутами.*)

Г а у т а м и. Доченька, когда на пути сюда мы достигли места паломничества, достигли берега, на который сошел некогда Индра, ты пожелала почтить воды Ганги, в которую вступила сама Шачи, жена Индры. Наверно, ты не заметила, как обронила перстень в реку.

Д у ш ь я н т а (*усмехнувшись*). Отличная выдумка. Но какова женская сообразительность!

Шакунтала. Да явит творец свое могущество!
Я скажу вам еще кое-что.

Душьянта. Наконец я услышу нечто, достойное
быть услышанным.

Шакунтала. Однажды мы были в беседке, уви-
той лианами. Вы держали в руке сосуд из листьев ло-
тоса, наполненный водой...

Душьянта. Я слушаю. Продолжай.

Шакунтала. ...Ко мне подошел олененок, прием-
ное дитя мое. Вы сказали: «Напоим его водой»,— но
оленок, не зная вас, не стал пить из ваших рук.
Тогда я у вас взяла сосуд, поднесла олененку воды, и
он стал пить. И тогда вы, рассмеявшись, сказали: «Зем-
ляки доверяют друг другу. Ведь вы оба выросли в
одном лесу!»

Душьянта. Вот такими сладкими и лживыми ре-
чами и заманивают женщины в свои путы сласто-
любцев!

Гаутами. Государь, ты не должен так говорить:
Шакунтала выросла в священной роще, среди правед-
ников, она не знакома с обманом.

Душьянта. О седовласая подвижница!

Всех женщин одинакова природа.
Они,— пусть даже не людского рода,—
Полны смысленности и вероломства.
Кукушка поступает, как блудница:
Другим яйцо подкинув, эта птица
Отказывается растить потомство!

Шакунтала (*гневно*). Презренный! Все в мире
измеряете мерой своего ничтожного сердца! Кто иной
осмелился бы так оскорблять меня, как вы? Вы пряче-
тесь под покрывалом добродетели, как болото прячется
под травой!

Душьянта (*в сторону*). Мне кажется, что гнев
ее непритворный, и это смущает меня:

Она разгневалась на то, что я ее забыл,
А я не помню, чтоб ее когда-нибудь любил,
И стали у нее глаза от горя жарче крови,
Она нахмурила свои изогнутые брови,
Как будто божества любви она сломала лук,
И гнев ее меня пронзил, и я смутился вдруг...

(Вслух.) Милая, поведение царя Душьянты известно всей державе. Никто никогда не обвинял меня в предлюбодеянии.

Шакунтала. А я стою здесь, как распутница. Поделом мне! Зачем я предалась в его руки, зачем я поверила потомку Пуру, у которого на устах — мед, а в сердце — яд! (Плачет, прикрыв лицо краем одежды.)

Шарнгарав. Теперь все видят, к чему приводит несдержанность.

Нельзя спешить в любви, — опасность в чувстве этом,
Особенно когда свиданья под запретом.

Друг друга следует узнать, понять сначала,
Чтоб страстная любовь потом враждой не стала.

Душьянта. Достопочтенный, почему вы верите этой женщине и не верите мне и обвиняете меня во всех смертных грехах?

Шарнгарав (презрительно). Где это слыхано, чтобы так все переворачивали с ног на голову?

Верить не должен я той, кто не знает обмана,
Той, кто постигла с младенчества истину божью,
Верить я должен тому, кто хитрит постоянно,
Чье ремесло — всех опутывать ловкою ложью!

Душьянта. Почтенный правдолюб, предположим, что все это так. Но чего я добиваюсь, обманывая ее?

Шарнгарав. Своей гибели.

Душьянта. Кто поверит, что отпрыск Пуру жаждет своей гибели!

Ш а р а д в а т а. Шарнгарава, какой прок в долгих препирательствах с царем? Мы исполнили приказ нашего наставника. Теперь вернемся домой. *(В сторону царя.)*

О царь, ее отвергни иль прими,—

Она твоя жена.

Тебе перед богами и людьми

Над нею власть дана.

Идем, Гаутами.

Направляются к выходу.

Ш а к у н т а л а. Меня обманул этот бесчестный, а теперь и вы меня покидаете?

Г а у т а м и *(останавливаясь)*. Шарнгарава, сынок мой, Шакунтала идет за нами и жалобно плачет. Да и что ей, моей доченьке, делать, если муж оттолкнул ее столь грубо?

Ш а р н г а р а в а *(оборачиваясь, в гневе)*. Своевольная! Разве ты забыла, что должна всюду следовать за супругом? Или ты решила нарушить завет предков?

Шакунтала дрожит в испуге.

Послушай, Шакунтала.

Если, как считает царь, ты дурная женщина,
Как вернешься ты к отцу, сплетней обесчещена?
Если ж ты чиста душой,— не страдай гордынею,
В доме мужа не стыдись сделаться рабынею!

Останься. А мы уйдем.

Д у ш ь я н т а. Почтенный, зачем ты обманываешь эту женщину?

Ночные лотосы раскроет лишь луна,
Дневные лотосы лишь солнца блеск разбудит.
Тот муж, что сердцем тверд и воля чья сильна,
С чужой женою жить не будет!

Ш а р н г а р а в а. Государь, вы уже забыли, наслаждаясь с другими, о том что случилось,— почему же вы теперь боитесь нарушить закон?

Душьянта (*домашнему жрецу*). Я спрашиваю тебя, какое из зол меньшее: отвергнуть чужую жену или жить с ней? Сделаю, как ты посоветуешь.

Иль буду верить я ее обману,
Иль разум ослепленный проясню:
Иль, с ней живя, прелюбодеем стану,
Иль я жену чужую прогоню!

Сомарата (*размышляя*). Если все же так случилось...

Душьянта. Наставь меня, достопочтенный.

Сомарата. ...То пусть эта женщина останется в моем доме, пока не родит. Если спросишь: «Для чего?» — отвечу. Звездочеты предсказали, что твоему первенцу суждено стать повелителем мира. Если у дочери святого подвижника родится сын с царскими знаками, то окажи ей почет и введи ее в женские покои дворца. Если нет, то она должна будет вернуться к своему отцу.

Душьянта. Я принимаю совет наставника.

Сомарата. Следуй за мною, дочь моя.

Шакунтала. О мать Земля, разверзнься и поглоти меня! (*Уходит плача.*)

Удаляются и жрец, и отшельники с Гаутами. Царь, у которого память отнята проклятием, стоит, размышляя о Шакунтале.

Голос за сценой. Чудо! Чудо!

Душьянта (*прислушиваясь*). Что там происходит?

Сомарата (*входя, с изумлением*). Государь, свершилось нечто небывалое.

Душьянта. Что именно?

Сомарата. Удалились ученики святого Канвы, и на дороге

Та женщина осталась молодая,
Ввысь простирая руки и рыдая,
Судьбы жестокой проклиная зло...

Душьянта. И тогда?

Сомарата *(продолжая стих)*.

Сиянье в женском облике сошло,
Схватило женщину и заблестело
Еще слепительней и улетело,
Невиданных исполненное чар,
На небеса, на озеро апсар!

Все выражают изумление.

Душьянта. Мы покончили с этим делом, к чему же напрасно мучить себя размышлениями. Иди отдыхать, достопочтенный.

Сомарата. Да пребудет государь с победой!
(Уходит.)

Душьянта. Ветравати, я не знаю, что и подумать. Проводи меня в опочивальню.

Ветравати. Идемте, государь.

Душьянта.

Не помню, что я брал когда-то в жены
Ту, что росла в священной тишине,
Но сердцу я внимаю, пораженный:
О чем оно напоминает мне?

Все уходят.

Конец пятого действия.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

ПРОЛОГ

Улица перед дворцом.

Появляются шурин царя — начальник городской стражи, два стражника — Сучака и Джанука и рыбак со связанными за спиной руками.

Оба стражника *(наноса рыбаку побои)*. Подлый вор, откуда у тебя перстень с драгоценным камнем и с именем царя на печатке?

Рыбак (*выказывая испуг*). Пожалейте меня, люди добрые, я ничего не украл!

Сучака. Ах, понимаю, ты — ученый жрец и этот перстень получил в подарок от царя!

Рыбак. Выслушайте меня, сделайте милость. Я — рыбак и живу на берегу Ганги...

Джанука. Разве мы спрашиваем тебя, воровское отродье, где ты живешь и чем занимаешься?

Начальник стражи. Сучака, пусть он расскажет все по порядку. Не перебивай его.

Оба стражника. Как прикажете, начальник! (*Рыбаку.*) Рассказывай!

Рыбак. Я добываю пропитание для своей семьи тем, что изготавливаю рыболовную снасть — сети, крючки и прочее...

Начальник стражи (*усмехаясь*). Ничего не скажешь, почтенное занятие!

Рыбак.

Из поколения в поколение
Передается ремесло,
И что нам злоба и хуленье?
От всякого труда — светло!
От добрых дел своих бесчисленных
Вкушает брахман благодать,
Однако жертвенных животных
И он обязан убивать!

Начальник стражи. Ладно, продолжай.

Рыбак. На днях я выловил карпа и надумал его распотрошить, и только начал — увидел у него в брюхе этот перстень со сверкающим камнем. Пошел я на базар, чтобы продать перстень, а тут, благородные господа, вы и схватили меня. Убейте меня или отпустите, но все, что я вам говорю, сущая правда.

Начальник стражи. Джанука, мне сдается, что этот воняющий свежатиной пожиратель крокоди-

лов и впрямь рыбак, но все же надо проверить, откуда у него перстень. Пойдем прямо к царю.

Оба стражника. Пойдем, начальник. А ты, карманник, пошевеливайся!

Все идут.

Начальник стражи. Сучака, я пойду во дворец и доложу обо всем царю, а вы ждите меня у входа. Да стерегите хорошенько этого потрошителя рыб.

Оба стражника. Ступайте, начальник, во дворец, и да будет царь милостив к вам.

Начальник стражи уходит.

Сучака. Джанука, а начальник-то не торопится.

Джанука. Ты думаешь — так вот сразу царь принял его?

Сучака. Джанука, у меня прямо руки чешутся надеть на этого грабителя цветочную гирлянду, — ведь казнят его непременно.

Рыбак. Разве можно убивать человека безо всякой вины?

Джанука (*смотря вперед*). Вот идет наш начальник, в руках у него царская бумага. (*Рыбаку.*) Теперь выбирай: либо станешь пищей стервятников, либо тебя сожрут собаки на свалке трупов.

Появляется начальник стражи.

Начальник стражи. Сучака, отпусти этого рыбьего сотрапезника. С перстнем оказалось все в порядке.

Сучака. Как прикажете, начальник.

Джанука. Везет же человеку: вернулся из обители бога Смерти! (*Развязывает рыбака.*)

Рыбак (*кланяясь начальнику стражи*). Господин, а на что я жить буду?

Начальник стражи. Государь милостиво посылает тебе через меня вознаграждение, равное стоимости перстня. (*Вручает рыбаку деньги.*)

Рыбак (*кланяясь, принимает деньги*). Велика милость государя!

Сучака. И впрямь велика: человека сняли с позорного столба и вознесли на спину царского слона!

Джанука. Начальник, видимо, царь высоко ценил этот перстень, если так щедро наградил рыбака.

Начальник стражи. Мне кажется, что дело не в цене. Как только царь взглянул на находку, он вспомнил любимую. И царь, хотя он сдержан по природе, заплакал.

Сучака. Значит, начальник, вы сослужили царю великую службу.

Джанука. Скажи лучше: великую службу этому мастеру сети и крючка! (*С завистью смотрит на рыбака.*)

Рыбак. Возьмите, люди добрые, половину денег, — пусть она станет платой за цветочную гирлянду для повешенного.

Джанука. Вот это справедливо!

Начальник стражи. Рыбак, ты теперь мой первейший, мой наилучший друг. Приступим же к дружеской беседе, а в собеседники возьмем вино из плодов кадамбы. Пойдем в винную лавку!

Все уходят.

Конец пролога.

На воздушной колеснице появляется апсара по имени Санумати.

Санумати. Прошел мой черед пребывания на озере апсар, когда святые совершают в его воде омовения. А теперь погляжу, что поделявает мудрый царь. Ведь Шакунтала — дочь апсары Менаки, моей подруги, она мне — как родная. И у меня есть поручение от дочери Менаки. (*Осматривается.*) Что это значит? Сегодня праздник Весны, а в царском дворце незаметно

никаких приготовлений к празднику. Конечно, я могла бы узнать причину с помощью присущей нам силы всеведения, но я сделаю так, как просила меня подруга. Ладно! Я накину на себя волшебное покрывало и стану невидимой. Все, что мне нужно, я разузнаю от этих двух служанок. *(Изображает, что спускается на землю.)*

Появляются две служанки — П а р а б х р и т и к а и М а д х у к а р и к а; первая разглядывает цветок манго.

П а р а б х р и т и к а.

О зеленый, темно-красный, палевый
Манговый цветок, душа любви!
У весны ты для меня вымаливай
Счастье,— и меня благослови!

М а д х у к а р и к а. Парабхритика, моя кукушечка, о чем ты говоришь сама с собой?

П а р а б х р и т и к а. Ах, пчелка моя Мадхукарика, при виде мангового дерева твоя кукушка хмелеет от счастья.

М а д х у к а р и к а *(радостно)*. Неужели и впрямь пришла весна, медоносная пора?

П а р а б х р и т и к а. Пришла, пришла, пчелка! Настало время, чтобы ты жужжала беспокойно и страстно!

М а д х у к а р и к а. Подруга, поддержи меня, я встану на дыпочки и сорву цветок манго,— принесу жертву богу любви.

П а р а б х р и т и к а. Согласна, но если получишь от Камы награду, то половина — мне.

М а д х у к а р и к а. Что об этом говорить, подруга, мы две — как одно. *(Опираясь на подругу, тянется к цветку и срывает его.)* Гляди, цветок еще не совсем раскрылся, а как хорошо он пахнет, если отломишь черенок. *(Почтительно складывает руки у груди.)*

Тебя, цветок мой незрелый,
Пусть примет Кама пятистрелый,
Стань лучшею из стрел его пяти,
Пронзи красавиц, что в истоме
Тоскуют в опустелом доме,
Когда мужья-любовники в пути.

(Бросает цветок манго вверх.)

Стремительно врывается на сцену разгневанный глава
придворных.

Ватайана. Стой, глупая! Государь запретил
праздновать приход Весны. Почему же ты срываешь
цветы манго?

Обе служанки *(испуганно)*. Смилитесь, гос-
подин, мы не знали этого!

Ватайана. Не может быть, чтобы вы не слышали
о повелении государя, когда даже деревья и цветы по-
винуются его приказу. Смотрите:

Время раскрываться, а не смеет
Робкий манговый цветок раскрыться,
Амарант как будто розовеет,
А не может почка распуститься,
Холода покинули долину,
А молчит кукушка, как ни странно,
Бог любви испуган: из колчана
Вынул стрелы лишь наполовину!

Обе служанки. Велико могущество мудрого
царя, все ему подчиняется!

Парабхритика. Господин, всего лишь несколь-
ко дней назад шурин царя направил нас во дворец, и
нам поручили расчищать дорожки сада. И потому, что
мы здесь недавно, мы впервые слышим о приказе
государя.

Ватайана. Хорошо, но в другой раз не делайте
этого.

Обе служанки. Благородный господин, нас разбирает любопытство. Если можно, расскажите, просим вас, по какой причине царь запретил праздник Весны?

Ватайана. Отчего же не рассказать то, что известно всем? Разве до вас не дошли слухи о семейных неурядицах из-за Шакунталы?

Обе служанки. Царский шурин рассказал нам обо всем, что произошло вплоть до того дня, когда нашли перстень.

Ватайана. Тогда осталось рассказать вам лишь немного. Увидев перстень, государь сразу же вспомнил, что он действительно вступил в вольное супружество с госпожой Шакунталой, а потом, лишенный памяти, прогнал ее. И вот он мучается раскаянием.

То, что прежде любил, стал теперь ненавидеть,
Он не хочет советников слышать и видеть,
Все дела государства ему надоели,
Он, бессонный, ворочается на постели,
А когда, обитательниц женских покоев
Оглядев и внимания их удостоив
Из учтивости,— имя потом произносит,
Он, смущенный, тотчас же прощения просит,
Но какая красавица не возревнует:
Он Шакунталой всех своих жен именует!

Санумати. Мне приятно это слышать!

Ватайана. Из-за великой скорби государя и за-
прещен во дворце праздник прихода Весны.

Обе служанки. Понимаем.

Голос за сценой. Пожалуйте сюда, государь.

Ватайана (*прислушиваясь*). Сюда направляется
государь. Уходите.

Обе служанки. Слушаемся, господин. (*Уходят.*)

Появляются царь в одежде кающегося, шут и при-
вратница.

В а т а й а н а (*наблюдая за царем*). Красивая внешность обвораживает нас во всяком состоянии. Государь и в скорби прекрасен.

К чему украшенья в несчастье?
Он снял их, почувствовав стыд,
Одно золотое запястье
На левом предплечье блестит.
Глаза воспаленными стали,
Он плачет о ней, о себе,
И смыты дыханьем печали
Кровинки на нижней губе.
Его худоба незаметна:
Утратил ли в весе алмаз,
Граненью подвергнутый? Тщетно
Заметить старается глаз!

С а н у м а т и (*наблюдая за царем*). Как он красив! Не удивительно, что Шакунтала сохнет по нем, хотя он оскорбил ее, прогнал!

Д у ш ь я н т а (*медленно идет, погруженный в задумчивость*).

Когда меня будила прежде
Любимая с глазами лани,
Объято сердце было сном.
Теперь, изверившись в надежде,
Оно проснулось для страданий,
И боль раскаяния в нем.

С а н у м а т и. Такова же и участь нашей страдальцы.

М а т х а в ь я (*в сторону*). У него опять приступ Шакунталовой болезни. Я не знаю, как его вылечить.

В а т а й а н а (*приближаясь*). Да пребудет государь с победой! Я обошел дозором рощу услад. Она готова принять государя.

Душьянта. Ветравати, передай первому советнику, благородному Пишуне, что я не могу сегодня воссесть на престол правосудия. Пусть он сам расследует дела горожан, все запишет и потом передаст мне.

Ветравати. Как прикажет государь. *(Уходит.)*

Душьянта. И ты, Ватайана, приступай к своим обязанностям.

Ватайана. Слушаю, государь. *(Уходит.)*

Матхавья. Мошкару вы разогнали. Теперь отдохните в роще усад. Холода миновали, жара еще не наступила,— благодать!

Душьянта. Ах, дружище, правду говорит пословица: «Беда не приходит одна».

Не успела пелена с памяти моей упасть
И к Шакунтале опять в сердце запылала страсть,—
Мне от божества любви новая досталась мука:
Манговый цветок — стрелу — он пустил в меня из лука!

Матхавья. Погодите-ка, приятель. Палкой побью, палкой, стрелу бога любви! *(Замахивается посохом на цветок манго.)*

Душьянта *(улыбаясь)*. Ну, полно, я вижу твою брахманскую доблесть. Скажи лучше, приятель, где бы мне сейчас присесть, чтобы усладить взор зрелищем цветущих лиан? Они так похожи на мою любимую!

Матхавья. Разве вы забыли, что приказали служанке Чатурике, чтобы она принесла в беседку, увитую лианами, портрет госпожи Шакунталы, который вы сами нарисовали?

Душьянта. Ты думаешь, что в этой беседке я найду успокоение? Ну что ж, проводи меня туда.

Матхавья. Идите за мной.

Оба идут. За ними следует Санумати.

Вот и беседка, увитая лианами. Она окружена мраморными перилами, украшенными драгоценными камнями.

Чаруя прелестью цветов, она как бы поджидает нас и говорит: «Привет вам, друзья». Войдем и сядем.

Входят в беседку и садятся.

Санумати. Я укроюсь в зарослях лиан и посмотрю на портрет подруги: живопись покажет мне, насколько глубоко чувство царя. (*Прячется.*)

Душьянта. Теперь я помню все, что произошло у меня с Шакунталой. Я уже тебе рассказывал об этом, дружище. Правда, ты не был со мной в тот день, когда я оттолкнул ее, но почему ты раньше никогда не упоминал ее имени? Ты тоже ее забыл, как и я?

Матхавья. Нет, не забыл. Но когда вы мне поведали о ней, вы добавили: «Все это не более как пустая шутка». А я, чей мозг — словно ком глины, поверил вам, государь. Все мы подвластны Судьбе.

Санумати. Что правда, то правда.

Душьянта (*подумав*). Плохо мне, приятель.

Матхавья. Что с вами, друг мой? Этого не ожидал я от вас. Истинный мужчина никогда не поддается скорби. Гора и в бурю неподвижна!

Душьянта. Когда я подумаю о любимой, о том, как она страдает, грубо отвергнутая мной,— отчаяние охватывает меня.

Когда любимую отвергнуть я посмел,
Она последовать хотела за друзьями,
Но ей: «Останься здесь!» — отшельник повелел.
И вот она на мне наполненный слезами
Остановила взгляд. Я помню этот взгляд,
Он в сердце — как стрела, окунутая в яд!

Санумати. Он страдает, и, как ни странно, я радуюсь его страданиям.

Матхавья. Я думаю, государь, что госпожу унес кто-нибудь из небожителей.

Душьянта. Кто же иной осмелился бы коснуться жены, которая чтит мужа, как бога? Говорят, что ее

мать — Менака, небесная красавица. Сердце подсказывает мне, что любимую унесла Менака или одна из ее подруг.

Санумати. Я не удивляюсь его уму, — удивительным было его безумие, когда он утратил память.

Матхавья. В таком случае надейтесь, государь. Со временем вы соединитесь с госпожой.

Душьянта. Почему ты так уверен?

Матхавья. Потому что никакая мать не может спокойно смотреть на то, как мучается ее дочь в разлуке с мужем.

Душьянта. Ах, дружище!

То было разума затмение? Или майя?

Иль я увидел сон, его не понимая?

Или иссяк запас моих заслуг святых, —

Все, что я накопил в рожденьях иных?

Что было, то ушло, вовек не возвратится,

И в бездну катится рассудка колесница!

Матхавья. Не говорите так. Разве случай с перстнем не доказывает, что Судьба распоряжается нами, что неизбежны даже самые непредвиденные встречи?

Душьянта (*рассматривая перстень*). Перстень, ты попал ко мне из труднодоступных мест, ты достоин жалости.

О перстень, и тебе и мне невелика цена:

Я оттолкнул жену, когда ко мне пришла она,

А ты упал на дно реки, ее покинув палец,

И ты, как я, достоин слез, такой же ты страдалец!

Санумати. Перстень и вправду был бы достоин жалости, если бы оказался на чьей-нибудь другой руке!

Матхавья. Как случилось, государь, что вы надели этот перстень на палец госпожи?

Санумати. Он позаимствовал этот вопрос у меня.

Душьянта. Когда я покидал святую обитель, любимая спросила, обливаясь слезами: «Через сколько дней, государь, вы дадите знать о себе?»

Матхавья. И тогда?

Душьянта. И тогда я надел ей на палец перстень и сказал:

Отправляюсь я в дорогу.
Ты на перстне именном
Каждый день читай по слогу
В честном имени моем.
В этом имени — три слога.
Дочитаешь до конца, —
Быстрых дней пройдет немного,
За тобой пришло гонца.

И я, жестокосердый, с помутненным разумом, обманул ее, не выполнил обещания!

Санумати. Чудесно было задумано свидание, но Судьба распорядилась иначе.

Матхавья. А как перстень угодил в брюхо карпа, вспоротое рыбаком?

Душьянта. Когда любимая молилась в Шачигиртхе, перстень соскользнул с ее пальца в воду Ганги.

Матхавья. Понятно.

Санумати. Так вот почему царь, столь преданный Закону и Долгу, отказался признать свое супружество с несчастной Шакунталой! Но, спрошу я, разве истинная любовь нуждается в приметах, в опознавательных знаках?

Душьянта. И теперь мне осталось одно — причитать над этим перстнем.

Матхавья *(в сторону)*. Он безумен!

Душьянта.

Не замечая прелести руки,
Ты с пальца соскользнул на дно реки.
Зачем ты это сделал, непослушный?

Ах да, ты — вещь, а вещи все бездушны,
Но я — не вещь, хоть разум мой померк,
Зачем же я любимую отверг?

Матхавья (*в сторону*). Зачем я его слушаю и помираю с голоду?

Душьянта. О ты, отвергнутая без вины! Смотри, как меня терзает раскаяние. Сжался надо мной и позволь снова тебя увидеть!

Поспешно входит с картиной служанка Чатурика.

Чатурика. Государь, я принесла портрет госпожи. (*Ставит картину.*)

Матхавья. Превосходно, друг мой! Поза — прелестна, чувство передано великолепно, что должно быть выпукло, то выпукло, а все вогнутое — вогнуто, и взор мой прямо-таки спотыкается на неровностях очаровательного тела.

Санумати. Царь — истинный художник. Мне кажется, что я вижу мою подругу воочию.

Душьянта.

Можно то иль иное подправить,
Подчеркнуть ту иль эту черту,
Но живую ее красоту
Невозможно себе и представить!

Санумати. Так и подобает говорить художнику, сердце которого отягощено раскаянием и лишено гордыни.

Матхавья. Государь, на картине изображены три женщины, и все они прекрасны. Которая же из них госпожа Шакунтала?

Санумати. Непостижима слепота этого человека! Зачем ему глаза, если он не видит красоту?

Душьянта. А сам ты как думаешь?

Матхавья. Я полагаю: та, у которой цветы выпали из волос, ибо лента развязалась и волосы рассы-

пались; та, у которой капельки пота на разгоряченных щеках; та, у которой руки странно поникли, как нежные и блестящие после полива ветви мангового дерева, к стволу которого она сейчас прислонилась, немного усталая, — та красавица и есть Шакунтала.

Душьянта. Молодец, угадал! А вот следы моей любви:

Ты видишь на моей картине пятна,
То я, рисуя образ дорогой,
К картине прикоснулся, вероятно,
Вспотевшей от волнения рукой.
Моя слеза ей на щеку упала:
Чтоб смыть ее, нашел я нужный цвет,
Но кисть в моей руке затрепетала,
И на щеке остался влажный след.

Чатурика, эта картина, которая утешает меня в скорби, не закончена. Принеси-ка мне кисти и краски.

Чатурика. Почтенный Матхавья, подержите картину, пока я не вернусь.

Душьянта. Я сам ее подержу. (*Держит.*)

Служанка уходит.

Когда пришла моя любовь,
Я ей явил пренебрежение,
Теперь смотрю я вновь и вновь
На милое изображение.
Как бы широкую реку
Я позади оставил ныне,
И, мучим жаждой, по песку
Бреду я к мареву пустыни.

Матхавья (*в сторону*). Это он-то, не испив из многоводной реки, устремился вслед за маревом? Нет, не таков государь! (*Громко.*) Что еще вы хотите нарисовать на картине?

С а н у м а т и *(в сторону)*. Вероятно, он хочет изобразить места, которые так нравились моей подруге.

Д у ш ь я н т а.

Изобразу знакомые места,
Где Малини задумчиво струилась,
Где лебедей влюбленная чета
На отмели песчаной притаилась,
Где, радуясь прохладе, прилегли
На мягких берегах речных олени,
Где Гималаи высятся вдаль
От низменных желаний и волнений,
Где на деревьях сушит ветерок
Одежду из коры, где левым веком
Лань трется нежно об олений рог
И не трепещет перед человеком!

М а т х а в ь я *(в сторону)*. Я предвижу, что он заполнит картину сонмом длиннобородых отшельников!

Д у ш ь я н т а. И еще два украшения, которые Шакунтала любила, я хотел, но забыл нарисовать.

М а т х а в ь я. Какие же?

Д у ш ь я н т а.

Я должен был ее изобразить с цветком —
С расцветшим сирисом за маленьким ушком,
Чтобы к ее щеке тычипки прикасались,
И стебли лотоса, что, как лучи луны,
В монисто нежное невинно сплетены
И меж ее грудей внезапно оказались.

М а т х а в ь я. Почему она, как бы в испуге, закрывает лицо ладонью, окрашенной красным сандалом и сверкающей, словно лепесток красного лотоса? *(Смотрит внимательней.)* А, понимаю, проклятый шмель, рабье отродье, кружится над лицом госпожи!

Д у ш ь я н т а. Прогони наглеца!

М а т х а в ь я. Государь, это ваша обязанность — наказывать дерзких.

Д у ш ь я н т а. Верно... Эй, почтенный гость цветущих лиан, охотник до их сока! Зачем ты здесь жужишь, кружишься, даром время теряешь?

Страстью опаленная пчела
Ждет тебя, тоскуя и любя,
На цветок в томленьи прилегла,
Но ей мед не нужен без тебя!

С а н у м а т и. Он излишне вежливо отваживает назойливого шмеля.

М а т х а в ь я. До чего порочна их порода: его предостерегают, а шмель все свое!

Д у ш ь я н т а. Я приказываю, а ты не унимаешься? Так слушай же:

Если, шмель, ты будешь дерзок, груб
И коснешься тех желанных губ,
Из которых, как из чудной чаши,
Пил я жгучей страсти сок сладчайший,—
Накажу тебя, соперник мой:
Станет лотос для тебя тюрьмой!

М а т х а в ь я. Неужели шмель не устрашится столь сурового наказания? *(Смеется, в сторону.)* Царь — точно помешанный. Да и я свихнулся, если вожу с ним дружбу. *(Громко.)* Государь, но ведь это только картина.

Д у ш ь я н т а. Картина?

С а н у м а т и. Я и то поняла это лишь сейчас, что же говорить о нем, для которого изображение любимой — сама жизнь, больше, чем жизнь?

Д у ш ь я н т а. Ах, дружище, как я обманулся!

Казалось мне, — она со мною снова
И я подругу не покину,
Но ты сказал безрадостное слово —
И превратил ее в картину!
(Плачет.)

С а н у м а т и. Впервые вижу у влюбленного такую непоследовательность: сперва прогнал возлюбленную, а потом плачет о ней!

Д у ш ь я н т а. Как я вынесу муки свои! Когда им наступит конец!

Во сне мне слиться с нею не дано
Затем, что я не сплю уже давно,
И не могу увидеть из-за слез
Ту, чье лицо на холст я перенес!

С а н у м а т и. Ты искупил то зло, которое причинил нашей Шакунтале!

Ч а т у р и к а (*входя*). Да пребудет государь с победой! Я шла сюда и несла ларец с кистями...

Д у ш ь я н т а. И что же?

Ч а т у р и к а. Навстречу мне — царица Васумати со своей служанкой Тараликой. Царица выхватила у меня ларец и сказала: «Я сама доставлю его государю!»

М а т х а в ь я. Ты счастливо отделалась.

Ч а т у р и к а. У царицы платье зацепилось за ветку, и пока Таралика старалась высвободить его, я пустилась бежать со всех ног.

Д у ш ь я н т а. Дружище, гордость царицы уязвлена. Позаботься о портрете.

М а т х а в ь я. Скажите лучше: «О себе», — гнев царицы обрушится прежде всего на меня. Если вы, государь, спасетесь от всегубительного яда владычицы женских покоев, то найдете меня на белой плоской крыше дворца: я буду на ней покоиться, как на облаке. (*Поспешно уходит с картиной.*)

С а н у м а т и. Хотя царь и предан сердцем другой, но почитает первую свою любовь. Правда, он теперь царицу Васумати любит не так сильно, как прежде.

В е т р а в а т и (*входя с донесением в руке*). Да пребудет государь с победой!

Душьянта. Ветравати, ты не повстречала царицу Васумати?

Ветравати. Она шла сюда, но вернулась, увидев, что у меня в руке письменное донесение.

Душьянта. Царица всегда знает, когда ей можно говорить со мной. Она старается не мешать мне, когда я занят делами государства.

Ветравати. Мудрый царь, вам просил передать первый советник: «Ваши покорные слуги занялись труднейшим подсчетом обильных доходов государя, поэтому у них осталось время только на то, чтобы рассмотреть дело лишь одного горожанина. Благоволите, государь, познакомиться с изложением этого дела».

Душьянта. Дай-ка бумагу.

Привратница подает донесение.

(Прочитав.) Богатейший купец Дханамитра, занимающийся морской торговлей, погиб во время кораблекрушения. Бедняга был бездетным. Первый советник пишет: «По закону все его богатства должны отойти в царскую казну...» Какое горе — не иметь детей! Но если купец был чрезвычайно богат, то у него должно было быть много жен. Пусть выяснят: может быть, хотя бы одна из его жен успела забеременеть от него.

Ветравати. Государь, сообщают, что дочь купца из Сакеты, жена покойного, беременна на третьем месяце.

Душьянта. Собственность отца должна перейти к сыну, если даже ребенок находится во чреве матери. Ступай и передай мое решение господину первому советнику.

Ветравати. Как прикажет государь. (Направляется к выходу.)

Душьянта. Постой-ка.

Ветравати. Слушаю, государь.

Душьянта. В конце концов, какое имеет значение, — есть ли у покойного наследник или нет?

О подданных скорблю, как о родных.
Когда лишится кто-нибудь из них
Наставника, кормильца, господина,—
Да знают все в державе до едина,
Что царь Душьянта, правящий страной,
Кормить любого будет, как родной,
И только тех отвергнет царь державы,
Кто Долг нарушил и Закон всеправый.

Ветравати. Так именно и объявлю. (*Выходит и возвращается вновь.*) Государь, народ радуется вашему указу, как дождю, который пришел в положенный срок.

Душьянта (*глубоко и тяжело вздыхая*). Так, значит,— увы! — все достояние того, у кого нет наследника, переходит по закону к чужому. И с моей смертью такой же горькой окажется судьба славного рода Пуру!

Ветравати. Да отвратится дурное!

Душьянта. Горе мне, ибо я отверг снизошедшее ко мне счастье!

Санумати. Нет сомнения,— он клянет себя, думая о моей подруге Шакунтале!

Душьянта.

Готовилась моя законная жена
Стать матерью — и тяжелело бремя,
Но мной она была из дома изгнана...
Я вовремя в земле посеял семя,—
Увы, заброшена земля... Идут года,
Но никогда уже не видеть мне плода.

Санумати. Он не знает, что у него есть потомство.

Чатурика (*Ветравати*). Дело погибшего купца удвоило скорбь государя. Чтобы развеять его тяжелые думы, пошла бы ты да сняла с плоской крыши дворца почтенного Матхавью.

Ветравати. И то верно. (*Уходит.*)

Душьянта. Предки Душьянты в опасности.

Кто будет ныне угождать и праотцам и роду?
Кто мертвым принесет еду и кто разбрызнет воду?
Нет сына у меня, чтоб он продлил мои труды,
Пусть предки слезы пьют мои,— им нет другой воды.

(Падает в беспамятстве.)

Ч а т у р и к а *(в тревоге)*. Очнитесь, государь!

С а н у м а т и. Как мне жаль государя. Он блуждает во тьме только потому, что его вина перед Шакунталой, как преграда, скрыла от него свет истины. Я могла бы немедленно сделать царя счастливым, но я слышала, как сама мать великого Индры утешала Шакунталу: «Твой супруг из-за своей непомерной печали перестал приносить жертвы богам. Но боги жаждут жертв, и когда царь насытит богов, они соединят его с законной женой». Пусть же события идут своим чередом, а я вернусь на небо, чтобы обрадовать Шакунталу добрыми вестями. *(Взвизываясь в воздух, улетает.)*

Г о л о с з а с ц е н о й. Помогите! Помогите!

Д у ш ь я н т а *(придя в себя, прислушиваясь)*. Мне кажется, что эти ужасные вопли издает Матхавья. Эй, кто тут есть?

В е т р а в а т и *(входя, встревоженно)*. Государь, ваш приятель попал в беду. Спасите его.

Д у ш ь я н т а. Кто покушается на жизнь доблестного брахмана?

В е т р а в а т и. Некто незримый набросился на него и уносит несчастного.

Д у ш ь я н т а. Ну уж этому не бывать! Злые духи даже в мой дом забрались! Впрочем, разве мой дом — лучше других?

Небрежность ли виной, причина ль поважней,—
Свершаем каждый день мы грех какой-нибудь.
Так вправе ли я, царь, судить других людей,
Когда не знаю сам, избрал ли верный путь?

Г о л о с з а с ц е н о й. На помощь, мой государь, я гибну!

Душьянта (*ускоряя шаг*). Не бойся, приятель!
Голос за сценой. Как же мне не бояться, когда кто-то, отвернув мне голову, как скотине, хочет меня рассечь на три части, как будто я сахарный тростник!

Душьянта (*осматривается*). Эй, лук сюда!

Гречанка (*входя с луком в руках*). Государь, вот лук, стрелы и рукавичка для защиты руки от рубцов, наносимых тетивой.

Царь берет лук и стрелы.

Голос за сценой.

Из горла твоего мне будет кровь добычей,
Тебе я — лютый тигр, а ты — породы бычьей!
Душьянту позови, пусть он натянет лук,
Но вряд ли царь тебя из этих вырвет рук!

Душьянта (*гневно*). Как, он даже надо мной издевается? погоди же, злой дух, пожиратель трупов! Сейчас я тебя уничтожу! (*Натягивает лук.*) Ветравати, проводи меня к лестнице, ведущей на крышу.

Ветравати. Идемте, государь.

Все быстро идут.

Душьянта (*осматривается*). Здесь никого нет.

Голос за сценой. Я вижу вас, государь, а вы меня не видите! Помогите мне! Надежды остаться в живых у меня не больше, чем у мышки в когтях у кота!

Душьянта. Эй, злобный бес, ты чванишься тем, что ты невидим? Так сейчас мой лук увидит тебя! Сейчас я пушу стрелу.

Сейчас, моей стрелой пронзенный,—
Ты ляжешь мертвым, злобный дух,
А брахман мой дваждырожденный
Да обретет спасенье вдруг.

Где верный друг, где недруг,— стрелы
Всегда распознают легко:
Не смешивает лебедь белый
С водой озерной молоко!

(Натягивает лук.)

Появляется М а т а л и, колесничий бога Индры; он отпустил шута.

М а т а л и.

Могучий Индра говорит: «О царь, воитель смелый,
На злобных бесов направляй губительные стрелы,
А чистый, кто творит богам угодные обряды,
Не стрелы мечет на друзей, а ласковые взгляды».

Д у ш ь я н т а *(опуская лук)*. О Матали! Привет тебе, колесничий великого Индры!

М а т х а в ь я *(входя)*. Нечего сказать, государь, хороший вы друг! Он схватил меня, будто я — жертвенное животное, а вы его приветствуете!

М а т а л и *(усмехнувшись)*. Узнай, государь, с какой целью послал меня к тебе предводитель богов.

Д у ш ь я н т а. Я весь превратился в слух.

М а т а л и. У демонов есть повелитель. Зовут его Дурджайа. Он потомок сторукого, стоглавого беса Каланэми.

Д у ш ь я н т а. Мне о нем говорил Нарада, вестник богов.

М а т а л и.

Не может Индра справиться с проклятым,
И бог к тебе взывает: «Поскорей
Стань войска небожителей вожатым,
Злокозненного беса одолей:
Коль Солнцу не дано развеять мрак,—
Пусть Месяцем развеян будет враг!»

Возьми лук и стрелы, взойди на колесницу — и победи!

Душьянта. Могучий Индра оказал мне великую честь, я горжусь его поручением... Скажи мне, однако, почему ты напал на Матхавью?

Матали. Скажу и об этом. Я увидел,— да живешь ты долго,— что скорбь съедает тебя изнутри, и решил, что надо в тебе разбудить гнев, и тогда ты станешь сильным, потому что,

Когда поворошишь поленья,
Огонь сильнее разгорится,
Почувствовав сопротивление,
Змея сильнее разозлится,
А ярость, что в груди зажжется,
Усилит храбрость полководца!

Душьянта (*шуту*). Приятель, я обязан повиноваться властелину небес. Сообщи обо всем происшедшем первому советнику Пишуне и добавь от моего имени:

Ты мудро управляй моей страной,
В заботах государства поседелый,
А я займусь работою иной,
Иных врагов мои настигнут стрелы.

Матхавья. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Царь всходит на колесницу. Все уходят.

Конец шестого действия.

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

На колеснице, летящей в воздухе, появляются царь и Матали.

Душьянта. Матали, хотя я исполнил приказ могучего Индры, я чувствую, что не заслужил того милостивого приема, какой мне оказал предводитель богов.

М а т а л и (*улыбаясь*). Я думаю,— да живешь ты долго,— что каждый из вас считает себя должником другого.

Ты говоришь: «Божественному другу
Я оказал столь малую услугу,
Что храбрецом себя не вправе счесть.
Так почему же мне такая честь?»
А бог, твоей отвагой изумленный,
Когда, священным гневом окрыленный,
Ты поражение нанес врагу,
Себя считает у тебя в долгу.

Д у ш ь я н т а. Не говори так, Матали. Пойми, что честь, которую бог мне оказал при расставании, находится за пределами воображения. Подумай только, в присутствии богов могучий Индра усадил меня рядом с собою на престоле,

А в это время, втайне мне завидуя,
Джайанта, сын его, смотрел с обидою.
Бог улыбнулся, на него взирая,
С себя венок душистый он совлек,
Потом на шею мне надел венок,
Сплетенный из цветов бессмертных рая,—
Сандаля их осыпал порошок,
Которым грудь свою раскрасил бог.

М а т а л и. Но разве, государь, ты и впрямь не заслужил таких почестей от предводителя богов?

Для Индры создан, для его услад,
Был защищен однажды райский сад
От бесов, возжелавших торжества,
Всесильным Вишну, праотцем твоим,
Принявшим облик Человека-Льва.
О царь, как Вишну, ты непобедим,
И ныне, Индры услышав приказ,
Вторично райский сад от бесов спас.

Душьянта. И все же победил бесовское полчище
не я, а Индра.

Слуга, что подвиг совершил великий,
Великим стал благодаря владыке,
И разве б Аруна развеял тьму,
Когда бы честь не выпала ему
Быть Тысячелучистому возницей,—
Слугою Солнца, светлою денницей?

М а т а л и. Скромность возвышает тебя. (*Проехав
немного.*) Смотри, твоя слава утвердилась даже на не-
бесах.

Используя в качестве краски
Румяна красавиц небесных,
Бессмертные пишут стихами
На листьях деревьев чудесных
О том, как разбил ты нечистых
В теснинах, на скалах отвесных,—
Да сила твоя и отвага
Отныне прославятся в песнях!

Душьянта. Когда мы поднялись на небо, я ду-
мал только о том, как бы поскорей сразиться с демо-
нами, и не смотрел на дорогу. Где мы сейчас нахо-
димся? На пути какого ветра?

М а т а л и.

Воитель, ты на путь шестой ступил,
Где ветер Паривáха движет воды
Небесной Ганги, где круги светил
Заоблачные озаряют своды,
Где незакатной светится зарей
Пространство неба — Вишну шаг второй.

Душьянта. Теперь я понимаю, Матали, почему
очистилось мое «я»,— и чувства, и разум, и плоть, и

дух. (*Взглянув на колеса.*) Но пока шла наша беседа, мы спустились на путь первого ветра, на тропу облаков.

М а т а л и. Как ты заметил?

Д у ш ь я н т а.

Повнимательней стоит взглянуть,
И поймешь, что на облачный путь
Опустилась твоя колесница:
Между спицами быстрых колес,
Там, где облак плывет водонос,
Вижу,— кружится чатака-птица:
Ей из облака надо напиться;
Сквозь огонь устремляются молнийный
Кони Индры, масти зеленой;
Облаков могучие лона
Дождевою водою наполнены;
Непреренно жди многоводья:
В брызгах — наших колес ободья.

М а т а л и. Еще одно мгновение, и ты будешь на подвластной тебе земле.

Д у ш ь я н т а (*глядя вниз*). Из-за нашего стремительного снижения земля кажется удивительной, все обозначается явственней.

Как бы спускается земля с высоких гор,
Живет отдельно дерево любое,
Река, что узкою казалась до сих пор,
Бежит широководною тропею.
Мне кажется, когда стремлюсь я в вышине,
Что все кругом исполнено полета,
Что и земля теперь летит навстречу мне,
Как будто вверх ее подбросил кто-то!

М а т а л и. У тебя зоркий взгляд. (*С благоговением смотрит вниз.*) Как величава, как обворожительна земля!

Душьянта. Что это за гора там виднеется, Матали? Ее склоны вдаются и в Восточное море, и в Западное. Подобно облаку на закате, она как бы струит влажное золото.

Матали. Это златоглавая Хемакúта, обиталище полулюдей, полуконей. Здесь живут и величайшие подвижники.

Внук Брахмы Самосушего и сын
Маричи, всех народов властелин,
Царей, богов и бесов прародитель,
Здесь подвигов установил обитель,—
Здесь обитает Кáшьяпа святой
С женой, сияющею чистотой.

Душьянта. Я не могу миновать такой благодати. Я хочу посетить святого и почтительно совершить вокруг него обход слева направо.

Матали. Благая мысль.

Колесница опускается.

Душьянта (*с удивлением*).

Колеса колесницы не скрипят,
При их вращении не видно пыли,
Слух не слышал, не увидел взгляд,
Как с высоты на землю мы ступили.

Матали. Таково свойство колесницы Индры.

Душьянта. Где же находится обитель сына Маричи?

Матали.

Вон там — на изваяние похожий,
До самых чресел — в муравьиной куче,
И солнца диск разглядывая жгучий,
И опоясав грудь змеиной кожей,
И шею старой оцепив лианой,

Являя отрешенность и величье,
С кудрями, где воздвиглись гнезда птичьи,—
Подвижник встал скалою перевозданной,
На мир глядит спокойным, строгим взглядом,
А пустынь совершеннейшего — рядом.

Душьянта. Слава тому, кто совершает столь
тяжкое подвижничество!

Матали (*натянув поводья колесницы*). Мы вступили в святую пустынь Прародителя, где жена его Адити растит волшебные деревья.

Душьянта. Обитель эта полна бóльшим блаженством, чем небеса. Мне кажется, что я погрузился в живую воду богов.

Матали. Сходи, государь.

Душьянта. А ты, Матали?

Матали. Сойду и я,— вот только остановлю колесницу. (*Сходит.*) Пойдем посмотрим на священную рощу, где обитают величайшие подвижники.

Душьянта. Я потрясен тем, что я вижу!

Они проводят дни свои в молебнах,
В лесу, в содружестве деревьев волшебных,
Питаются лишь воздухом одним,
Ко благам равнодушные земным.
В озерах, желтизною облаченных,—
Пыльною лотосов позолоченных,—
Свершают омовения обряд.
На тех камнях, где яхонты горят,
Они обуздывают вдох и выдох,
Забыв о всех желаньях и обидах.
Среди собрания небесных жен
В святую думу каждый погружен.
Они свершают подвиги благие
В таких глухих местах, куда другие
Отшельники, исполнив свой обет,
Попасть мечтают после долгих лет!

М а т а л и. Воистину так: тот, кто велик, стремится к еще большему совершенству. *(На ходу разговаривает с кем-то невидимым.)* А, праведник Вриддхашакаля! Как поживает досточтимый сын Маричи? Что ты говоришь? Он сейчас отвечает Адити, в присутствии других женщин, на ее вопрос — в чем состоит высший долг верной супруги.

Д у ш ь я н т а *(прислушиваясь)*. Видно, чтобы встретиться с великим подвижником, нужно дожидаться благоприятного времени.

М а т а л и *(царю)*. Отдохни, государь, под сенью ашоки, а я доложу о твоём прибытии Кашьяпе — отцу Индры.

Д у ш ь я н т а. Как пожелаешь, Матали.

М а т а л и. Я иду к нему. *(Уходит.)*

У царя дергается рука — счастлирое предзнаменование.

Д у ш ь я н т а.

Рука моя дрожит, — к чему мне добрый знак?

Я больше никаких не жду усад и благ.

Я счастье оттолкнул, что было мне дано,

И сделалось моим страданием оно.

Г о л о с за сценой. Не будь таким непослушным! Вот беда, весь в отца уродился!

Д у ш ь я н т а *(прислушиваясь)*. Здесь нет места непослушанию. Но кого же все-таки укоряют? *(Смотрит в сторону, откуда донесся голос; удивленно.)* Это ребенок, маленькое дитя, наделенное недетской силой. И две отшельницы бегут за ним.

От сосцов материнских он отнял ребенка,

Беспокоится грозная мать,

И с собой со взъерошенной гривой львенка

Принуждает он силой играть.

М а л ь ч и к. Лев, раскрой свою пасть, я сосчитаю, сколько у тебя зубов!

Первая отшельница. Неслух! Зачем пристаешь к живой твари, которая ничем не отличается от наших детей? Ты становишься все более дерзким, диким. Недаром отшельники прозвали тебя Всеподавляющим.

Душьянта. Отчего я всем сердцем тянусь к этому мальчику, как будто он — мой сын? Все оттого, что у меня нет детей.

Вторая отшельница. Львица кинется на тебя, если ты не отпустишь ее детеныша.

Мальчик *(смеясь)*. Ой, боюсь, ужасно боюсь! *(Презрительно выпячивает нижнюю губу.)*

Душьянта.

Этот мальчик — маленькое семя,
Но величье прозреваю в нем,
Он всего лишь искра, — будет время,
Вспыхнет всежигающим огнем!

Первая отшельница. Отпусти львенка, малыш, я дам тебе другую игрушку.

Мальчик. Где она? Давай! *(Протягивает руку.)*

Душьянта. О создатель, на его руке — царские знаки, он будет повелителем мира!

Чего-то желая, он вытянул руку,
И пальцы прижаты вплотную друг к другу,
И чашечкой — вижу — сложил он ладонь.
В ней светится краска? Мерцает огонь?
Иль, может быть, лотос рассветной порою
Разбужен багряного цвета зарею?

Вторая отшельница. Сувр́ата, одними словами его не уговонишь. Ступай-ка в мою хижину, там у меня стоит игрушка мальчика-отшельника Маркан-деи — раскрашенный глиняный павлин. Принеси его.

Первая отшельница. Сейчас принесу. *(Уходит.)*

М а л ь ч и к. А пока я поиграю с львенком. (*Смеется, глядя на отшельницу.*)

Д у ш ь я н т а. Сердце мое так и рвется к этому ребенку, хотя он дурно воспитан.

Когда смеется без причин дитя,
Жемчужинами-зубками блестя,
Когда — случается — трудна разгадка
Тех слов, что мальчуган лепечет сладко,
Когда пугает что-то малыша
И он бежит к родителям, спеша
Взобраться на колени к ним в тревоге,
И пылью, грязью пачкает их ноги, —
И вот уже испуга нет следа, —
Как счастливы родители тогда!

В т о р а я о т ш е л ь н и ц а. О создатель, он не хочет меня слушаться! (*Осматривается кругом.*) Нет ли здесь кого-нибудь из юношей-отшельников? (*Увидев царя.*) Благородный господин, прошу вас, освободите несчастного львенка. Для негодного мальчика это забава, а львенок мучается. Малыш схватил его так крепко, что руку не разожмешь.

Д у ш ь я н т а (*приближаясь, с улыбкой*). Послушай, сын отшельника!

В священной ты растешь обители,
Где ради блага — все дела,
Где учат маленьких родители
Не причинять живому зла.
Ты, издеваясь над зверенышем,
Отца призыванье запятнал, —
Так оскверняется змеенышем
Благоухающий сандал!

В т о р а я о т ш е л ь н и ц а. Благородный господин, вы ошибаетесь, этот мальчик — не сын отшельника.

Душьянта. Об этом говорят его поступки, его нрав и внешность. Только потому, что я нахожусь в пустыни, я предположил, что мальчик — сын отшельника. *(Он высвобождает львенка из рук мальчика и, прикоснувшись к мальчику, говорит себе):*

Едва лишь я коснулся чужого малыша,
Почувствовала нежность к нему моя душа.
О, если б это было родное существо,
О, если б я коснулся ребенка моего!

Вторая отшельница. Удивительно, удивительно!

Душьянта. Чему ты удивляешься, достопочтенная?

Вторая отшельница. Я поражена сходством между этим ребенком и вами. Он впервые видит вас, а не дичится, не выказывает вам никакого нерасположения.

Душьянта. Если он не сын отшельника, то из какой же он семьи?

Вторая отшельница. Из царского рода Пуру.

Душьянта *(в сторону)*. Он из одного рода со мной? Так вот почему отшельнице кажется, что он похож на меня! В обычае тех, кто принадлежит к роду Пуру, налагать на себя такую последнюю епитимию:

Сначала во дворцах вкушают все улады
И землю защищают от врагов,
Потом они в лесах свершают все обряды
И просят благостыни у богов.

(Вслуш.) Не всякий смертный, даже мечтающий об этом, может сюда попасть. Откуда же здесь мальчик из рода Пуру?

Вторая отшельница. Ты сказал сущую правду, благородный господин, но мать ребенка связана родством с апсарой и поэтому разрешилась от бремени здесь, в священной роще наставника богов.

Душьянта *(в сторону)*. Еще одна причина, чтобы во мне проснулась надежда. *(Громко.)* А кто супруг ее? Как зовут того царя?

Вторая отшельница. Могу ли я тебе назвать его имя, если он отверг, прогнал свою законную жену?

Душьянта *(в сторону)*. Эти слова указывают прямо на меня. А не спросить ли мне у мальчика, как зовут его мать? Нет, это было недостойно меня, — она может оказаться чужой женой.

Появляется первая отшельница с глиняным павлином в руках.

Первая отшельница. Погляди, Всеподавляющий, какая прелестная птица. Чтобы она не разбилась, я ее в платок закутала.

Мальчик *(оглядываясь по сторонам)*. Ты сказала: «Шакунтала»? Где мама?

Первая отшельница. Я сказала «закутала», а ему послышалось «Шакунтала»!

Вторая отшельница. Он так любит свою мать, что даже слабое сходство звучаний этих слов обмануло его...

Душьянта *(в сторону)*. Стало быть, его мать зовут Шакунталой? Впрочем, разве одна только женщина в мире носит такое имя? Но неужели это имя — марево и оно исчезнет, как и моя надежда?

Мальчик. Матушка, мне нравится этот красивый павлин. *(Берет игрушку.)*

Первая отшельница *(с тревогой)*. О, горе, я не вижу амулета на руке ребенка!

Душьянта. Не волнуйся, достопочтенная. Вот он, амулет. Он упал во время возни со львенком. *(Наклоняется, чтобы поднять амулет.)*

Обе отшельницы. Не трогайте, не трогайте его!.. О, создатель, он взял его! (*Пораженные, прижимают руки к груди и смотрят друг на друга.*)

Душьянта. Почему мне нельзя было притронуться к амулету?

Первая отшельница. Послушайте, благородный господин. Этот амулет — волшебное растение, именуемое «Непобедимым». Когда мальчик родился, всеправедный Кашьяпа надел ему на руку этот амулет во время священного обряда. Если амулет упадет, никто, кроме родителей и самого ребенка, не должен к нему прикоснуться.

Душьянта. А если кто другой прикоснется?

Первая отшельница. Тогда амулет превратится в змею и ужалит постороннего.

Душьянта. А вы своими глазами когда-нибудь видели такое превращение?

Обе отшельницы. И не раз.

Душьянта (*в сторону, радостно*). Как мне не радоваться исполнению моих надежд? (*Обнимает мальчика.*)

Вторая отшельница. Суврата, расскажем необычайную новость той, кто блюдет обычаи вдовства. Пойдем к Шакунтале.

Уходят.

Мальчик. Пусти меня! Я хочу к маме!

Душьянта. Сынок, мы вместе встретим твою мать.

Мальчик. Вовсе я не твой сынок, мой отец — Душьянта.

Душьянта (*улыбаясь*). Споря со мной, ты лишь подтверждаешь мою правоту.

Появляется Шакунтала; волосы ее заплетены в одну косу — признак горя по отсутствующему мужу.

Шакунтала. Я услышала, что амулет Всеподавляющего не превратился в змею, и не поверила своему

счастьем. Но, быть может, правда все то, что мне говорила о моем муже Санумати?

Душьянта (*увидев Шакунталу*). Это она, это моя Шакунтала!

Смотрю, — исхудала жена от поста,
Одежда в пыли, а душа-то чиста,
Она моего не запомнила зла,
И волосы в косу одну заплела,
Но помнит меня, но тоскует жена,
И даже в разлуке она мне верна!

Шакунтала (*смотрит на царя — поникшего, испытывающего муки раскаяния*). Этот человек не очень похож на моего мужа. Но кто же он, осквернивший своим прикосновением моего дорогого мальчика, охраняемого чудесным талисманом?

Мальчик. Мама, кто этот человек? Он обнимает меня и говорит мне «сынок».

Душьянта. Любимая, то горе, которое я причинил тебе с такой жестокостью, в конце концов обернулось великим счастьем. Ты узнаешь меня?

Шакунтала (*в сторону*). Сердце мое, успокойся! Судьба перестала мне завидовать и сжалилась надо мной. Это и впрямь государь!

Душьянта. Жена моя!

Развеян тяжкий мрак безумия бывшего,
И волею Судьбы ты предо мною снова:
Затмение кончилось, и Месяц молодой
Вновь вместе с Рохини — любимую звездой!

Шакунтала. Победа государю, побе...

Слезы ей сдавливают горло, и голос ее прерывается.

Д у ш ь я н т а.

Хоть слезы тебе помешали
Мне слово «победа» сказать,
Но я победил все печали,
Едва лишь увидел опять
Лицо твое без украшений
И губ твоих трепет весенний.

М а л ь ч и к. Мама, кто он?

Ш а к у н т а л а. Спроси свою судьбу, мой мальчик.

Д у ш ь я н т а (*падает к ногам Шакунталы*).

Тебя отверг я. Страшная беда!
Но ты из сердца прогони мученье.
Не знаю сам, как у меня тогда
Произошло рассудка помраченье.
Молю,— жестокость позабудь мою!
Как тот слепец, я принял в самом деле
Цветочную гирлянду за змею,
Когда ее на шею мне надели!

Ш а к у н т а л а. Встаньте, государь. Наверно, в одном из прежних своих рождений я совершила грех, и пришло возмездие, и мой супруг отвернулся от меня.

Царь встает.

Но как же к царю вернулась память? Как вспомнил он обо мне, изгнанной?

Д у ш ь я н т а. Я отвечу тебе, но сперва сотру следы горя.

Когда рассудок мой померк.
Во мне возлюбленной рыданья
Не вызывали состраданья,
И я несчастную отверг.

А ныне я смотрю, горюя,
И нет моей тоске границ,
Пока с изогнутых ресниц
Твои слезинки не сотру я.

(Смахивает слезы с ресниц Шакунталы.)

Шакунтала (*увидев перстень*). Государь, это тот самый перстень, который вы мне когда-то пода-рили!

Душьянта. Он вернулся ко мне,— и вернулась моя память.

Шакунтала. Он причинил мне много зла, когда пропал, и я не могла заставить государя мне поверить.

Душьянта. Возьми его: пусть лиана соединится с цветком,— в знак того, что Весна соединяет любящих.

Шакунтала. Я ему не доверяю. Пусть перстень останется у вас.

Появляется Матали.

Матали. Царь, живи долго! Поздравляю тебя с тем, что ты соединился со своей женой и увидел лицо своего сына.

Душьянта. Сладок плод исполненных желаний! Скажи мне, Матали, а разве твой властелин Индра не предвидел хода событий?

Матали (*усмехнувшись*). Что скрыто от богов? Идем, Кашьяпа дарует тебе возможность увидеться с ним.

Душьянта. Шакунтала, возьми с собой нашего сына. Я хочу предстать перед наставником богов с тобой, идущей впереди.

Шакунтала. Я стыжусь того, что великий подвижник увидит меня рядом с государем.

Душьянта. Так поступают в дни торжеств. Идем, любимая.

Все идут. На сцене Кашьяпа и Адити, они сидят рядом.

К а ш ь я п а (*увидев царя*). Адити, дочь Дакши!

Ты видишь Душьянту, земли властелина,
Возглавил он воинов нашего сына,
Он полчища Индры — оплот и ограда,
И все он свершил, что свершить было надо.
И если он лук опустил, отдыхая,
То нашего Индры стрела громовая,
Злокозненных бесов разившая славно,
Становится жалкой игрушкой давно!

А д и т и. О его величии можно судить даже по его внешности.

М а т а л и. Да живешь ты долго, царь! Прародители богов и людей смотрят на тебя так ласково, как будто ты их сын. Подойди к ним.

Д у ш ь я н т а. О Матали!

Не та ли чета предо мной, что воспета
Приверженцами всеблагого обета?
Не та ли чета предо мною, чей дед
Есть Брахма? Чета, от которой на свет
Двенадцать блистательных месяцев года
Родились, — а также сиянье восхода?
Чета, воплотившая бога того,
Кто выше и старше творца самого?
Чета, от которой родился властитель
Всех трех мирозданий, богов предводитель, —
Тот Индра, которого преданно чту?
Скажи, — я ту самую вижу чету?

М а т а л и. Ты видишь родителей Индры.

Д у ш ь я н т а (*приближаясь*). Душьянта, слуга Индры, пришел, чтобы поклонить перед вами колена.

К а ш ь я п а. Живи долго, сын мой. Будь защитой земли.

А д и т и. Да не будет тебе равных, дитя мое.

Шакунтала. Вместе с сыном припадаю к вашим ногам.

Кашьяпа. Дочь моя!

Твой муж, как Индра изобильный, славен,
Джайанте, сыну громовержца, равен
Твой сын, рожденный здесь, в священном доме,
А ты, о дочь, пребудь, как Пауломи,—
С женою Индры ты сравнись судьбою,
Мое благословение — с тобою.

Адити. Да почитает тебя твой супруг. Да живет долго твой сын, да пребудет он счастьем и славой своих родителей. Сядьте с нами.

Все рассаживаются вокруг Кашьяпы.

Кашьяпа (*указывая на каждого*).

Втроем вы уселись вокруг:
Супруга, и сын, и супруг,
То Вера, Расцвет и Завет —
Творения тройственный свет.

Душьянта. Наставник богов! Сначала исполнились наши надежды, а потом мы сподобились увидеть тебя. Велика милость, которую ты нам оказал.

Сперва — цветок, а плод — потом,
А облако — перед дождем,
А перед следствием — причина.
Я здесь обрел жену и сына,—
Мечта исполнилась сперва,
Потом ты нам сказал слова
Благословения святого:
То нашей радости основа.

Матали. Так проявляются добро и милость святых праотцев.

Душьянта. О Прародитель! Я сочетался браком с твоей служительницей по обряду гандхарвов. Когда некоторое время спустя родные привели ее ко мне, я в умопомрачении отверг жену. Тем самым я нанес тяжкое оскорбление родичу твоему, святому Канве. Впоследствии, когда я взглянул на перстень-примету, память вернулась ко мне и я вспомнил, что взял в жены дочь отшельника. Все это кажется мне странным, непонятным.

Я был как тот, кто крикнул: «То не слон!» —
Хоть пред собой слона увидел он.
Но слон ушел, — его сомненье гложет:
«Я видел все-таки слона, быть может?»
Потом он изучает каждый след
И вновь кричит: «То — слон, сомненья нет!»

Кашьяпа. Не вини себя, сын мой. Не по своей воле ты совершил грех. Послушай, как было.

Душьянта. Я внимаю тебе.

Кашьяпа. Когда Менака унесла отвергнутую тобой Шакунталу на озеро апсар и пришла с несчастной дочерью к Адити, я силой йогической сосредоточенности узнал, что невинная страдальца была отвергнута не потому, что ты ее разлюбил, а из-за проклятия Дурвасы. И открылось мне, что проклятие кончится, как только ты взглянешь на перстень.

Душьянта *(со вздохом облегчения)*. Теперь я избавлен от оговоров!

Шакунтала *(в сторону)*. Слава богу! Государь отверг меня не по своей воле. Он действительно забыл меня. Но и я не помню, что меня проклял подвижник Дурваса. Наверно, я так тосковала в разлуке с любимым, настолько была поглощена мыслью о нем, что могла и не услышать проклятия. Теперь я понимаю, почему подруги настойчиво советовали мне, чтобы я обязательно показала перстень супругу.

К а ш ь я п а (*Шакунтале*). Дочь моя, ты узнала истину. Не держи зла против мужа твоего, преданного Закону и Долгу.

Из-за проклятия жену отверг супруг:
Он память потерял, тебя забыл он вдруг.
Но тьма беспамятства развеялась — и снова
Властительница ты супруга дорогого.
Пустует зеркало, когда оно в пыли.
Взглянули в чистое — и мы себя нашли!

Д у ш ь я н т а. Как справедливы эти слова!

К а ш ь я п а. Был ли ты счастлив, сын мой, увидеть здесь мальчика, которого тебе родила Шакунтала? Когда он родился, я сам совершил над ним обряд джа-та-карма,— помазал его губы смесью меда и топленого масла.

Д у ш ь я н т а. Великий подвижник, этот ребенок — опора моего рода. (*Обнимает сына.*)

К а ш ь я п а. Так знай же, что он станет повелителем мира.

На колеснице быстро, без толчков,
Он океан пересечет огромный,
Добудет землю силой неуемной,—
Семь покорит ее материков.
Всеподавляющий — такое имя
Заслужит он деяньями своими.
Когда же уничтожит всех врагов,
Он Бхаратою будет назван скоро:
Держатель Мира и его Опора.

Д у ш ь я н т а. Я жду самых великих свершений от того, над кем сам наставник богов совершил охранительные обряды.

А д и т и. Надо и Канву известить о том, что исполнилась мечта его дочери. Но кого пошлем к нему? Менаку, мать Шакунталы, я не могу послать, она мне нужна здесь.

Шакунтала (*в сторону*). Великая праведница высказала мое заветное желание.

Кашьяпа. Но мудрый Канва, благодаря силе своего подвижничества, предвидел все, что произойдет.

Душьянта. Так вот почему святой отец не слишком гневался на меня!

Кашьяпа. И все же надо к нему отправить вестника. Эй, кто там есть?

Галава (*входя*). Я здесь, наставник.

Кашьяпа. Перенесись, Галава, по воздуху через пространство и отнеси от меня благочестивому Канве счастливое известие: «Проклятие Дурвасы кончилось, к царю Душьянте вернулась память, и он принял в свой дом Шакунталу и ее сына».

Галава. Я исполню твое повеление. (*Уходит.*)

Кашьяпа (*царю*). И ты, сын мой, взойди вместе с женой и сыном на колесницу Индры, твоего друга, и направься в свою столицу.

Душьянта. Как прикажет благой подвижник.

Кашьяпа.

Пусть Индра, чтоб страна оделась в цвет и плод,
Всем подданным твоим обильный дождь пошлет,
Но приношением жертв ты удовольствуй бога,
И если много дашь, то и получишь много.

Да будет ста времен таков круговорот:

Пусть смертный жертвует, бессмертный воздает!

Душьянта. Отец мой, все свои силы я устремлю ко всеобщему благу.

Кашьяпа. Сын мой, что еще отрадное мог бы я для тебя сделать?

Душьянта. Есть ли что-нибудь отраднее того, что ты уже сделал для меня? Но если ты хочешь оказать мне еще одну милость, то прошу тебя:

Для блага подданных пусть правит царь страной,
Пусть всюду ценится святая мудрость слова,
Пусть Шива, властный бог, увенчанный луной,
Не даст мне на земле родиться снова!

*На этом заканчивается драма Калидасы
«Шакунтала, или Перстень примета».*

ПОЭМЫ

ОБЛАК-ВЕСТНИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

За некий грех был проклят якша
 владыкой-богом: «Целый год
Пускай на склонах Рамагири,
 закат встречая и восход,
Под густолиственным навесом,
 в лесу, вблизи прозрачных вод,
Купаньем Ситы освященных,—
 в разлуке с милой он живет!»

Он прожил больше полугода,
 не видя никого вокруг.
Его браслеты золотые
 упали с исхудавших рук.
Однажды на исходе лета
 на облак посмотрел он вдруг:
То на холмы ложился облак,
 то, словно слон, топтал он луг.

Пред облаком стоял в раздумье,
 глотаю слезы, полубог:
Теперь спешат скитальцы к женам,—
 ступила осень на порог,
В такое время и счастливы
 всегда исполнены тревог,
А он тем более — изгнанник,
 что без любимой изнемог!

Но близок шраван — бурный месяц
любовных ласк. И, весь в огне,
Решил он с облаком отправить
весть о себе своей жене.
Поднес ему жасминов свежих
и, пред плывущим в вышине
Прекрасным облаком, свой голос
он поднял в горной тишине.

У смеси ветра, света, влаги
и дыма — разве есть родство
С той думой, что понять сумеет
лишь мыслящее существо?
Об этом не подумал якша:
любовь измучила его,
А тот, кто любит и страдает,
не разумеет ничего!

«Могучий облак, ты свой облик
менять способен каждый час.
Ты приходишь от Пушкары,
чей блеск доселе не погас.
Пусть мне откажешь ты, прошу я:
мне помоги на этот раз, —
Чем недостойного согласье,
милей достойного отказ.

Ты всем страдальцам сострадаешь,
так смилуйся и надо мной.
Доставь жене моей посланье:
бог разлучил меня с женой!
Плыви в Алаку, в город якшей,
который озарен луной,
Что на челе сверкает Шивы,
живущего в тиши лесной.

Пусть жены странников, в разлуке
томящиеся много дней,
Расчешут волосы, надеясь
на возвращение мужей.
Тебя увидев, кто к супруге
не устремится поскорей?
О, пусть никто, как я, не страждет,
наказанный царем царей!

Тебя легко-легко подгонит
приятный, тихий ветерок.
Ты пенье чатаки услышишь,
как только обогнешь отрог.
Гирлянды журавлих, зачатая
предчувствующих близкий срок,
Вдруг обовьют тебя на небе,
среди синеющих дорог.

Как брат, как родич мой, войдешь ты
к моей супруге молодой.
Она считает дни разлуки,
истерзана моей бедой.
Ведь сердце любящей подруги —
листок, что вянет с быстротой.
И только стебелек надежды —
оплот любви ее святой.

Когда твой гром, любезный слуху, —
твой голос прогремит с высот,
Земля покроется грибами
и все живое расцветет.
По водам Манаса тоскуя,
фламинго пустятся в полет,
Питанье — лотоса побеги —
добыв в дорогу наперед.

Теперь вершину Рамагири
ты на прощанье обними.
Здесь каждый след святого Рамы
благословляется людьми.
С тобою раз в году встречаясь,
вершина слезы льет, пойми,
И эти слезы — пар горячий —
как знак любви ее прими.

Я опишу тебе дорогу,
простершуюся под тобой,
А после изложу посланье
к любимой, данной мне судьбой.
Когда почувствуешь усталость,
нагорной опустишь тропой
И пей из родника любого,
прильнув к расщелине любой.

Простушки — жены честных сиддхов —
подумают, почуяв страх:
«О, неужели поднял ветер
большую гору на крылах?»
Но ты, слонов остерегаясь,
что в этих царствуют краях,
На север устремись, не глядя
на землю в сочных тростниках.

Лук Индры — радугу — увидишь
над муравейником большим.
Иль это камни дорогие
горят блистанием живым?
И удивительную прелесть
придаст их блеск чертам твоим,
Как хвост павлиний — богу Вишну,
что пастухом блуждал земным.

Крестьянам урожай даруя,
ты влагу на поля пролей,—
Любовь узнаешь простодушных
крестьянских жен и дочерей.
И, чувствуя их робкий трепет,
плыви над свежестью полей,
Слегка на запад отклонившись,
на север двигайся бодрей.

Тебя, кто умирят ливнем
лесной пожар на склонах гор,
С восторгом примет Амракута
на свой утес вблизи озер:
Ведь и ничтожнейшие ценят
поддержку друга с давних пор,
Так свойствен ли горе великой
неблагодарности позор?

Когда, соперничая чернью
с косою женской, средь плодов
Созревших манго ты возляжешь
в благоухании цветов,
Гора, я знаю, очарует
любви предавшихся богов:
Грудь обнажив, земля в середине
темна и светится с боков!

И, отдохнув на горном ложе,
чьи травы тешат женский взор,
И дождь излив, ты станешь легче
и быстро выйдешь на простор,
Увидишь Реву, чьи протоки
дробятся близ Виндхийских гор:
Как будто на слоновьем теле —
морщин затейливый узор.

Но, снова дождь пролив, наполнись,—
из Ревы ты воды испей:
Она слоновьей течкой пахнет,
плоды бежать мешают ей.
Тебя качать не сможет ветер,
когда ты станешь тяжелей:
Лишь то, что пусто,— легковесно,
а в тяжести — исток вещей.

Кадамбы светло-золотые
проснутся первые цветы,
И почки первые средь листьев
на берегах увидишь ты,
Земли почуяв крепкий запах,
когда горят трава, кусты,
Твой путь повторят антилопы,—
ты их обрызнешь с высоты.

Предвижу: как бы ни стремился
моей жене доставить весть,—
В горах удержишься, чьим склонам
дано пленительно расцвести.
Когда услышишь крик павлинов,—
сумеешь ли глаза отвести
От их глубоких, влажных взоров,
в которых счастье жизни есть?

Увидишь ты в краю Дашарна:
ограды тамошних садов
Цветеньем кетаки белеют;
в селеньях птицы вьют свой кров
На деревьях священных; рощи
уже темнеют от плодов
Поспевших джамбу; для фламинго
здесь временный приют готов.

Войди в столичный град Видишу,
прославленный в любом краю:
Здесь утолишь ты, облак-вестник,
страсть многомогущую свою.
Испей воды из Ветравати:
взглянув на ломкую струю,
Я женщину, что хмурит брови,
в ее изгибе узнаю.

Ты поднимись на гору Ничай:
лишь сядешь на ее хребет,—
Как волоски на теле, вздрогнут
от страсти каждый лист и цвет.
В пещерах — пряный запах плоти,—
утех любовных бурный след:
Здесь горожане и блудницы
неистовствовали много лет.

Передохнув, плыви ты дальше
и капель влаги не жалея
Для расцветающих жасминов,
заглядывающих в ручей.
Прохладой одари цветочниц:
стирают пот со щек, с бровей,
И вянут лотосы от зноя,
свисающие с их ушей.

Пусть даже от пути на север
и уклонишься ты чуть-чуть,—
Дворцов высоких Удджаини
ты не минуй, свершая путь.
Там в очи местных уроженок
такое счастье заглянуть,—
Красавицы при блеске молний
испытывают дрожь и жуть!

Ты страсть утишь водой Нирвиндхьи:
чаруя всех, она течет,
Вкруг стана — пояс птиц кричащих,
безумных от ее красот.
Река игриво обнажила
и грудь, и пуп-водоворот:
Так женщина, когда полюбит,
без слов прельщает и влечет.

Поблекнув от увядших листьев,
с деревьев сброшенных сюда,
Река состарилась в разлуке,
ее коса теперь седа,—
Любовь покинутой супруги
являет грустная вода...
Твой долг — дождем наполнить реку:
вернешь ей молодость тогда!

В селениях Авáнти чудно
рассказывают старики,
Как царь Удáяна был славен,—
ты этот край пересеки,
Лети в Вишалу; благовонны
ее сады и цветники,—
Как будто божества из рая
их принесли к струям реки.

А ветер с той реки доносит
цветенья утреннего новь,
Дыханье лотосов расцветших,
и птиц певучую любовь,
И женам, страстью истомленным,
он силы возвращает вновь,
Как будто он — любовник пылкий,
и речью он волнует кровь!

Плывут, из окон вырываясь,
там благовонья для кудрей,
Благоухания для тела;
ночь проводи в домах царей,
Где пляшут пестрые павлины,—
а в мире нет существ добрей,—
Где сладостны следы сандалий
нарядных жен и дочерей.

Как перед синей шеей Шивы,
склонятся ганы пред тобой.
К Владыке Трех Миров последуй,—
к его обители святой.
Душистый ветер с Гандхавáти,
ласкаясь к зелени густой,
Речной водой благоухает
и лилий водяных пылью.

В какое б время ни вступил ты
во храм, где люди Шиву чтят,
Ты жди, покуда не погаснет
за той обителью закат.
При славословии вечером
не барабаны загремят,
А грома твоего — в честь бога —
гордоглаголящий раскат.

Звения при пляске поясами,
чтобы чертог затрепетал,
К тебе, явив ресницы-пчелы,
взор обратят взамен похвал
Плясуньи, руки простирая,
уставшие от опahal:
Ты им царапины омоешь,—
там, где возлюбленный ласкал!

Окутав рощу — руки Шивы,
 который пляшет допоздна,
Китайской розе уподобясь,
 что, как закат в горах, красна, —
Стань Шиве пляшущему шкурой
 окровавленного слона,
И Дурга преданность такую
 оценит, милости полна.

Когда во мраке непроглядном, —
 хоть проколи его иглой, —
Спешат к любовникам подруги,
 а улица сокрыта мглой,
Как злато на точильном камне,
 ты вспыхни молнией ночной,
Но не шуми дождем и громом:
 их испугает голос твой.

С женою-молнией, уставшей
 дарить сверканьем небосклон,
Ночь проводи на кровле дома,
 где голуби вкушают сон,
А утром вновь пустишь в дорогу, —
 затем что есть святой закон:
Пусть тот не знает промедленья,
 кто просьбой друга вдохновен!

Любовники осушат слезы
 своих встревоженных подруг,
Лишь солнце выйдет, — но за солнцем
 не следуй, вестник мой и друг:
Оно от слез освобождает
 цветы, расцветшие вокруг, —
Так не задень неосторожно
 его горячих, добрых рук.

Чиста, спокойна, беспорочна, —
 вода Гамбхíры хороша,
И, радостная, отразится
 в ее душе твоя душа.
Ее улыбок — блески рыбок
 среди лотосов и камыша —
Не отвергай, а с нею слейся,
 ненужной спесью не греша.

Сорви с нее наряд лазурный,
 который — кажется — слегка
Придерживает, как руками,
 она ветвями тростника,
И ты увидишь, как прекрасна
 та обнаженная река!
Расстаться ли с открытобедрой?
 Но с нею близость так сладка!

А утром ветерок, которым
 смоковницы освежены,
Повеяв запахом душистым
 лесной, цветущей стороны,
Тебя к вершине Девагíри
 поднимет с синей быстрины,
И, весело, сопя, упыются
 его дыханием слоны.

Ты стань потом цветочным ливнем:
 цветов живую благодать,
Слиянную с небесной Гангой,
 ты должен Скáнде ниспослать.
Он, Сканда, — жар, он — семя Шивы,
 и в зеве Áгни запылать
Ему велел трехглазый Шива,
 чтоб Индры не погибла рать.

Твой гулкий гром в торах услышав,
 павлин, друг Сканды, вступит в пляс.
Луну, что увенчала Шиву,
 собрал он уголками глаз.
Он обронил перо, — иль это
 сережка среди звезд зажглась?
Мать Сканды, Бхавани, сережкой-
 пером украсилась тотчас!

Того, кто в тростнике родился,
 почтив, ступай своим путем.
Боясь тебя, отступят сиддхи:
 их лютни обольешь дождем!
Помедли там, где Рангидева,
 своею славою ведам,
Принес коров священных в жертву,
 река течет на месте том.

Когда ты, смуглый, словно Кришна,
 опустишься в речной поток,
То небожители воскликнут,
 что здесь — жемчужный поясок
С большим сапфиром посредине,
 что всю долину он облек:
Он издали как будто узок,
 а близко посмотреть — широк!

С рекой простившись, к Дашапúру
 плыви, и, в те попав места,
Ты возбуди вниманье женщин:
 меняют их глаза цвета, —
И ты подумашь: иль это
 пятнистых ланей пестрота?
Иль реют пчелы золотые
 вокруг жасминного куста?

Отбросив тень на Брахмава́рту,
над полем битвы проходя,
Восславь равнину, где погибли
воители, борьбу ведя,
Где Арджуна могучий стрелы
излил на ратного вожда,—
Так на цветник ты изливаешь
обилье бурного дождя.

Река Сарасвати тобою
да будет ныне почтена:
Ей поклонялся Плугоносец,
кому чужда была война,
Кому казалось, что из чаши
взирает на него жена,—
И, телом темный, ты почуешь:
душа твоя чиста, ясна.

Оттуда в Канакхал направься,
где с тималайской вышины
Спустилась Ганга, чтоб вернулись
на небо Са́гары сыны.
Смеясь над Га́ури ревнивой,
кипеньем ласковой волны
Она волос коснулась Шивы,
венчанных золотом луны.

Когда спиной упрешься в небо,
похож на мощного слона,
Склонись над Гангою, чья влага
чиста, хрустальна и вкусна!
И тень твоя на Гангу ляжет,
и задрожит ее волна,
Как будто не в обычном месте
с Ямуною слилась она.

Достигнешь ты истоков Ганги,—
 вершин, закутанных в снега,
Где мускусом газелей горных
 благоухают берега,
И ты предстанешь черным комом,
 а бык — Трехглазого слуга —
Как будто взрыл тебя, вонзая
 свои могучие рога.

Когда лесной пожар начнется
 среди дремучей темноты
От тренья ветра и деревьев
 и якам опалит хвосты,—
Тысячеструйною водою
 залей пожар: без доброты,
Без сострадания к несчастным
 ни славы нет, ни чистоты.

Пусть на тебя решат шарáбхи
 напасть,— не ведая преград,
Свой путь, для них недостижим,
 ты продолжай из града в град,
Обрушь на хищников насмешки,—
 и ливень свой, и гром, и град,
А трус презрен: его усилья
 не удостоятся наград!

Смиренно обойди ты место,
 где Шивы след запечатлён.
С молением-приношением сиддхи
 сюда идут со всех сторон.
Здесь от грехов освободится,
 кто чтит и веру и закон,—
Он в полубога превратится,
 для светлой вечности спасен!

Когда в бамбук проникнет ветер,
приятно запоет бамбук,
Над Трйпурой победу жены
кимна́ров воспоют, и вдруг,
В придачу к этому, из грома
ты извлечешь за звуком звук,—
И Шива музыкой чудесной
заполнит сладкий свой досуг.

Когда на гималайских кряжах
минувешь эти чудеса,
Проходом Кра́унча на север
пройди сквозь горы и леса,
Где гуси движутся, где беса
прижал, покинув небеса,
Стопою Вишну,— с нею схожа
твоя косая полоса.

Вверх поднимись, чтобы к устушам
Кайласы в гости ты попал.
Их потрясал Десятиглавый,
они являют блеск зеркал,
В которые глядят богини;
как лотосы — вершины скал,
Иль это белый хохот Шивы
окаменел и засверкал?

О, будет зрелище, как только,
как краска, что глазам нужна,
Ты на скале осядешь белой
и схожей с бивнями слона!
Нас потрясет в убранстве темном
сверкающая белизна,
И мы решим: на Плугоносце
одежда тонкая черна.

Когда, змею-запястье сбросив
и руку Гаури подав,
Подняться пожелает Шива
с женой своей на Холм Забав,
Ты, извиваясь, изгибаясь,
поток воды в себе сдержав,
Им помоги взойти на гору,
ступенями для них представ.

Тебя браслетами своими
апсары с хохотом пронзят,
Чтобы на них, купальщиц юных,
ты свой низвергнул водопад,
И, коль прогнать их не сумеешь
в жару, когда ты чужд услад,
Их напугай раскатом грома,—
и побегут они назад.

Воды из Манаса напейся,
где вырос лотос золотой.
Слона большого Айравату
любезно тенью ты прикрой.
Деревья, что осуществляют
желанья, ороси водой
И поднимись на Гималаи,
пленив световой игрой.

Алака там к горе прижалась,
как к мужу — милая жена.
К ногам свою одежду — Гангу —
беспечно сбросила она.
Над башнями ее чертогов
темнеет облаков кошна,—
Как бы красавицы прическа,
жемчужной сетью убрана».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«С тобой сравню дворцы Алаки,
где жены-молнии светлы,
Где слышны барабаны-громы,
картины-радуги милы,
Где драгоценными камнями
в покоех устланы полы,
Где башни, поднятые в небо,
достойны, как и ты, хвалы;

Где жены манят нас цветами,
что круглый год цветут в лесах:
Пыльцою лóдхры — на ланитах,
кура́вакой — на головах,
За ухом — сирисом, жасмином —
в кудрях и лотосом в руках,
В проборе — нйпой, что прекрасна,
когда все небо в облаках;

Где на дворцовых плоских крышах,
украшенных, как небосвод,
Созвездий отблеском хрустальным,—
утех любовных сладкий плод
С подружками вкушают якши,
где древо чудное цветет,
Где, словно барабаном, громом
ты возвещаешь свой приход;

Где ты луне мешать не станешь,
чтобы она свой свет зажгла,
Чтобы возникла в лунном камне
вода, целебна и светла,
Чтоб камни лунные, сквозь окна,
ласкали женщин, чьи тела
Изнемогли от ласк любовных,—
тогда усталость бы прошла;

Где облака, которых к башням
приподнял ветер молодой,
Стенные росписи чертогов
своею залили водой
И, как бы убоясь, из окон
дрожащей вышли чередой,
Хитро прикидываясь, будто
преобразились в дым густой;

Где женщины, когда одежды
любовники срывают с них,
Вдруг потеряв соображение,
самих себя стыдясь, нагих,
Бросают порошок сандала
в огонь светильников своих,
Надеясь тщетно, что погасят
весь жар камней дорогих;

Где путь ночной влюбленных женщин,
едва заря блеснет светлей,
Поймешь ты по цветам, опавшим
из локонов, из-за ушей,
По ожерельям, оброненным
с подрагивающих грудей,
Когда красавицы спешили
домой добраться поскорей;

Где Кама, бог любви, из страха
 что здесь живет Куберы друг,
Надеть при Шиве не посмеет
 с пчелиной тетивою лук,
Но вместо бога взгляды-стрелы
 из-под бровей — высоких дуг —
Красавицы надменно мечут, —
 и столько раненых вокруг;

Где, северней дворца Куберы,
 увидишь ты мой дом: видна
Издалека над входом арка,
 подобна радуге она,
Где мандару в саду взрастила,
 как дочь приемную, жена,
И к нам, чтоб мы цветы срывали,
 ветвей склонилась купина.

К пруду, покрыты изумрудом,
 ведут ступеньки в том саду,
Где лотосы в воде златятся
 у всех деревьев на виду,
И гуси радостны, и даже
 увидев облаков гряды,
Отсель на юг не улетают,
 привыкнув к чистому пруду.

На берегу пруда прекрасна
 Гора Забав; ее покров —
Сапфиры, а кругом — бананы,
 и ярко золото дерёв.
Когда ты молнией сверкаешь,
 я мыслю, духом нездоров,
Что ты и есть гора, с которой
 жена беседует без слов.

В саду лианами обвита
беседка, и цветы кругом;
Растет багряный ствол ашоки
с прелестной кесарой вдвоем:
Его, как и меня, пусть ножкой
толкнет жена в саду моем,
Его, как и меня, любовным
пусть напоит она питьем.

Изубран снизу изумрудом,
зеленым, как весной бамбук,
Шест золотой стоит меж ними.
На нем сидит павлин, твой друг.
Когда любимая в ладони
ударит,— он запляшет вдруг,
И зазвелят ее браслеты,
и зазвенит земля вокруг!

С приметами такими в сердце
легко найдешь мой дом, поверь.
Рисунок: раковина сверху
и лотос — украшает дверь.
Но без хозяина жилище
уныло выглядит теперь:
Так лотос блекнет на закате,—
и он тоскует от потерь!

Чтобы спуститься поскорее,
стань тонким, словно юный слон,
И на Горе Забав чудесной
присядь, дорогой утомлен.
Да будет молнией твоею
мой дом внезапно озарен,—
Как будто светлячки, сияя,
к нему спешат со всех сторон.

Там — лучшее творенье Брахмы —
моя вторая жизнь живет.
Смугла, стройна, с глубоким лоном,
уста — багряный, яркий плод,
Так бедра тяжки, что подруга
походкой медленной идет,
Благодаря груди высокой
чуть наклоняется вперед.

Глядит глазами робкой лани,
почти всегда молчит: жена,
Разлучена с любимым мужем,
быть молчаливою должна.
Как другом брошенная лебедь,
она уныния полна,
Как лотос осенью ненастной,
она слаба, она больна.

Дыханье на губах поблекших
от жарких вздохов запеклось,
Она в тоске склоняет долу
глаза, опухшие от слез,
Лицо ее полусокрыто
копной неубранных волос,—
Как будто месяца сиянье
густою тучей облеклось.

Увидишь ты ее: то с жертвой
она стоит у алтаря,
А то по памяти рисует,
из красок облик мой твоя,
А то стоит пред птицей в клетке,
с любимицею говоря:
«Ты помнишь, как тебя хозяин
голубил, на руки беря?»

То с милой лютней на коленях,
одета в старенький наряд,
Она поет — слагает строки,
что именем моим звенят,
С трудом настраивает струны —
и застывает влажный взгляд,
Поет — и тут же забывает
и собственную мысль, и лад.

То дни и месяцы считает,
цветами завалив порог,
По лепесткам считает, — скоро ль
окончится разлуки срок.
То в чудном вымысле со мною
сливается, и так высок
Сей вымысел: для бедных женщин
он — утешения исток.

Днем, посреди забот обычных,
разлука менее трудна,
Но по ночам невыносимо
гнетет любимую она.
На земляном полу подруга
лежит в слезах, не зная сна, —
Утешь ее моим приветом,
встань среди ночи у окна!

Она лежит, как тонкий серпик —
луны шестнадцатая часть:
Ее измучила разлуки
сердцегубительная власть.
Ночь длится бесконечно долго, —
ей хочется ее проклясть...
Как быстро пролетали ночи,
когда кипела наша страсть!

На щеки волосы нависли,
омытые простой водой,
Не умащенные... А губы
как бы обожжены бедой.
Она желает в сновиденье
соединения со мной,
Но сон в глаза войти не может
сквозь слезы, что текут рекой.

Рукой с отросшими ногтями
отбрасывает от щеки
Ту косу, что груба на ощупь,
что в первый день своей тоски
Она сплела, не красят косу
цветов душистых лепестки,—
Я расплету ее, как только
вновь станут дни мои легки!

В окно посмотрит на мгновенье,—
там лунные лучи блестят,
Они стремятся ей навстречу —
и возвращаются назад:
Они страдающих не любят...
И вновь она потупит взгляд,—
Как лотос осенью, который
не спит и все же сном объят.

Подруга мечется на ложе,
не зная сна, худа, хрупка.
Не отягчает жемчуг шею,
а тяжесть в сердце велика.
Ей сострадая, ты заплачешь,
когда придешь издалека:
Слеза рождается слезою,
тоской рождается тоска.

Она несчастна, потому что
 страдает от любви ко мне,—
Все это вижу я, как будто
 я с ней сейчас наедине.
Поверь, не хвастаюсь нисколько,
 рассказывая о жене,—
В моих словах, о брат мой, вскоре
 сам убедишься ты вполне!

Она свои глаза не красит
 уж много месяцев подряд,
Не смотрит искоса игриво,
 не знает никаких усад,
Но задрожат глаза, как только
 предстанешь ты пред ней, мой брат,—
Так при движенье быстрых рыбок
 два лотоса в воде дрожат!

Бедро — белей ствола банана —
 на ложе вздрогнет земляном.
Бедро давно без украшений,
 и нет уже давно на нем
Следов моих ногтей,— тогда я,
 слиянный с ней, пылал огнем,
И, ею наслаждаясь, я гладил
 бедро в томлении ночном.

А если наконец уснула,—
 возлюбленную не буди:
Лианы рук моих ей снятся,
 и трепет у нее в груди.
Пусть узел этих рук горячих
 не разорвут твои дожди,
Прошу: одну лишь стражу ночи
 ты подожди, о, подожди!

Ты разбуди ее позднее,
 повеяв свежим ветерком,
Что влагой напоен и пахнет
 ночным жасминовым цветком,
И, молнию в себе смирив,
 встань у окна, и не тайком —
Открыто весть мою поведай
 ей громометным языком:

«Я — облак-водонос, я — вестник
 того, что скорбью поражен.
Ты не считай себя вдовою, —
 он жив, он верен, он влюблен.
Я тот, кто путников торопит, —
 усталых и забывших сон:
«Вернитесь, косы расплетите
 своих измучившихся жен!»

Когда ты скажешь это слово,
 посмотрит на тебя она
Внимательно и благодарно:
 вот так в былые времена
Внимала Сыну Ветра — Сита,
 в разлуке верная жена:
Весть о любимом для супруги
 почти свиданью с ним равна.

Ты ей скажи, долгоживущий:
 «В приюте Рамы твой супруг
Нашел прибежище. Он просит,
 чтоб у тебя, как верный друг,
Узнал я: как твое здоровье?
 Познавшим тяготы разлук
Узнать, что милая здорова, —
 есть исцеление от мук.

Отторгнут от тебя Судьбою,
 он от тебя неотделим.
В мечтах свое худое тело
 сближает он с твоим худым,
Свою слезу — с твоей слезою,
 свой вздох больной — с твоим больным,
Свою печаль — с твоей печалью,
 свое страдание — с твоим.

Бывало, при твоих подругах,
 он шепотом произносил
То, что сказать не стыдно громко;
 теперь, в томлении, без сил,
Сокрыт от глаз твоих и слуха,
 меня изгнанник попросил,
Чтоб я тебе глаголом грома
 его посланье возгласил:

«Твой взгляд подобен взгляду лани,
 чело высокое — луне,
Твой стан я узнаю в лиане,
 изогнутую бровь — в волне,
А локоны — в павлиньих перьях,
 а щеки — в заревом огне,
Но цельное твое подобье
 еще не повстречалось мне!

Лишь камнем на скале твой страстный
 и юный облик воссоздам,
Себя чуть ниже нарисую,
 припавшего к твоим ногам,—
Как тотчас же от слез ослепну,
 и нет конца моим слезам:
Быть вместе даже на рисунке
 Судьба не разрешает нам!

Ты снишься мне, я простираю
с надеждой руки, но едва
К тебе приближусь,— обретаю
лишь призрак вместо естества,
И, мне сочувствуя всем сердцем,
лесные плачут божества,—
Вот почему росой жемчужной
покрыты ветви и трава.

Когда приносит с Гималаев
на юг летящий ветерок
Мне запах почек деодаров,
их свежий, их смолистый сок,
Хочу я к ветерку прижаться,—
ведь он твоих касался щек,
Он твой земляк, он северянин,
а я на юге одинок.

Хочу, чтоб долгота ночная
мгновеньем сделалась одним,
Чтоб день в любое время года
был и прохладным и сухим,
Ты знаешь, почему, родная,
я стал беспомощным таким?
Меня измучила разлука,
я болью долгою томим.

Но верю я в конец разлуки,—
огонь надежды не погас.
В отчаянье не приходи ты,—
вот мой совет и мой наказ.
Изменчив мир. Для всех живущих
есть горя час и счастья час.
Пойми: Судьба — колесный обод —
то вверх, то вниз бросает нас.

Когда, на змее Шéше спящий,
проснется Вишну, вскинув рог,
Окончится мое изгнание,
окончится проклятья срок.
Четыре месяца осталось,—
день встречи нашей недалек,
Я жду, чтоб лунный свет осенний
нас негой сладостной облек!»

Еще сказал твой муж: «Однажды
лежали мы в тиши ночной.
Вдруг ты проснулась с громким плачем.
Тебя спросил я: «Что с тобой?»
Не сразу и улыбку пряча,
ты мне дала ответ такой:
«Мне снилось, будто бы, негодный,
ты наслаждаешься с другой».

Ты вестнику должна поверить.
Порой услышишь иль прочтешь:
«Разлука — для любви гибель».
Но это бредни, это ложь!
Любовь становится огромней,
когда в разлуке ты живешь,—
Огонь охватывает душу,
по телу пробегает дрожь!»

Я на твою надеюсь помощь,
о брат мой, отпрыск облаков.
Не есть отказ твое молчанье:
ты с виду, может быть, суров,
Но птиц, страдающих от жажды,
водою ты поишь без слов,—
Блажен, кто делом, а не словом
помочь просящему готов.

Меня жалея или дружбы
к беспомощному не тая,
Чтобы мою исполнить просьбу,
плыви в далекие края.
Пусть красоту твою умножит
дождя прозрачная струя,
Пусть будет молния с тобою —
жена любимая твоя!»

РОЖДЕНИЕ БОГА ВОЙНЫ

1

Женою Шивы сделалась Парвáти,
Но охватила робкую тревога,—
Она хотела убежать от бога,
Хоть страстно жаждала его объятий.

Он с ней заговорит,— она ни слова,
Он тронет грудь ее,— она пылает,
Но, чувствуя, что муж ее желает,
Желания чуждалась молодого.

Как бы любовью утомлен, ресницы
Сомкнет он,— припадет к нему средь ночи,
Он улыбнется ей,— закроет очи,
Как будто в небе вспыхнули зарницы.

Она дрожала под его рукою,—
Он руку останавливал неожиданно,
Но так всегда случалось, что вокруг стана
Развязывался пояс сам собою.

«Ты услади,— твердили ей подруги,—
Возлюбленного, жадного к усладам»,—
Но, с ним на ложе оказавшись рядом,
Советов их не помнила в испуге.

О пустяках беседа шла, бывало,
И спрашивал, и ждал ответа Шива,
Но, глядя на любимого стыдливо,
Она безмолвно головой кивала.

Сорвет он ткань с груди, свой взгляд утрит:
Он на челе раскроет третье око,—
Она застынет и, вздохнув глубоко,
Свои глаза ладонями прикроет.

Едва ее обнимет он,— вдоль тела
Беспомощно ее повиснут руки:
Боялась,— Шива причинит ей муки,
Хотя она любви его хотела.

Желала без укусов поцелуя,
И чтоб ей ногу не цапал ноготь:
Себя лишь нежно позволяла трогать,
В любви лишь нехотя себя даруя.

Когда подруги днем ее просили
Поведать, как прошла пора ночная,
Она, стыдясь и дивно замирая,
Молчала в упоительном бессилье.

Увидит в зеркале себя с любимым
Наутро после робкого сближенья,—
И кажутся ей оба отраженья
Единым существом неразделимым.

С отрадою смотрела мать Парвати
На юность, что любимому желанна:
Мать счастлива безмерно, несказанно,
При виде счастья своего дитяти.

А дочь воистину вкушала счастье!
Сначала наслаждаясь поневоле,
Она избавилась от чувства боли,
Неспешно постигая чудо страсти.

Она теснее к мужу прижималась,
Блаженствовала, рядом с ним покаясь,
Руке, срывавшей в нетерпенье пояс,
Уже едва-едва сопротивлялась.

Был каждый час для них необычайным.
Боясь расстаться даже на мгновенье,
Они извели в самозабвенье
Приверженность к любовным ласкам тайным.

Их сочетала нега золотая,
Друг другом упивались неустанно:
Река спешит в объятья океана,
Он пьет, к устам, — нет, к устью! — припадая.

Чтоб насладить жену и насладиться,
Он обучал ее искусству страсти,
И, благодарная за соучастье,
Ему себя дарила ученица.

От боли, нижней губке причиненной
Его зубами, тем она спасалась,
Что ртом горящим холода касалась
Луны, на лбу супруга вознесенной.

Лишь западала в третий глаз глубоко,
С ее кудрей слетая, пыль сандала, —
Ее дыханью, что благоухало,
Как лотос, подставлял он это око.

Так во дворце владыки гор, у тестя,
Столь добрый к божеству любви, и полон
Желанья, и желаемый, провел он
Весь месяц с молодой женою вместе.

Расставшись с тестем, горестью объатым
Из-за разлуки с дочерью, Всевластный
С возлюбленной, покорной и прекрасной,
Умчался на быке своем горбатом.

Как ветер, бык летел, преград не зная,
И возвышались груди у любимой,
И бог познал ее ненасытимый
Там, где сияла Мера золотая.

На Мандаре, в ущелье под скалою,
Где Вишну шел, ища уединенья,
Где амритой обрызганы каменья,
Он вился над лицом-цветком пчелою.

Рев Раваны подруга услышала,—
И мужа в страхе обняла за шею,
Когда на бурый кряж он прибыл с нею,
А на челе его луна сверкала.

На Малайе блаженную усталость
Почуяла Трехглазого подруга,
Но свежесть приносил им ветер юга,
Пыльца дерев гвоздичных их касалась.

Ударив лотосом его,— был весел
Возлюбленный,— она разоблачалась,
Смежив глаза, и в воду погружалась,
И рыбки поясом вились вокруг чресел.

Достойными и дочери Пуломы,
Он украшал ее цветами рая.
Апсары, вождедея и пылая,
Смотрели на него, полны истомы.

Так наслаждался мощный бог усладой
Земной и в то же время неземною,
Потом нашел прибежище от зноя
Под сенью рощи, веющей прохладой.

Сказал: «Взгляни,— на скалах и на речке
Неравномерны тьмы и света пятна:
Гора при лунном свете, вероятно,
Напомнит нам слона во время течки.

Вот лотос белый, что приятен взору,
Устав от пчел, жужжащих беспощадно,
Сей желтый лунный сок впивает жадно
И раскрывается в ночную пору.

Смотри,— повисло лунное сиянье
На дереве волшебном, но неожиданно
Развеял ветер существо обмана:
Сияньем притворилось одеянье!

Мне кажется,— тебе собрать не трудно,
За каплей каплю, лунное свеченье,
Упавшее на каждое растение,
И волосы свои украсить чудно.

Здесь Месяц, трепетным владея диском,
Со звездочкой соединился юной:
Невинная страшится страсти лунной,—
Возлюбленный впервые стал ей близким!

Как мякоть сахарного тростника, ланиты
Твои сверкают свежей белизною,
Но ты на небо смотришь,— и луною
Так восхитительно они облиты!

«Вкуси,— тебя богиня рощи просит,—
Вина, рожденного волшебным деревом:
Оно отраду юношам и девам
В сосуде — в камне солнечном — приносит!»

Твой рот, благоухая, пламенеет,
И страсть в глазах пьянит природным
хмелем,—
К чему ж вино с его пустым весельем
Тебе, из-за кого твой муж пьянеет?

Но дар богини ты прими как благо.
Испей вина любви из камня-кубка!» —
Так Шива говорил подруге хрупкой
И напоил ее волшебной влагой.

Как амра скромнолиственная властью
Творца внезапно обретает чары
Обильного цветенья сахака́ры,—
Жена зажглась чарующею страстью.

Забыла стыд, присущий ей дотоле,
И над собою две признала власти:
Супруга власть и власть пьянящей страсти,—
Ей было сладко у двоих в неволе!

Глаза блуждали, речь была невнятна,
На лбу ее блестели капли пота,
Не ртом, а взглядом, жаждущим чего-то,
Он пил ее, пил долго, многократно.

Ее он поднял с поясом повисшим,
Отнес жену в укромные покои,
И круглых бедер бремя дорогое
Могло сравниться с даром наивысшим!

На лебедеподобном покрывале,
Казавшемся прибрежьем Ганги чистым,
Они вдвоем на облаке волнистом,
Как Месяц со звездой, возлежали.

Лишь на рассвете, над подругой сжалась,
В кольце объятья бог неутоленный
Дал отдых ей, любовью истомленной,
И томно веки у нее смежались.

Проснулся бог, чью мудрость хвалят мудро,
Проснулись лотосы, вода в запруде,
Кимнары — полукони-полулюди —
Благословили радостное утро.

Родившийся на гималайских склонах,
Примчался ветер, запахами вея
Цветов и вод озерных и лелея
Ослабивших объятия влюбленных.

Одежду ветер распахнул некстати,
Следы ногтей явил на бедрах смело!
Когда она прикрыть пыталась тело,
Влюбленный бог удерживал Парвати.

Он видел покрасневшие от бденья
Ее глаза, и лик ее желанный,
И рот, и над бровями знак багряный,
И волосы, не знавшие стеснения.

Чета и днем постель не покидала,
И ни на миг не прерывалась ласка,
И с ног возлюбленной сходила краска,
Пятная скомканное одеяло.

Он упивался уст ее нектаром,
И чем он больше пил, тем жаждал боле,
Он стал незримым для богов по воле
Любимой, запывавшей нежным жаром.

Как ночь одна, сто месяцев промчались,
Но как огонь в глубинах океана,
Водой питаясь, жаждет постоянно,—
Так близостью они не насыщались!

2

Любимая — лотоса белый цветок,
А Шива — пчела, что нектара взыскует.
С ней слившись, услышал он: голубь воркует,
Внезапно влетевший в укромный чертог.

Он перлы разбрасывал томных речей,
Как бы подражая красавицам страстным,
Глаза округлял он с мерцанием красным,
Красуясь изогнутой шеей своей.

На кончиках ног у него завитки
И лунного цвета его оперенье.
Кружился, расхаживал он в опьяненье,
И были кружения эти легки.

Сперва был обрадован бог: «Предо мной —
От Камы и Рати гонец вождеденный.
Из озера он прилетел, — сгусток пены, —
Где плещется Кама со Страстью-женой!»

Но в нем божество распознал он потом:
То Агни явился к нему, но обличье
Избрал он теперь голубиное, птичье!
Был Шива рассержен подобным послом.

Свой истинный облик приняв, бог огня,
Трясаясь от испуга и голос понизив,
Ладони почтительно к сердцу приблизив,
Сказал: «Не сердись, властелин, на меня!

Весь мир возглавляется мудро тобой.
Богов осенил ты своей благодатью.
К тебе, побежденные демонской ратью,
Ведомые Индрой, взываем с мольбой.

Слиянный сто месяцев с телом жены,
Ты лаской любовной сто месяцев занят,
Но Индра тревожится, — гибель настанет,
И боги, не видя тебя, смущены.

Служить, о Владыка, тебе мы хотим,
Меня громовержец послал грознолицый,
А с ним — и все боги, и в облике птицы,
О Мудрый, предстал я пред взором твоим.

Прости нам вину и не гневайся впредь.
Подумай: враждебною ратью разбиты,
Лишившись твоей вековечной защиты,
Могли ли мы дольше отсрочку терпеть?

Будь милостив, сына создай ты для нас,
Чтоб славился доблестью, мощью военной,
Чтоб Индра остался защитой Вселенной,
Чтоб войско богов он от гибели спас».

Внимая разумному богу-послу,
Обрел Миротворец в душе своей милость,
К молениям богов его сердце склонилось,
И горы воздали Владыке хвалу.

И, бога отринув, внушавшего страсть,
Задумался Шива о том, кто прославит
Бессмертных, кто Тараку-беса заставит
Пред Индрой на поле сражения пасть.

Всезнающим будучи йогом, он мог,
С Парвати сливаясь, удерживать семя:
Одной лишь услады желал он все время,—
Не ради потомства любил ее бог!

Прервал он соитие, сверкая светло,
И семя, не ведая лона подруги,
Зажглось, как огонь при skonчании юги,
И в тело могучего Агни вошло...

Как зеркало, Агни блистал чистотой,
Но только наполнился он изобильным
Тем семенем, Шивой испущенным сильным,—
Оно словно дым заклубилось густой,—

Тотчас же он в темный окрасился цвет,
Как ясное зеркало, что ненароком
Слезам испорчено — мутным потоком...
Теперь-то потомство родится на свет!

Но, глядя с обидой на бога-посла,
Улады телесной лишенная, в гнев
Воскликнув: «Да будешь ты с дымом
во чреве!» —

Парвати владыку огня прокляла:

«Отныне ты всепожирающим стань,
И, миром отвергнутый, как прокаженный,
Да ужас внушишь ты земле пораженной
И в темную ночь, и в рассветную рань!»

Как лотос, что сморщился, холод познав,
Как месяц ущербный на небе ненастном,—
Был семенем обезображен ужасным
Бог Агни,— и быстро ушел, запылав.

Парвати в смущенье потупилась вдруг,
Своей устыдившись обиды телесной,
Но чувственностью изукрасил прелестной
Слова утешенья влюбленный супруг.

Размазались каплями пота у глаз
Две тонких черты, черной сделаны краской,
Но Шива набедренной смятой повязкой
Их стер,— и улыбка Парвати зажглась.

Лицо ее — лотоса белый цветок —
Росинками пота покрылось, но Шива
Росинки ладонью убрал терпеливо,—
То веера веял ночной ветерок.

Роняя цветы, распустилась коса,
И ей на плечо при сближенье упала,
Но Шива гирляндой алее коралла,
Цветами, украсившими небеса,

Связал ее косу,— супруг, чье чело
Луною украшено, силой дарящей,
Вместилищем амриты животворящей,—
И та диадема сверкала светло.

Он мускусом вывел на милой скуле
Полоску — как будто строку заклинанья,
Чтоб страстного бога любви и желанья
Развевалась бурная власть на земле!

К ушам прикрепил ей колеса серег,
И стало лицо ее как колесница,—
Казалось, что с луком натянутым мчится
Любви и желанья стремительный бог.

Он ей ожерелье на шею надел,—
Оно, словно Ганга святая, блистало,
И сходством с лианой оно обладало,
И был у жемчужного славный удел:

Спускаясь к груди, два чудесных соска
Оно прикрывало, и грудь возвышалась
Двухолмною Меру, и к ней прикасалась
Лиана,— нет, Ганга, святая река!

Едва лишь двух ягодиц круглых плоды
Набедренною обвивал он повязкой
И видел: проложены жаркою краской,
Ногтей его свежие рдели следы,—

Казалось, что враг его — чувственный бог —
Силками желанья обвязывал разом
Его прихотливо мятущийся разум,
Который, как в путах олень, изнемог.

Из глаза, что был в середине чела,
Для глаз ее краску он взял почернее,
Свой палец потом приложил к синей шее,—
И с пальца вся черная краска сошла.

Окрасил,— чтоб стали нежней и милей,—
Он ножки красавицы краскою красной,
И вымыл он руки в той Ганге всевластной,
Струящейся меж его темных кудрей.

Он зеркало взял и потер о свое
Пахучей травой умащенное тело,
Чтоб ясно подруга себя разглядела,—
Родная, как собственное бытие!

Узрела она сладострастных утех
Следы, нанесенные пылким супругом,
На бедрах нагих,— и с притворным испугом
Отпрянула, и зазвенел ее смех.

Украшена мужем, в зеркальном стекле
Увидев свою обнаженную прелесть,
Сказала,— а щеки ее загорелись:
«Красивее женщины нет на земле!»

Настала пора — к госпоже дорогой
Служанки вошли, улыбаясь, в покои,
Украсили тело ее молодое,
А Шива сжимал его властной рукой.

Придворных певцов раздались голоса,
Хваленья свои вознесли полубоги,—
В честь Шивы, что счастлив был в тайном
чертоге,
Звенели и пели ручьи и леса.

Прислужник вошел, улучив нужный миг,
О сонме богов доложил господину:
Его почитая, взошли на вершину,—
Да видит их верность Владыка владык!

Взял за руку Дочь Гималаев супруг,
И, выйдя, предстал он с красавицей горной,
С той лебедью белой, царицей озерной,
Пред сонмом богов, что толпились вокруг.

Их Индра привел, возглавляющий рать,
И боги, сложив перед грудью ладони,
Почтили Владыку в безмолвном поклоне
И трех мирозданий прекрасную мать.

С женою воссел на быка властелин,
У коего бык нарисован на стяге,
Богов отпустил, — да пребудут во благе, —
Помчался над травами гор и долин.

А бык его двигался мысли быстрее,
Меж тем на повозках летающих боги
Приветствовали на небесной дороге
Того, кто всех выше, сильнее и мудрей.

Впивающий Ганги небесный поток,
Ласкающий женщин на ложе, усталых
От бурных любовных утех, обведал их, —
Парвати и мужа ее, — ветерок.

На гору Кайласу спустился с женой
Владыка, — на кряж, где несметные змеи
Блестели, вясь, как у Шивы на шее,
Как Шива, Кайласа венчалась луной.

Кристаллы горы — словно сотни зеркал,
И каждой из женщин небесных казалось,
Что то не она в зеркалах отражалась, —
Что друг не ее, а другую ласкал!

Казалось, что множились луны кругом,
Свечение играло на каждом кристалле, —
Иль капельки мускуса вдруг заиграли
На теле возлюбленной полунагом?

А если вожатый — разгневанный слон —
Себя в кристаллическом видел разломе,
Он думал: другой возле самки в истоме —
И камни клыками он бил, разъярен.

Когда среди горных зеркальных громад
Небесные жены на звезды смотрели,
Казалось им, что жемчуга ожерелий
Распались во время любовных усад.

Когда на вершину всходила луна,—
В ней судха — напиток богов — заключалась,—
Как бы диадемой Кайласа венчалась,
И Шиве гора становилась равна.

Богам, возжелавшим красавиц нагих,
Когда все четы умножались в зеркале,—
Казалось: их жены другие ласкали,
И сами они обнимали других.

Не ведая устали, ночью и днем,
Владыка, охваченный страстью к богине,
На той кристаллической горной вершине
Любви предавался, пылая огнем.

Пойдут ли туда, где струится родник,—
Сжимал ее крепким объятием Шива,
Ласкаясь, Парвати смеялась игриво,
А спереди двигался их проводник.

А Бхр́инги, как Шивы приказывал взор,
Плясал, чтобы радость доставить Парвати.
Был зуб его каждый подобен лопате,
Дрожал хохолок, длинный клюв был остер.

Плясала,— звенела под нею тропа,—
Злых духов владычица, черная Кали,
Чьи зубы губительный яд источали,
Вкруг шеи болтались на ней черепа.

Страшилищ движеньями потрясена,
Их рева боясь и пугаясь их пляски,
У мужа ища покровительства, ласки,
К нему прижималась всем телом жена.

Двух полных грудей ощутив круглоту,
В неистовство он приходил, возбужденный
Желаньем, и, богом любви опьяненный,
С любимой сливался средь рощи в цвету.

Внимая певцам на Кайласе-горе,
Был счастлив Владыка с женой дивногрудой.
Причуда сладчайшей сменялась причудой,
И было блаженство в любовной игре.

3

Пред Индрой, сидевшим с богами главнейшими всеми,
Предстал бог огня, поглотивший горящее семя,

И Агни, окутанный серым, клубящимся дымом,
Для Индры, для Тысячеглазого, сделался зримым.

Задумался Индра, и понял он, громоречивый,
Что бедствие Агни есть следствие ярости Шивы.

С раздувшимся телом и дымом дымящийся плотным,
Огня повелитель уселся на месте почетном.

«О Жертв Пожиратель, откуда беда твоя ныне?» —
Так Индра спросил, и отвечивал Агни в унынье:

«Чтоб волю исполнить твою, о бессмертных вожатый,
Я голубя принял обличье, и, страхом объятый,

Я к Шиве примчался, когда возлежал он с Парвати,
А та пламенела в кольце непрерывных объятий.

Но Шива меня распознал, и задумал он разом
Изжечь меня третьим своим огнемечущим глазом.

Но я восхвалил и восславил Владыку с любовью,
И Шива смягчился, — кто в мире не рад славословью?

Меня защитил он, добра утвердивший устои,
От пламени гнева, что все пожирает живое.

Слиянье с возлюбленной резким прервал он движеньем,
От близости он воздержался, охвачен смущеньем.

Он семя, которое мощно и жгуче блестело,
Три мира способное сжечь,— поместил в мое тело.

И с семенем этим, чья сущность —
могучесть и жгучесть,
Вошло в меня пламя, и стала тяжка моя участь.

Сверхмощью своей превзойди ты могущество Рудры!
Смотри: я горю изнутри. О, спаси меня, Мудрый!»

И, выслушав Агни, верховный в божественном стане
Стал думать о том, как избавить его от страданий.

Он тронул места, обожженные семенем Шивы,
На теле посланца и молвил в ответ на призывы:

«Ты жертвы берешь у того, кто тебе их приносит,
Но также тому воздаешь, кто почтительно просит.

Жрецы, призывая тебя, очищаясь от скверны,
Вкушают блаженство,— ты путь указуешь им
верный!

О Жертв Пожиратель,— подвижником снова и снова
Ты силу даешь,— ты, кто подвигов мощь и основа!

Все жертвы ты Солнцу относишь: а там и Парджанья,
Властитель дождя, производит воды излианья;

Рождается пища от Солнца, и жертвы, и влаги:
Ты — Жизни Родитель, о светлом пекущийся благе!

Ты силу, начало и суть всех существ составляешь,
И все существа ты поэтому осуществляешь.

Источник единственный ты процветанья земного, —
Источника, кроме тебя, не найдется иного!

Огонь, только ты нам поможешь достигнуть победы,
А ради добра да прославлены будут и беды!

Ты знаешь, что Ганга к нам, преданным ей,
благосклонна.
Тебе избавленье от мук принесет ее лоно.

В нее погрузись! Так ступай же ты к Ганге поспешно,
А если промедлишь, — не кончится дело успешно!

Богиня реки Миросущего есть воплощенье.
Ей семя отдашь, — и твое прекратится мученье».

Так Индра сказал и замолкнул, и Семиязыкий
Огонь с упованьем отправился к Ганге великой.

Пришел и принес он реке свое тяжкое бремя, —
Да примет она золотое, горящее семя!

Богиня верховная вод, что страдающим внемлет,
Как лестница, благочестивых на небо подъемлет,

Что стала для смертных дорогою освобожденья,
Что скверну уносит всей чистою силой течения, —

Из огненных вод повскакали все рыбы в испуге,
Как будто бежали от страшного пламени юги,

От мощного семени Шивы вскипая валами,
Свирепые воды вздувались, одетые в пламя!

Лишь око вселенной — лишь Солнце зажглось
на востоке,
Явились шесть звезд искупаться в небесном потоке.

Шесть крѣттѣ в месяце магхе,
шесть ярких блистанья,
За Месяцем замужем, к Ганге пришли для купанья.

Чтоб в волнах плескаться, пришли они к Ганге,
чьи воды
Касались богов, омывали небесные своды.

Пришли они к Ганге, где мудрые муни — святые,
Омывшись, как должно, цветы собирали густые,

И зернами дѣрвы, рассыпанными в изобилье,
Свершая обряд, мелких тварей и пташек кормили.

Пришли они к Ганге, на берег ступили, где йоги
Приют обрели, все мирские отвергнув тревоги,

Застыли в провидческом сне, чтоб прийти
к пониманью
Вселенского духа, одетые желтою тканью.

Пришли они к Ганге, где брахманы песней, для слуха
Священной,— на цыпочках,— славили Высшего Духа.

И впали в отчаянье, стали кричать с перепугу:
Что, грешные, Месяцу скажут, что скажут супругу?

Они в тростники побежали и там, за кустами,
Все вместе извергли зародыш во страхе и сраме.

Шесть женщин над зарослями полетели густыми,—
Сверкал и лучился зародыш, покинутый ими.

Блистаньем своим сотни солнц он затмил,
шестиликий,—
Как будто соперничать начал с отцом и Владыкой!

РОД РАГХУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чтоб мыслью овладеть и словом,—
вас, Прародители Живого,
Я славлю, Шива и Парвати,
слиянные, как мысль и слово!

Как расскажу о детях Солнца?
Ничтожный дар достался мне!
Иль бурный океан задумал
я в утлом переплыть челне?

Глупец, стремлюсь прослыть поэтом
и, словно карлик,— срам и стыд! —
Хочу сорвать я плод, который
на ветке высоко висит!

Однако прежние поэты
мне проложили верный путь,
И если жемчуг — просверленный,
то нить продену как-нибудь!

О тех, кто миру дарит благо
от дня рожденья до кончины,
О тех, кому земля подвластна,—
ее низины и вершины,

О тех, кто вплоть до океана
простер своей страны границы
О тех, кто вплоть до небосвода
помчал победно колесницы,

О тех, кто совершает жертвы,
следя, чтоб пламя не погасло,
О тех, на чьих кострах высоких
топленое пылает масло,

О тех, кто бодрствует на страже,
о тех, кто страждущим — подмога,
О тех, кто судит виноватых
спокойно, правильно и строго,

О тех, кто истину глаголет,
о тех, кто копит, чтоб оставить,
О тех, чей брак — потомства ради,
чья битва — чтоб себя прославить,

О тех, кто в детстве жаждет знаний,
а в молодости — наслаждений,
Затем — отшельничества, чтобы
покинуть путь перерождений,—

Я расскажу о роде Рагху,
его подвигнутый величьем,
Хотя страдаю скудоумьем,
да и к тому ж — косноязычьем!

Все, что узнал о роде Рагху,
я изложу вам, торопясь,
Не то, безмозглый, потеряю
поступков и событий связь.

Лишь тот поймет мое сказанье,
кто отличит от правды ложь:
Лишь в пламени сперва проверив,
ты ценность золота поймешь.

Как первым слогом в древних гимнах
является священный «Ом»,—
Был Вайвасváта Мáну первым
царем на поприще земном.

Блистательного рода отпрыск,
затмил блистанием деяний
Дили́па — предков: он казался
луной в молочном океане!

Широкогрудый, быкоплечий,
он был высок, как древо шала;
Как Долгу — бранный дух, так тело
благим трудам принадлежало.

Всех одолев он силой правой,
всех превзошел он гордой славой,—
Не так ли все померкли горы
пред мощью Мэру величавой?

Он при учености был мудрым,
при мудрости он был красивым,
При красоте он был бесстрашным,
а при бесстрашии — счастливым.

Сей царь манил, но и пугал он:
так океан, властитель вод,
Чудовищами — устрашает,
сокровищами — всех влечет.

С таким искусством управлял он
людьми, что к хитрости, к обману
Никто из них не уклонялся
от правил, утвержденных Ману:

Так колесницей управляет
умелый, опытный возница,
И от проложенной дороги
ей невозможно уклониться.

Взимал он с подданных налоги
для их же собственного блага:
Росинки отнимает солнце,
чтоб ливнем изливалась влага!

Вожатый войска, не нуждался
он в войске, властью облеченный:
Две силы были у владыки:
могучий лук и ум ученый.

Он замыслы таил до срока,
он действовал без суеты,
Ни дум, ни чувств не выдавали
лица бесстрастные черты:

Лишь по итогам можно было
иметь о действиях сужденье,—
Вот так плоды рождений прошлых
мы ищем в нынешнем рожденье.

Оберегал себя — без страха,
без боли — соблюдал закон,
Без зависти — копил богатства,
был без падений — вознесен.

Он, умный, был немногословен,
был, щедрый, скромностью отмечен,
И, добрый, умножал он добрых
и, сильный, был мягкосердечен.

Телесных радостей чуждаясь,
лишь благочестьем наслаждаясь,
Познал он мудрость без старенья,
в служенье Долгу утверждаясь.

О благе подданных заботясь,
ласкал властитель их сердца:
Хоть были от отцов зачаты,—
лишь в нем увидели отца!

Судил он — чтоб карать виновных,
женил он — чтоб рождались дети,
Но превращал он в Долг и Веру
дела обыденные эти.

Коров доил он ради жертвы,
как тучи ради урожая
Доит Обильный,— и два мира
цвели, друг друга одаряя.

Другим царям в пример, в державе
он уничтожил воровство:
От преступления осталось
лишь слово — больше ничего.

Земля, вода, огонь, пространство
и воздух,— были эти пять
Творцом сопряжены в Дилипе,
чтоб всем дарил он благодать.

Он даже недруга не трогал:
целебен страшный яд порой!
Но даже друга отсекал он,—
как перст, ужаленный змеей.

Высокий вал и ров глубокий —
ограда для иного града,
А он был всей земли владыкой,
и океан — ее ограда.

Судáкшина, его супруга,
чье имя было высоко,
Сияла чистотой священной,
как жертвенное молоко.

Хоть во дворце красавиц много
на женской было половине,
Лишь ей он мужем был — и Лакшми,
удачи радостной богине.

Мечтал: Судакшина подарит
ему наследника и сына,
Но годы шли, а не сбывалась
мечта Дилипы-властелина.

Тогда, свершить обряд желая
для рода своего продленья,
Советникам прилежным в руки
царь передал бразды правленья.

Почтив Создателя, решил он
вдвоем отправиться с женой
К святому Вáсиштхе, который
жил в пúстыни, в глуши лесной.

Они взошли на колесницу,—
так Молния и Айравата
Свой путь на облаке свершают,
которое дождем чревато.

Решив: «Отшельникам не будем
противны или не желанны»,—
Отправились в сопровожденье
немногочисленной охраны,

Но добродетели супругов
такой сверкали красотой,
Что всем казалось, будто войско
за царской движется четой.

Дыша смолою благовонной,
ветвями их касалась шала,
На них дыханием душистым
пыльца цветочная дышала,

Услышав звуки колесницы,
приветствовали' их павлины,
«Ке-ка!» — их клекот распадался,
как нота, на две половины.

Четы оленей замирали
недалеко от колеи
И на супругов устремляли
глаза невинные свои.

Над ними журавли, казалось,
почетной возвышались аркой,—
Опоры не было у арки,
украшенной гирляндой яркой!

Старался ветерок,— да будут
от пыли убережены
И диадема государя,
и кудри царственной жены.

Они вдыхали благовонье
раскрытых лотосов дневных,
И так как те росли в озерах,—
прохладой веяло от них.

В селеньях, брахманам ученым
подаренных царем страны,
Увидели они: повсюду
для жертв столпы вознесены.

Жрецы им приносили воду,
благословения дая,—
Пусть охранят молитвы мудрых
от зла царицу и царя!

Их пастухи в пути встречали,
и тот, кто был годами стар,
Отменное коровье масло
им подносил с поклоном в дар,

И спрашивали царь с царицей
у стариков из деревень
Названия лесных деревьев,
дающих на дорогах тень.

Одеты в белые одежды,
они сияли так светло,
Как Месяц и созвездье Девы,
когда рождается тепло.

Премудрый царь и то и это
в пути показывал жене,
И не заметил сам, что едут
уже в священной тишине.

Достигли государь с царицей
той пұстыни благословенной,
Где Васиштха, святой подвижник,
исполнен думы сокровенной;

Достигли пустыни, внезапно
как бы разбуженной движеньем:
Отшельники стекались перед
вечерним жертвоприношеньем,—

С плодами, с топливом, с травой
священной двигались они,
И зажигались за ветвями
пока незримые огни;

Достигли пустыни, в которой
у самых хижин, у дверей
Олени ели зерна риса
из рук отшельниц-матерей;

Достигли пустыни, в которой
деревья ждут нетерпеливо
Отшельниц юных, что с водою
сюда приходят для полива

И удаляются тотчас же,—
на то и опыт их, и навык,—
Чтобы могли без страха птицы
воды напиться из канавок;

Достигли пустыни, в которой,
рожденный жертвенным костром,
Разносится блаженный запах,
что веет благом и добром.

«Пусть кони отдохнут с дороги!» —
царь приказал тогда вознице,
Спустился наземь, но сначала
спуститься он помог царице.

Отшельники с почетом вышли,
к царю, что мудрости был глазом,
К царю, что книгами святыми
и сердце просветил и разум.

Когда обитель завершила
вечернее богослуженье,
Властитель Васиштху увидел —
подвижничества воплощенье.

С женой Арúндхати сидел он,—
само святое благочестье:
Так Агни Жертвопожиратель
сидит с женою щедрой вместе.

Склонились государь с царицей
перед всеправедной четой.
Подвижник и его супруга
на них взглянули с добротой.

С такою лаской в этом взгляде
гостеприимство сочеталось,
Что с путешественников сразу
как бы снята была усталость.

Глава отшельников безгрешных
спросил владыку государства,—
Живут ли подданные в мире
и благоденствует ли царство.

Властитель обратился с речью
к Вместилищу «Атхárва-веды» —
Ответил праведному мужу
тот, кто одерживал победы:

«Царь и советник, власть и крепость,
казна, и войско, и друзья,—
Все семь, что царство составляют,
познали радость бытия,

Затем что ты оберегаешь
при помощи молитв святых
Меня от кар пяти господних
и от пяти коварств людских.

Лишь тех врагов, что вижу глазом,
способен стрелами сражать я,
А ты врагов незримых губишь,
произнося свои заклатья.

То масло, что огню приносишь
ты в жертву,— в многократной доле
Становится дождем обильным,
от засухи спасает поле.

И если подданные царства
живут в спокойствии сто лет,
То этому лишь та причина,
что святости блюдешь обет.

С тобой, прямым потомком Брахмы,
с тобой, кто стал моим вожатым,
Могу ли я не быть могучим,
и властвующим, и богатым?

Но только сына, только сына
супруга мне не родила,
И стала мне земля постыла,—
ее просторы и дела!

И предки, видя: от потомства
надежд на жертву нет сейчас,—
Едят не вволю, ибо пищу
откладывают про запас.

Вздыхая, думают: умру я,—
а кто их напоит тогда?
И — жертвенная — с их слезами
моя сливается вода.

Тем, что я жертвы каждодневно
свершаю, дух мой просветлен,
Но потому, что нет потомства,
забыл я, что такое сон,—

Я словно та гора, что встала
меж двух миров, меж двух сторон:
Мне солнце светит в этом мире,
в другом — во мрак я погружен.

Молитвы, брахманам даренья
зачтутся в мире мне ином,
А сын, что род продолжит,— счастье
и в мире вечном и в земном!

Иль не печалишься ты, видя
того, кто, обделенный, просит?
То дерево, что ты с любовью
сам поливал,— не плодоносит!

Смотри,— я не продолжил рода,
свой долг нарушил я великий.
Даруй мне милость,— я страдаю,
как в путах слон страдает дикий.

Ты помоги мне долг исполнить,
и я тогда спокойным стану:
Лишь от тебя зависит благо
и вся судьба потомства Ману!»

Мгновение сосредоточен
был Васишти недвижный взор:
Так, прикрывая рыб уснувших,
тиха, недвижна гладь озер.

Всеведенья владея силой,
он понял, — в чем беды причина,
И так ответил государю,
родить желающему сына:

«Представ пред Индрою, решил ты
на землю возвратиться снова.
Тебе под деревом волшебным
Сура́бхи встретилась — корова:

В те дни от месячных, — ты вспомни, —
твоя очистилась царица,
И ты спешил к жене, желая,
потомства ради, с нею слиться.

Но в спешке ты забыл, что надо
почтить божественную тварь,
Корову слева ты направо
не обошел тогда, о царь.

Воскликнула Сурабхи с гневом:
«Тебя проклятью предаю:
Отцом не станешь ты, покуда
не ублажишь ты дочь мою!»

Не слышали ее проклятья
ни ты, о царь, ни твой возница:
В то время слон в небесной Ганге
шумел, не мог уговориться!

Поскольку ты, о царь, желаньем
священной твари пренебрег,
Не может и твое желанье
осуществиться в нужный срок:

Заслуживающим почета
должны мы угождать во всем,
Иначе собственного блага
мы никогда не обретем.

Теперь Сурабхи — в нижнем мире,
у Вáруны, владыки вод,
Где длится жертвоприношение,
где змеи охраняют вход.

Здесь дочь ее. И, просветленный,
с женою ты почти корову,—
Да обратит свой слух отныне
к желанью твоему и слову».

Когда замолк святой подвижник,
пришла дарующая милость:
Корова Нáндины из леса,
всеблагостная, воротилась.

У ней, у розовой, на темном
челе отметина была:
Казалось, вспыхнул юный месяц,
а вокруг него — ночная мгла.

Едва теленочка увидит,—
невинно, чисто и легко
Из вымени, как из кувшина,
ее струится молоко.

В пыли, из-под копыт взлетевшей,
царь пробыл некое мгновенье,—
Как бы паломник, совершивший
в воде священной омовенье!

Взглянув на славную корову,
на сей источник благостыни,
Сказал подвижник властелину,
давно мечтавшему о сыне:

«О государь, когда предстала
корова эта пред тобой,
Считай, что горе миновало,
что осчастливлен ты Судьбой.

Как ты настойчив был в ученье,
настойчиво за нею следуй,
Ты ублажи ее покорством
и милость от нее изведай.

Привстань, когда она привстанет,
когда приляжет, ты приляг,
Когда попьет воды — пей воду,
пойдет — пойдя, за шагом шаг!

Пусть утром до священной рощи
твоя жена ее проводит,
Пусть вечером она корову
почтительно встречать выходит.

Умилостивь ее — и станешь
отцом счастливым наконец,
И, всех затмив, гордиться будешь
ты сыном, как тобой — отец!»

«Да будет так!» — сказал властитель,
святого старца ученик,
И вместе со своей супругой
к ногам подвижника приник.

Настала ночь, и тот наставник,
чья речь мудра, душа ясна,
Царя, владеющего славой, —
безгрешный, — отпустил для сна.

Святому преданный обету,
не отклонялся он от правил,
Все, что царю потребно было,
ему в лесу он предоставил.

Пошли, как старец указал им,
Судакшина и царь земли,
И в хижине, листвою прикрытой,
в ночном молчании легли.

Так ночь провел сей царь, а ложем
была священная трава,
И утро возвестили звонко
молитв нетленные слова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Накормлен и привязан был телок,
Как только вспыхнул свет зари восточной.
Обвитую гирляндой цветочной,
Корову самодержец в лес повлек.

И та, чье непорочное блистанье
Не потускнело в поднятой пыли,—
За ней пошла жена царя земли,
Как бы за Откровением Преданье.

Но государь вернул жену с пути
И ту корову, чьи сосца четыре —
Как бы четыре океана в мире
Земном,— с таким уменьем стал пасти,

Как будто ставшую коровой землю
Он охранял,— и никого с собой
Не взял он, трудной шествуя тропой
И мужественно жребий свой приемля.

Он ей служил, ухаживал за ней,
Указывал ей путь к воде проточной,
Корову он кормил травю сочной,
Берег ее от оводов, слепней.

Приляжет,— он садится ей в угодую,
Пойдет,— за ней идет он целый день.
Царь следовал за нею, словно тень,
Они одну и ту же пили воду.

Он был сияньем царским озарен,
Хотя не взял он знаков царской власти:
Пусть на висках не блещет влага страсти,—
Все видят: в пору течки вышел слон!

Распущенные волосы лианой
Курчавились, он исполнял обет
И ту оберегал от зол и бед,
Чья щедрость божествам была желанной.

Когда он шел в лесу один, без слуг,
Казался богом Варуной красавец
Дилипа, и словам внимал он здравии
От птиц, в листве щебечущих вокруг.

Ему лианы, встречей с ним довольны,
Цветы бросали на пути лесном:
Так осыпают девушки зерном
Царя, въезжающего в город стольный.

Хотя держал он наготове лук,
Им восхищенно любовались лани,
И, видя состраданье в нем, заране,
Доверчивые, гнали прочь испуг.

Не ветер в полости бамбука ныне
Играл,— то, песню чудную творя,
Игрой на флейте мудрого царя
Лесные славословили богини.

Кто капли влаги для него сберег?
То, запахом цветов дыша летучим,
Царя, истерзанного зноем жгучим,
Обмахивал прохладный ветерок.

Лес расцветал, как никогда дотоле:
Был царь защитой трав, зверей, людей.
Пожары стали гаснуть без дождей,
И сильный слабого не мучил боле.

Непобедимый свет развеял тьму.
Пылал закат, день отгорал багрово.
И солнце, и священная корова
Направились к жилищу своему.

С коровою, дававшей полной мерой
Все, чем богов и праотцев мы чтим,
Был милосердный царь нерасторжим,
Как Правило нерасторжимо с Верой.

Царь видел: дремлют в лужах кабаны,
К деревьям устремляются павлины,
Лежат олени на траве долины,
В вечерний мрак леса погружены.

И вот с могучим выменем корова,
С могучим телом государь земли,
Всех изумляя тем, что вместе шли,
Среди пространства двигались лесного.

Их у опушки женщина ждала,—
С коровой царь предстал глазам царицы,
И задрожали у нее ресницы,—
Дилипу как бы взглядами пила!

Вперед пустил корову царь безгрешный,
И та, меж ним и милою царя,
Сияла, как вечерняя заря
Сияет между днем и тьмой кромешной.

Корову, по обычаю, жена
Почтительными обошла шагами
И, чтоб достичь успеха, меж рогами
Из чаши ей насыпала зерна.

Корова, хоть к теленочку стремилась,
Те почести неспешно приняла,
И понял царь, царица поняла:
Им, жаждущим ребенка, будет милость!

Припали царь с царицею к ногам
Святого и его супруги важной,
И стал доить корову царь отважный,
Закончив славословие богам.

Светильник и дары — вблизи коровы,
Корова, и Дилипа, и жена.
Втроем ложились вместе ради сна,
Вставали вместе, день встречая новый.

Желая сына, царь вступил под сень
Обители, и с думою благою
Для Нандини был стражем и слугою
Он двадцать и один тяжелый день.

Настало утро дня двадцать второго.
Чтоб испытать царя земли, вошла
Над Гангою, — у самого русла, —
В пещеру гималайскую корова.

«Навряд ли хищник на нее напасть
Решится», — думал царь, любуясь горной
Красой... Внезапно с яростью притворной
Схватил корову лев, разъявив пасть!

В пещере царь услышал рев тоскливый,
И отвратил от Гималайских гор
И на корову устремил он взор, —
И льва на ней увидел с рыжей гривой!

У розовой коровы на хребте
Увидел льва, исполненного гнева:
Как будто густолиственное древо
Возникло на скалистой высоте!

И, хищником униженный неожиданно,
Царь, обладавший львиным удальством,
Решил покончить со свирепым львом,—
Стрелу извлечь решил он из колчана.

Сверкала цапли перьями стрела,
Но лишь коснулся палец оперенья,—
Рука застыла в миг прикосновенья,
Как будто нарисована была!

Дилипу ярость изнутри сжигала:
Не в силах доблесть выказать свою,
Он был похож на жалкую змею,
Что от заклятия изнемогала.

Царю, являвшему величье льва,
Не ожидавшему подобной встречи,
На ясном человеческом наречье
Такие грозный лев сказал слова:

«Тебе, властитель, меткость не поможет,
Так не пытайся вытащить стрелу:
Деревья валит ветер, но скалу
Своим порывом он не уничтожит.

Я — тот, кто предан Шиве, чьим слугой
Стал бык могучий, созданный для бега,—
Его спина блеснет белее снега,
Лишь прикоснется Шива к ней ногой.

Ты видишь горную сосну отсюда?
Она Трехглазым удочерена
И молоком Парвати вспоена,
Чьи груди — два из золота сосуда.

Кору богами взысканной сосны
Слон ободрал. Заплакала Парвати,
Как будто стрелами бесовской рати
Был сын ее изранен — бог войны.

Тогда мне придал Шива облик львиный,
Велел в пещере поселиться мне,
Чтоб я слонов не подпускал к сосне,
Чтоб недруг не пробрался ни единый.

Теперь мой голод утолит она,—
Как Шива предсказал, владыка правый:
Корова пищей станет мне кровавой,
Как бесу Раху — полная луна.

Ты Васиштхи, как ученик, достоин.
Эй, царь, отбросив стыд, вернись назад:
Коль супостатов стрелы не разят,
Что может сделать самый храбрый воин?»

Когда царю сказал зверей глава,
Что Шива прекратил его боренье,
Стал меньшее испытывать презренье
К себе Дилипа, не убивший льва.

Как Индра, что стрелою громовою
Сразить пытался Шиву в некий миг,
Но сразу стал недвижим и поник
Под взглядом Шивы, не способный к бою,—

Так при стрельбе из лука в первый раз
Поник Дилипа, длань его застыла,—
То сделала божественная сила!
И царь сказал: «О царь зверей! Сейчас

Ты вправе над моей смеяться речью:
Свободы нет в движениях моих.
Но чувства ты постиг существ живых,
Поэтому я так тебе отвечаю:

Я почитаю Шиву: он исток
Всего недвижимого, всего живого,
Но все ж погибнуть не должна корова:
Не наступил ее кончины срок!

Свой голод лучше утоли ты мною,
Но отпусти животное жреца:
Ведь жаждет материнского сосца
Теленок, уstraшенный тьмой ночью!»

Тогда клыками, как лучами, лев
Потемки разорвал пещеры горной,
Прислужник Восьмиликого покорный,—
Ответил он, душой повеселев:

«Ужели радость жизни, сладость власти
Утратить хочешь из-за пустяков?
Таких, как ты, не видел дураков,
Не знающих, где счастье, где несчастье!

Спасешь ты гибели своей ценой
Корову? Но когда в живых пребудешь,
Ты, как отец, всех защитишь, рассудишь,
Для подданных останешься броней.

Боишься,— пред жрецом великим грешен
Ты будешь? Но хоть праведник суров,—
Ты десять миллионов дашь коров
Ему взамен, и будет он утешен.

Как дар великий, жизнь тебе дана.
Храни ее! Твою державу раем
Мы только потому не называем,
Что на земле находится она!»

Так царь зверей сказал Дилипе властно,
Пещера повторила те слова,
И показалось, что с ответом льва
И гордая гора была согласна.

А между тем с испугом и тоской
Смотрела на властителя корова,
И царь, страдалицу жалея, снова
Сказал тому, кто Шивы был слугой:

«Я воин: я защита и опора
Несчастных. Если долг нарушу свой,
К чему мне государства быть главой
И жизнь к чему мне, полная позора?

Корова, как ее родная мать,
Исполнить все желания способна.
Посмею ли жрецу с душой беззлобной
Взамен ее других коров пригнать?

Сожри меня, но волю дай корове:
Тем самым будет и тебе еда,
И Васиштхе не причинишь вреда,
Ты не прольешь, о лев, невинной крови.

Хранить сосну тебе назначил бог.
Но если бы сосна была разбита,
А ты бы не погиб, ее защита,—
Ужель пред Шивой ты предстать бы мог?

И если состраданья хоть немного
Есть у тебя ко мне, то действуй, лев,
А я уйду из мира, плоть презрев,—
Не такова ли праведных дорога?

Тех, кто вступил однажды в разговор,
Друзьями именуют... На опушке
Лесной сказали слово мы друг дружке,
Так будь, о лев, мне другом с этих пор!»

Окончилась руки оцепенелость,
И царь оружие бросил на траву,
Себя, как жертву, преподнес он льву,
Которому добычи захотелось.

И, нападения ожидая, лик
Он отвернул,— сей царь благочестивый,
Но на него внезапно слуги Шивы
Излили дождь цветочный в страшный миг.

«Вставай, сыночек!» — царь услышал слово.
Взглянул — и стало все вокруг светло,
И молоко из вымени текло:
Не лев являлся взору, а корова!

Внимал корове изумленный царь:
«То был не лев, а наваждение, майя.
О мудрый, испытать тебя желая,
Я сотворила призрачную тварь.

Наставник наш причастен высшей доле,
И велика всезнающего власть:
У бога Смерти на меня напасть
Нет сил,— а у злодея-льва тем боле!

Чтобы спасти меня, ты жизнь свою
Отдать хотел, ты предан всей душою
Наставнику. Довольна я тобою.
Я вам не только молоко даю:

Тех, кто доит меня добра во имя,
Я исполняю думы и мечты.
Скажи, какой награды хочешь ты,
О царь, мое оберегавший вымя?»

Почтительно сложил глава страны
Свои в боях прославленные длани
И высказал заветное желанье:
Да обретет он сына от жены.

«Пусть будет так! — ответила корова.—
Из свернутого чашечкой листка
Ты моего отведай молока,
О царь, удела жаждущий благого!»

А царь: «Сперва ты напои телка,
Потом закончим жертвоприношение,
И, получив от старца разрешение,
Отведаю остаток молока:

Не так ли часть шестую урожая
Мы, властные, у подданных берем?»
Была довольна Нандини царем.
Его слова с отрадой принимая,

Она пошла к обители святой,
Покинув гималайскую пещеру,
За нею — царь, хранивший в сердце веру.
Ее обрадованный добротой,

Поведал он, какая ждет их милость,
Супруге и святому мудрецу...
К чему им речи? По его лицу
Узнали обо всем, что с ним случилось!

Был молоком теленок напоен,
И совершили жертвоприношение,
И, получив от старца разрешение,
Остаток выпил властелин племен.

Как бы напиток славы и веселья
Из вымени коровы царь испил!
Когда в обитель новый день вступил,
За трапезою скромной все воссели.

И Васиштха счастливую чету
В столицу на рассвете дня отправил,
Благословил, как должно, и наставил,—
Да вскорости осуществят мечту!

Супруги слева обошли направо
Жреца с женой, корову и телка
И жертвенный огонь,— и велика
Их стала благодетельная слава!

В обратный путь пустился царь с женой,
И весело звенела колесница:
Само желанье, чтоб скорее сбыться,
Их увозило по тропе лесной!

Страна ждала властителя в печали:
Где царь, что ради сына дал обет?
Как будто вспыхнул снова лунный свет,—
Так люди радостно царя встречали!

Как Индра, Сокрушитель Городов,
В свой город, что был стягами украшен,
Вернулся государь, могуч, бесстрашен,
Для подвигов готовый и трудов.

Как небеса от взгляда Атри бремя
Почуяли — и родилась луна,
Как приняла священная волна
Небесной Ганги — бога Шивы семя,—

Судакшина зародыш понесла,
Богов достоинствами наделенный,—
Да правит всей вселенной царь законный,
Да совершит великие дела!

* * *

*Пять планет воссияло при блеске светила дневного,
Чтоб могло со счастливою долей дитя народиться,
И как смысл нерушимый родился от Шивы — от слова,
Родила от Дилипы могучего сына царица.*

*И приятные ветры очистили стороны света,
И обрел свою жертву огонь, полыхающий справа,
Ведь рожденье подобного сына — благая примета:
Возликует весь мир и Земля расцветет величаво.*

*Чтоб младенец дошел до конца в изученье Писанья,
Чтоб дошел до конца, сокрушая врагов непоборно,
Царь, в глаголе «идти» для ребенка ища указанья,
Сына Рагху назвал: это значит — «Идущий Проворно».*

ПРИМЕЧАНИЯ

Д РА М Ы

МАЛЯВИКА И АГНИМИТРА

Как считают исследователи, по своим художественным качествам и содержанию комедия «Малявика и Агнимитра» уступает двум последующим драмам, поэтому высказывались сомнения в правомерности приписывания ее авторства Калидасе. Однако в настоящее время возобладало убеждение, что эта пьеса — дебют Калидасы, «проба его пера».

Сюжет «Малявики и Агнимитры» заимствован частично из исторических хроник, частично вымышлен.

Перевод выполнен с подготовленного Ситарамом Чатурведи издания «Калидаса Грантхавали» (Алигарх, Бхарат Пракашан Мандир, «Викрамы» 2019 г., третье издание).

Стр. 26. *Тот, кто правит мирозданьем.* — Имеется в виду Шива, один из трех главных богов индуистского пантеона. Шива изображается с третьим глазом на лбу: этим глазом он, по преданию, испепелил бога любви Каму (Камадеву) за то, что тот помешал его благочестивому созерцанию, внушив страсть к Парвати. На лбу у него — полумесяц, символ Времени. В волосах у Шивы символическое изображение Ганги. Шея у него синяя — следствие того, что он проглотил яд, который мог погубить весь мир. Одет он в шкуру слона, тигра или антилопы. Непосвященным Шива является в восьми формах: Земля, Вода, Огонь, Воздух, Пространство, Солнце, Луна, жрец, приносящий жертву (см. также пролог к «Шакунтале»).

Стр. 26. *Праздник Весны* — пятидневный праздник, начинавшийся с третьего понедельника месяца пхальгун (февраль — март) и сопровождавшийся танцевально-драматическими представлениями.

Бхаса, Кавипутра, Саумиллака — древнеиндийские драматурги. Из их произведений до нас дошли только произведения Бхасы.

Стр. 28. *Чалита* — танец-пантомима, иллюстрирующий содержание песни, сложенной обычно на какой-нибудь мифологический сюжет.

Стр. 30. *Рудра* («Ревун» или, по другому толкованию, — «Бурый») — здесь одно из имен бога Шивы, танец которого, по индийской мифологии, созидает и разрушает миры.

Стр. 31. *Нармада* (или Нарбада) — река в Центральной Индии.

Не так ли капля дождевая // Преобразится в жемчуг дорогой, // Лишь в раковине заблестит морской... — По древнеиндийским представлениям, дождевая капля, попадая — при определенном положении звезд — в морскую раковину, превращается со временем в жемчужину.

Видарбха — современный Берар, область в Центральной Индии.

Стр. 36. *Три священных Вед...* — Веды — древнейшие литературные и религиозно-философские памятники Индии, считаются священными. Первоначально были объединены в три сборника «Ригведу» («Веду гимнов»), «Самаведу» («Веду песнопений»), «Яджурведу» («Веду жертвенных формул»). Позднее к ним была присоединена четвертая — «Атхарваведа» («Веда заклинаний»).

Есть Дхарини — царица и дх́рини — Земля... — Здесь игра слов. Имя собственное Дхарини (буквально: «Держащая») означает также «Земля», и это слово понимается как «супруга царя».

Стр. 41. *Закричали томные павлины...* — Крик павлинов предвещает приход дождей.

Стр. 42. *Шармиштха* — дочь повелителя демонов. История ее любви к мужу подруги Яяти — излюбленная тема для танца «чалита».

Стр. 46. *Чатака* — птица, которая якобы пьет только дождевые капли, подхватывая их на лету.

Стр. 47. *И семиконная у солнца колесница*. — По традиционным индуистским представлениям, бог солнца Сурья развезжает по небу в колеснице, запряженной семеркой коней.

Стр. 49. *Биджапурвака* — род сладкого лимона.

Ашока — дерево с ярко-красными или золотисто-желтыми цветами. Считалось, что этому дереву свойственны причуды беременных женщин. Ашока распускается лишь тогда, когда ее ствола касается нога молодой женщины.

Стр. 51. *Бог любви, ты мечешь стрелы...* — По индуистской мифологии, бог любви Кама вооружен луком из сахарного тростника с тетивой из пчел. Стрелы у него цветочные.

Пойдем же в сад, чье название — Прамадавана... — Прамадавана — буквально: «Роща услад».

Стр. 67. *Змеечеловеки* — мифические наги, полубожества с человеческими лицами и змеиными хвостами, живущие в подземном царстве.

Стр. 68. *Видиша* — современная Билса, название реки и примыкающей к ее берегам местности в Центральной Индии. Также название столицы государства Агнимитры, которая нередко именуется и Дашарной.

Стр. 69. *Священный брахманский шнур* — символ принадлежности к сословию брахманов.

Стр. 80. *Как быть луне, коль черный демон ее похитит в эту ночь?..* — По индуистской мифологии, затмения луны объясняются тем, что ее поглощает демон Раху.

Стр. 83. *Охранять жертвенного жеребца*. — Имеется в виду обряд ашвамедха (заклание коня). Белого жеребца в сопровождении стражи пускали бродить по землям соседей. Все места, где проходил жеребец, присоединялись впоследствии добровольно или насильно.

Стр. 84. *...Там, где Варады прозрачной...* — Варада — (буквально: «Осуществляющая желания») — река в Северной Индии.

...Бог Кришна, тот, кто с боем увел красавицу Рукмини... — Кришна — воплощение бога Вишну, одного из трех

главных богов индуистского пантеона (вместе с Шивой и Брахмой). Рукмини — дочь Бхипмаки, царя Видарбхи. Она была просватана за Шिशупала, царя Чеди, но в день свадьбы Кришна увез ее в своей колеснице. Похитителя преследовали ее жених и ее брат, но Кришна отбил их нападение.

Стр. 86. *Как Лакшми, но без лотоса в руке...* — Лакшми — богиня красоты, удачи и процветания. Обычно изображается с белым лотосом в руках.

Стр. 94. *И вот теперь я уподобился древнему царю Сагаре, чей внук возвратил ему лошадь, украденную богом Индрой...* — Сагара — царь древнего государства Айодхьи. При совершении «великого жертвоприношения коня» (см. прим. к стр. 83) царь богов Индра похитил у него жертвенного жеребца. Сагара отправил шестьдесят тысяч своих сыновей на поиски. Они нашли жеребца возле мудреца Капилы, погруженного в благочестивое созерцание, и заподозрили его в воровстве. Разгневанный мудрец испепелил их взглядом и произнес заклятье, по которому души сагаридов должны были скитаться по подземному миру, пока их прах не омоют воды небесной Ганги. Внук Сагары, царь Бхагиратха силой своего необыкновенного подвижничества вынудил небесную Гангу спуститься на землю, а оттуда — в подземный мир. Сагариды вознеслись в рай Индры, а похищенный жеребец был возвращен Сагаре.

Аурва-отшельник превратил // Сына своего в огонь подводный... — Имеется в виду миф, по которому отшельник Аурва породил сына, способного сжечь весь мир, и, чтобы этого не произошло, вынужден был поместить его в океан.

МУЖЕСТВОМ ЗАВОЕВАННАЯ УРВАШИ

Пьеса «Мужеством завоеванная Урваши» основана на мифологическом сюжете, впервые встречающемся в «Ригведе», затем подробнее изложенном в «Шатапатха Брахмане» и варьируемом в многочисленных пуранах.

Перевод сделан с критического издания, выпущенного Х.-Д. Веланкаром (Нью-Дели, «Сахитья Академи», 1961).

Стр. 102. *Веданта* — религиозно-философская система. Основана на послеведийских сочинениях — «Упанишадах» и примыкающих к ним бесчисленных трактатах.

Совершенный муж — космический первочеловек Пуруша, душа и исток вселенной.

Обуздавшие вдох и выдох. — Подразумеваются последователи «чистой» йоги, считающие, что единение с божеством может быть достигнуто путем контроля над дыханием, чувствами, мыслями и т. п.

Стр. 103. *Создана из бедра бога Вишну*... — По легенде, апсара (небесная дева) Урваши была создана из лотоса, возложенного на бедро бога Вишну.

Кубера — бог богатства. Его обиталище — гора Кайласа, где, по преданию, проживают и другие боги, среди них Шива со своей супругой.

Стр. 104. *Гаури* («Гордая» или «Блистательная») — одно из многочисленных имен супруги Шивы.

Стр. 105. *Царь из рода Луны*. — Пуруравас принадлежал к так называемой «Лунной» династии.

Хемакута (буквально: «Златоглавая») — название мифической горы, находящейся к северу от Гималаев.

Гаруда — повелитель птиц, мифический получеловек-полуптица, на котором разъезжает бог Вишну.

Стр. 108. *Нараяна* — воплощение бога Вишну.

Брахма — один из трех главных богов индийского пантеона, бог-сохранитель. Почитается творцом вселенной.

Амрита — напиток богов, добытый ими во время пахтанья мирового океана.

Стр. 109. *...Властелин-Месяц появился, сопровождаемый двумя звездами — своими женами!*.. — Месяц считается супругом звезд, с которыми он соединяется поочередно.

Стр. 110. *Читраратта* (буквально: «Обладатель сверкающей колесницы») — повелитель гандхарвов, небесных певцов и музыкантов, обитающий в раю бога Индры.

Гандхарвы — небесные мужчины.

Стр. 111. *Мудрец Нарада* — мудрец, которому приписывается создание «Ригведы», посредник между богами и людьми.

Стр. 111. *Изобильный* (Обильный) — постоянный эпитет бога Индры.

Для Индры, громовержца всеблагого...— Считается, что бог Индра повелевает громами. Его оружие — громовая стрела, перун.

Стр. 112. *Вайю* — бог ветра (воздуха).

Стр. 117. *Роща услад* — место в дворцовых парках, предназначенное для любовных утех.

Стр. 119. *Что могла придумать громовая стрела Индры, когда Индра влюбился в Ахалью, чужую жену?..*— По преданию, бог Индра влюбился в жену мудреца-риши Гаутама — Ахалью. Чтобы насладиться ею, Индра принял облик ее мужа. Узнав о неверности жены, Гаутама проклял ее, превратив в камень. Наказан был и бог Индра.

Стр. 120. *Посвятил нас в науку волшебного перевязывания кос.*— Речь идет о магическом обряде, с помощью которого апсары защищали себя от демонов.

Прагитштхана.— Имеется, вероятно, в виду древний город Прагитштхана, который стоял на левом берегу Ганги, близ впадения в нее Ямуны (Джамуны). Этот город служил стольным городом царей Лунной династии.

Стр. 126. *Восемь чувств* — по древнеиндийской эстетике: страсть, веселье, скорбь, ярость, восторг, ужас, отвращение, изумление.

Бхарата — мудрец, считающийся создателем драмы и танца.

Стр. 128. *Ты тоже был влюбленным, и ты страдал, о Вайю...*— Намек на любовь бога Вайю к обезьяне Анджане. Их сын — могущественная обезьяна Хануман, один из героев эпоса «Рамаяна».

Стр. 129. *Кесара* — дерево с ароматными цветами, цветущее в пору дождей; считалось, что кесара расцветает лишь после того, как молодая женщина обрызгает ее ветви вином из своего рта.

Стр. 131. *Варуни* — супруга бога вод Варуны.

Пурушоттама (буквально: «Лучший из людей») — эпитет бога Вишну.

Стр. 133. *Он кажется горю, но крыльев не лишенной...*— По древним преданиям, горы некогда летали. Чтобы спасти жителей земли от бедствий, которые причиняли им горы, Индра отрезал у гор крылья. С тех пор горы стали неподвижными, а тучи и облака, когда-то бывшие крыльями, помня о прошлом, льнут к их вершинам.

Рохини («Красноватая») — название звезды Альдебаран и соответствующего созвездия; считается небесной короной, прародительницей скота. Любимая супруга Месяца.

Стр. 135. *Судха* — напиток богов.

Ты славься и сияй у Шивы на челе...— См. прим. к стр. 26.

Стр. 136. *Кайласа* — гора в Гималаях, где якобы обитают боги.

Стр. 138. *Еще отчетливей на нем запечатлен олень...*— По представлениям индийцев, узор, образуемый лунными пятнами, напоминает оленя (или зайца).

Стр. 139. *Дурва* — дикое просо, стебли которого использовались при совершении религиозных обрядов.

Шачи — одно из имен супруги бога Индры, дочери предводителя демонов Пуломы (откуда патроним Пауломи).

Стр. 144. *Бестелый* (Бестелесный) — эпитет бога любви Камы, испепеленного богом Шивой.

Стр. 146. *Гандхамадана* (буквально: «Опьяняющая запахом») — название горы и леса, места любовных утех апсар и полубогов.

Удайавати — дочь колдуна, служителя Шивы.

Бог войны — Сканда, Картикейя, Кумара — сын Шивы; девственник, блюдущий чистоту «мужских обрядов», он не позволяет женщинам приближаться к своему жилищу.

Стр. 147. *Боюсь, что приближение облаков, которые даже счастливых людей превращают в тоскующих, еще более усилит недуг царя...*— Приближение облаков предвещает наступление поры дождей — поры соединения животных и птиц, когда царю Пуруравасу еще тягостнее сносить муки разлуки.

Стр. 148. *Ракшасы* — демоны. Отличаясь сластолюбием, нередко похищают женщин.

Стр. 151. *Кошениль* — краска, приготовляемая из насекомых, кармин.

Стр. 154. *Манас* (современное — Маносаровар) — озеро в Гималаях, где в начале поры дождей спариваются дикие лебеди.

Стр. 155. *От солнца я свой род по матери веду, // Луны потомки — все цари в моем роду...*— Пуруравас сын Будхи (Меркурия, сына бога луны Сомы) и Илы, богини священных песнопений, дочери Ману. Ила считалась также дочерью Митры (солнца, властителя дня) и Варуны (властителя ночи).

Стр. 157. *Кадамба* — дерево, цветущее золотисто-розовыми гроздьями цветов.

Шаллака — коричневое дерево.

Стр. 158. *Кимнары — полулюди, полукони...*— Кимнары (буквально: «Что за люди») — небесные певцы и музыканты из рая Куберы на Кайласе.

Стр. 160. *Айравата* — предводитель слонов, принадлежащий богу Индре, хранитель одной из восьми сторон света.

Стр. 171. *Царевич Айуш, — как огонь...*— Имя Айуш буквально означает «Огонь», «Жизненное тепло», «Жизнь».

Стр. 173. *Чьявана* — мудрец, считающийся автором некоторых ведийских гимнов.

Стр. 173. *Куша или дарбха* — трава, которая использовалась в ритуальных целях.

Как лунный камень — к лунному лучу.— Лунный камень считался возлюбленным луны. Вбирая в себя лунные лучи, он источает их в виде капель холодной воды.

Стр. 175. *Джайанта* (Джайа) — сын Индры и Шачи.

Стр. 178. *Срединный мир* — земля, составляющая вместе с небесным и подземным мирами тройственную вселенную.

Стр. 180. *Атри* — мудрец-риши (персонификация одной из звезд Большой Медведицы), один из прародителей всего сущего, духовный сын бога Брахмы.

Инду — одно из имен бога луны — Сомы, который по некоторым легендам считается сыном мудреца Атри.

Будха.— См. прим. к стр. 155.

Стр. 181. *С врагиней да помирится врагиня.*— Речь идет о соперничестве между богиней Лакшми и Сарасвати, богиней красноречия, покровительницей искусств. Царь желает их примирения ко всеобщему благу.

ШАКУНТАЛА, ИЛИ ПЕРСТЕНЬ-ПРИМЕТА

Драма «Шакунтала, или Перстень-примета» является вершиной художественного творчества Калидасы. Сюжет драмы заимствован из первой книги древнеиндийского эпоса «Махабхарата». Однако Калидаса внес в этот сюжет довольно большие изменения.

Перевод драмы выполнен с подготовленного Ситарамом Чатурведи издания «Калидаса Грантхавали» (Алигарх, Бхарат Пракашан Мандир, «Викрамы» 2019 г., третье издание).

Стр. 186. *Тот Высший, кто в восьми обличьях.*— См. прим. к стр. 26.

Стр. 188. *Патала* — цветущее в жаркий сезон дерево с розовыми трубчатыми цветами, издающими приятный запах. *Сирус* (или шириш) — род акации.

Стр. 192. *Малини.*— Здесь, вероятно, имеется в виду река Чука, приток Гхагры.

Стр. 193. *Соматиртха* (буквально: «Место поклонения богу Соме») — место паломничества в Западной Индии.

Стр. 198. *Паурав* — царь, принадлежащий к роду Пуру.

Стр. 201. *Гаутами* — река в Северной Индии. отождествляется с Годавари или Гомати.

Стр. 211. *Арка* — вид кустарника.

Стр. 215. *Тришанку* — царь из Солнечной династии, который находился под особым покровительством святого подвижника Вишвамитры (отца Шакунталы). Когда Вишвамитра возвел Тришанку на небо, боги сбросили его оттуда. Тришанку повис между небом и землей, став созвездием.

Стр. 226. *Есть брак старинный — вольное супружество...*— Имеется в виду так называемый брак по обряду гандхарвов, свободное супружество, в которое вступали без разрешения родителей, не совершая особых обрядов.

Стр. 229. *Дурваса* (буквально: «Плохо одетый») — мудрец-прии, сын Атри. По преданию, отличался вспыльчивостью.

Стр. 230. *Зашла за гору Запада луна, // И вспыхнула другая сторона...*— Считалось, что на западе находится Гора заката, на востоке — Гора восхода; солнце и луна попеременно скрывались за Горой заката и всходили из-за Горы восхода.

Стр. 232. *Как властитель огня, запылавший от семени Шивы, слился с деревом шами...*— По одному из мифических преданий, бог огня Агни, палимый семенем Шивы, укрылся в лиане шами.

Стр. 233. *Хастинапура* — название древнего города (близ современного Дели), по преданию, основанного пандавами, героями «Махабхараты».

Стр. 236. *Костерки вокруг алтаря* — ритуальные костерки-дхишни (числом обычно восемь), размещаемые вокруг алтаря.

Дарбха.— См. прим. к стр. 173.

Стр. 238. *Шастры* — трактаты, посвященные различным проблемам религии, философии, этики, политики, науки и т. п.

Стр. 240. *Мáлайá* — горы на Малабарском побережье Индии (Западные Гхаты), густо поросшие сандаловыми деревьями.

Стр. 243. *Тростниковый посох* (или жезл) — символ власти.

Стр. 244. *Шешá* — змей, поддерживающий землю.

Агни — бог огня.

Стр. 245. *Царство — зонтик...*— Зонт является символом царской власти.

Стр. 248. *Многих Брахма исполнил мечты...*— Брахма (Пруджапати) считается покровителем браков.

Стр. 258. *...У меня прямо руки чешутся надеть на этого грабителя цветочную гирлянду,— ведь казнят его непременно...*— Казнимых преступников как бы предназначали в жертву богам (обычно Шиве или Кали) и на их головы надевали цветочные гирлянды.

Стр. 259. *Вознесли на спину царского слона...*— Слон — символ царской власти и благополучия. Поэтому выражение «вознести на спину слона» означает «осыпать милостями».

Стр. 260. *Манговый цветок, душа любви.*— Цветок манго считается одной из пяти стрел бога любви Камы.

Парабхритика, моя кукушечка...— Парабхритика — по-санскритски «кукушка».

Пчелка моя Мадхукарика...— Мадхукарика — по-санскритски «пчела».

Стр. 266. *Майя* — призрачная сила, управляющая миром, который благодаря ей приобретает призрачный, нереальный характер. Здесь: заблуждение, иллюзия.

Или иссяк запас моих заслуг святых,— // Все, что я накопил в рожденьях иных...— По теории «кармы» благие дела, совершенные человеком в предыдущих рожденьях, способствуют накоплению «святой заслуги». Царь предполагает, что запас заслуг иссяк, отсюда его несчастья.

Стр. 276. *Дваждырожденный* — эпитет, прилагаемый к брахману. Усвоение им Священного знания приравнивается ко второму рождению.

Стр. 277. *Не смешивает лебедь белый // С водой озерной молоко!* — В индийской мифологии белый лебедь, олицетворяющий добродетель, умеет отделять клювом молоко от воды, с которой оно смешано.

Каланеми — могучий демон, убитый Вишну.

Стр. 279. *Был защищен однажды райский сад // От бесов, возжелавших торжества, // Всесильным Вишну, праотцем твоим, // Принявшим облик Человека-Льва...*— В великой битве богов и асуров (титанов, демонов) решающую роль сыграл бог Вишну: он обернулся человеком-львом и разорвал своими когтями предводителя асуров. Это позволило Индре создать «в третьем небе» его райский сад.

Стр. 280. *Аруна* — колесничий Солнца, персонификация зари.

Воитель, ты на путь шестой ступил, // Где ветер Париваха движет воды...— В индийской космогонии насчитывается семь небес, в каждом из которых господствует свой ветер. Шестой ветер — Париваха — движет воды небесной Ганги.

Пространство неба — Вишну шаг второй...— Некогда, чтобы победить великана-демона Бали, утвердившего свою власть в трех мирах, бог Вишну, приняв вид карлика, попросил у Бали «три шага пространства». Получив разрешение Бали, Вишну мгновенно увеличился, первым шагом захватил всю землю, вторым — небо, третьим — подземный мир.

Стр. 282. *Маричи* — один из десяти Прародителей (или один из семи мудрецов-риши), сын Брахмы, отец святого подвижника Кашьяпы, прародителя царей Солнечной династии.

Стр. 283. *Адити* — супруга Кашьяпы.

Стр. 294. *Пауломи*. — См. прим. к стр. 139.

Стр. 296. *Обряд джата-карма* — обряд, совершаемый вскоре после рождения ребенка во имя его счастливой жизни: губы ребенка смазываются смесью меда и растопленного масла, затем обрезается пуповина.

ОБЛАК-ВЕСТИК

По отточенности формы и поэтической виртуозности поэма справедливо считается в Индии непревзойденным образцом.

По содержанию поэма очень проста: опальный полубог-якша обращается к пролетающему над ним облаку с мольбой передать его супруге весть о нем и его любви.

Перевод осуществлен с критического издания, подготовленного С.-К. Де (Нью-Дели, «Сахитья Академи», 1959).

Стр. 303. *Якша* — полубог, служитель бога богатства Куберы.

Рамагири (буквально: «Гора Рамы») — вершина, где вместе с братом Лакшманой и женой Ситой укрывался в изгнании Рама («Рамаяна»); отождествляется чаще всего с горой Читракута в Бунделькханде, а также с горой Рамтек, близ города Нагпур.

Стр. 304. *Шраван* — месяц проливных дождей (июль — август), когда путники стремятся, окончив путешествие, вернуться домой.

Пушкара — мифические облака, угрожающие бедствиями.

Алака — столичный город Куберы.

Стр. 305. *Питанье* — лотоса побеги... — Считалось, что лебеди несут в клювах волоконца лотоса, которыми и питаются в дороге.

Стр. 306. *Сиддхи* — полубоги, обитающие в верхних сферах небес.

Слонов остерегаясь, что в этих царствуют краях...— По представлениям древних индийцев, землю поддерживали восемь огромных слонов, стоявших на спине черепахи. Облака раздражали слонов, и они старались поддеть их своими огромными бивнями.

Лук Индры — радугу — увидишь над муравейником большим...— Бог Индра, выходя из дома, натягивает сверкающий лук-радугу. Нижний его конец упирается в муравейник, служащий входом в подземный мир.

Вишну, что пастухом блуждал земным...— Одно из десяти воплощений бога Вишну — царь-герой Кришна, который в юности был пастухом. Смуглый (буквально: «синий») цвет кожи Кришны часто сравнивается с синевой павлиньей шеи или хвоста.

Стр. 307. *Амракута* (буквально: «С манговой вершиной») — гора (называемая теперь Амарканта) на востоке хребта Виндхья.

Рева — река, берущая начало с гор Виндхья (современное название — Нарбада).

Стр. 308. *Кетака* — дерево с белыми цветами.

Джамбу — дерево с плодами темно-фиолетового цвета.

Ветравати (буквально: «Обильная сахарным тростником») — река в Центральной Индии, современная Бетва (приток Джамуны).

Стр. 309. *Удджаини* (Уджайн) — столица средневекового государства Аванти.

Нирвиндхья — небольшая река в краю Аванти.

Стр. 310. *Удаяна* — царь народа ватсов, полюбивший и похитивший дочь царя Аванти.

Вишала — другое название столицы Аванти — Удджаини.

Стр. 311. *Как перед синей шеей Шивы...*— См. прим. к стр. 26.

Ганы — небесные певцы и музыканты, прислужники бога Шивы.

Гандхавати (буквально: «Благоуханная») — река на востоке Аванти, приток современного Чамбала.

Стр. 312. *Дурга* — одно из имен супруги Шивы.

Стр. 313. *Гамбхира* (буквально: «Глубокая») — река, приток Чамбала. Протекает к западу от Удджанини.

Девагири (буквально: «Гора богов») — название горного хребта.

Сканда.— См. прим. к стр. 146.

Стр. 314. *...павлин, друг Сканды, вступит в пляс...*— Бог войны Сканда обычно разъезжает на павлине.

Того, кто в тростнике родился...— Имеется в виду Сканда.

Рангидева — легендарный царь Датъяпура, славившийся своими богатствами. Однажды Рангидева принес богам такую обильную жертву коровами, что кровь образовала целую реку — Чарманватх (буквально: «Обильная шкурами»). Теперешнее название этой реки — Чамбал.

Дашапура (буквально: «Десятигородный») — название города и княжества (современный Мадасер) в Центральной Индии.

Стр. 315. *Отбросив тень на Брахмаварту, над полем битвы проходя...*— Брахмаварта (буквально: «Путь Брахмы») — область к северо-западу от древнеиндийского города Хастинапура. Здесь на поле Куру (Курукшетра) происходило знаменитое сражение между пандавами и кауравами, описанное в «Махабхарате».

Арджуна — один из героев «Махабхараты», третий (по возрасту) из братьев-пандавов, могучий воитель, искусный в стрельбе из лука.

Сарасвати — название небольшой реки, теряющейся в песках. Считалось, что это священная река, которая продолжает течь под землей и сливается с Ямуной (Джамуной).

Плугоносец — старший брат Кришны, предпочитавший в сражениях плуг в качестве оружия и поэтому прозванный Плугоносец.

Канакхал — район верхнего течения Ганги.

Стр. 316. *Шарабха* — мифическое восьминое животное.

Стр. 317. *Трипура* (буквально: «Три города») — три города (золотой, серебряный и железный), принадлежавшие демонам-асурам, сожженные впоследствии богом Шивой.

Краунча — проход в Гималаях, отождествляемый чаще всего с современным проходом Нити.

Где беса прижал, покинув небеса // Стопою Вишну...— Речь идет о демоне Бали, которого Вишну придавил своей ногой. См. прим. к стр. 280.

Десятиглавый — эпитет предводителя ракшасов Раваны, похитившего Ситу и в конце концов убитого Рамой («Рамаяна»). Равана хотел унести вершину Кайласы, но Шива защемил его руку скалами, и Равана, пытаясь вырваться, две тысячи лет сотрясал горы.

Белый хохот Шивы.— Белизна в древней Индии была признаком божественного, небесного (возможно, что этот образ навеян сверкающей белизной ледников в Гималаях).

Стр. 318. *Когда змею-запястье сбросив и руку Гаури подав...*— Вместо браслетов Шива носит на руках ядовитых змей, которых снимает, отправляясь на прогулку со своей женой.

Холм Забав (Гора Забав) — искусственный холм с беседками, цветниками.

Стр. 319. *Где жены манят нас цветами, что круглый год цветут в лесах...*— В Алаке одновременно и всегда цвели цветы разных времен года: *лодхра* — цветы зимы, *куравака* — цветы поздней весны, летние цветы — *сирис*, ранней весны — *жасмин*, осенние — *лотос* и *нипа*, расцветающие в начале поры дождей.

Стр. 321. *Мандара* — одно из пяти чудесных деревьев, растущих в чертогах богов и полубогов.

Стр. 327. *Сын Ветра* — предводитель обезьян Хануман, которого Рама посылал к своей жене Сите («Рамаяна»).

Стр. 329. *Деодар* — гималайский кедр.

Судьба — колесный обод...— Колесо в Индии часто является философским символом мироздания, единичного и всеобщего существования, символом взлетов и падений в чередовании перерождений, символом «круговорота бытия».

Поэма «Рождение бога войны» основана на мифологическом сюжете, излагаемом в шиваитских Агамах и Пуранах. В ней рассказывается о любви бога Шивы и Парвати, об их свадьбе, о рождении сына — бога войны — Сканды, Кумары или Картикейи, сделавшегося впоследствии победителем демонских ратей. По мнению некоторых исследователей, Калидасу следует считать лишь автором первых восьми песен поэмы, авторство остальных девяти вызывает сомнения. Для передачи необходимой полноты сюжета отобраны были песни: восьмая (с небольшими сокращениями), девятая и десятая — повествующие о появлении на свет бога войны и некоторых предшествующих этому событиях.

Перевод выполнен с подготовленного Ситарамом Чатурведи издания «Калидаса Грантхавали» и сверялся с критическим изданием текста, подготовленным профессором Сурьякантом (Нью-Дели, «Сахитья Академи», 1962).

Стр. 337. *Так во дворце владыки гор, у тестя...* — Богиня Парвати, жена Шивы, была дочерью повелителя гор Химаваты (то есть Гималаев).

Стр. 338. *Меру* — мифическая золотая гора, где помещается рай бога Индры и города небожителей.

Мандара — название горы в Гималаях. Чтобы добыть, амриту, напиток бессмертия, боги использовали Мандару как мутовку; с тех пор Мандара обрызгана каплями амриты.

Бурый краж. — Имеется в виду гора Малайя, где бывает предводитель ракшасов — Равана.

Дочь Пуломы. — См. прим. к стр. 139.

Стр. 340. *Амра* — манговое дерево, которое в пору цветения изменяется так сильно, что его называют уже другим словом — сахакара.

Стр. 342. *Рати* (буквально: «Страсть») — супруга бога любви — Камы.

Стр. 343. *Тарака* — предводитель асуров (демонов) в их войне с богами.

Юга — одна из четырех эпох, составляющих вместе бесконечный повторяющийся цикл. В конце последней — Кали-юги — вспыхивает всепожирающее пламя.

Стр. 348. *Бхринги* — служитель Шивы, напоминающий своим обликом исполинского шмеля.

Кали (буквально: «Черная») — богиня, повелительница злых духов, почитаемая шиваитами как одна из ипостасей супруги Шивы.

Стр. 350. *Парджанья* — ведическое божество дождя, впоследствии идентифицировалось с богом Индрой.

Стр. 351. *Миросущий* («Шамбху») — эпитет бога Шивы.

Семязыкий («Сапта-арчи») — эпитет бога Агни.

Богиня верховная вод, что страдающим внемлет, // Как лестница, благочестивых на небо подьмлет... — Считается, что воды небесной Ганги влекут душу праведника после его смерти в рай Индры; купание в земной Ганге также освобождает от скверны; ее волны — как бы ступени лестницы, по которым благочестивые поднимаются на небеса.

Стр. 352. *Кто постиг существующих душу.* — Один из постоянных эпитетов бога Агни — «Сущее знающий».

Криттика — небесные нимфы, апсары, персонификация созвездия Плеяд.

Магха — месяц лунного календаря (январь — февраль).

Стр. 353. *Муни* — святой, подвижник.

РОД РАГХУ

Поэма «Род Рагху» принадлежит к жанру так называемого «искусственного эпоса» (махакавья). С точки зрения сюжета она представляет собой чередующиеся жизнеописания царей из Солнечной династии, потомков Ману Вайвасваты. Вероятно, незаконченная — поэма обрывается на повествовании о царствовании Агниварны (предположительно VIII в.). Всего в поэме девятнадцать песен. В предлагаемом вниманию читателей отрывке представлены целиком первая, вторая песня и несколько стихов из третьей.

Перевод осуществлен с издания «Калидаса Грантхавали», подготовленного Ситарамом Чатурведи.

Стр. 359. *Прежние поэты...*— Здесь имеется в виду прежде всего Вальмики, легендарный автор «Рамаяны», воспевший подвиги царя из рода Рагху — Рамы.

Стр. 361. *Ом* — священный слог-заклинание, открывающий обычно религиозно-философские тексты.

Ману — имя четырнадцати мифических Прародителей человеческого рода. *Вайвасвата* Ману (буквально: «Рожденный от Солнца») — седьмой из них.

Шала — высокое величественное дерево с необыкновенно прочной древесиной.

Никто из них не уклонялся от правил, утвержденных Ману...— Здесь имеется в виду первый из Ману — Сваямбхува, которому приписывается авторство свода законов.

Стр. 364. *Васиштха* — знаменитый мудрец-риши, которому приписывается авторство многих ведийских гимнов.

Стр. 365. «*Ке-ка!*» — *из* клетот *распадался, как нота, на две половины...*— Резкие двойные выкрики павлинов, по мнению автора, сходны с «шатджа» — первой нотой индийской гаммы.

Стр. 368. *Вместилище «Атхарва-веды»* — почетный титул Васиштхи, знающего наизусть все ритуальные заклинания «Атхарва-веды».

Пять господних кар — пожар, наводнение, мор, брак, основанный на кровосмешении или на непозволительном смешении каст, и безвременная гибель.

Пять людских коварств — коварство грабителей, воров, врагов, царских любимцев и царских завистников.

С тобой, прямым потомком Брахмы...— По одной из многочисленных мифических генеалогий, Васиштха является духовным сыном Брахмы. Однако чаще всего его считают одним из десяти Праджapati, которые произошли от Брахмы.

Стр. 369. *И предки, видя: от потомства надежд на жертву нет сейчас,* — *// Едят не вволю, ибо пишу откладывают про запас...*— Во время поминального обряда (шраддхи) сын подносит покойному отцу жертвенные клецки (пинда), подслащенное топленое масло (свадха) и воду. В том случае, если обряд свершить некому, покойник страдает на том свете от

голода и жажды. Предвидя угрожающую им беду, предки откладывают пищу про запас.

Я словно та гора, что встала меж двух миров...— По представлениям древних индийцев, земля окружена кольцом из гор, отделяющих видимый (земной) мир от невидимого (потустороннего). Находясь внутри этого кольца, солнце освещает одну сторону горы, уходя за его пределы — противоположную.

Стр. 370. *Сурабхи* — мифическая корова, исполняющая все желания. Принадлежит Васиштхе.

В то время слон в небесной Ганге шумел...— Речь идет об одном из восьми слонов-земледержцев, которые время от времени покидают свое место, чтобы выкупаться в небесной Ганге.

Нандини (буквально: «Радостная») — дочь коровы Сурабхи.

Стр. 373. *Как бы за Откровением Преданье*.— Под Откровением подразумеваются священные тексты, как бы сообщенные непосредственно богами (шрути), а под Преданьем — священные тексты, приписываемые реально существовавшим или вымышленным лицам (смрити).

Стр. 378. *Раху*.— См. прим. к стр. 80.

Стр. 383. *Сокрушитель городов* — один из постоянных титулов бога Индры.

Пять планет воссияло при блеске светила дневного...— Появление днем светил, которые можно видеть лишь ночью, по мнению древних индийцев, предвещало необычайные события.

Стр. 384. *И обрел свою жертву огонь, полыхающий справа...*— Считалось хорошей приметой, когда огонь охватывал жертву сперва справа, а потом уже слева.

Б. Захарин

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Захарьин. Калидаса и его творчество</i>	5
---	---

Д РА М Ы

Малявика и Агнимитра	23
Мужеством завоеванная Урваши	99
Шакунтала, или Перстень-примета	183

П О Э М Ы

Облак-вестник	301
Рождение бога войны	333
Род Рагху	357
Примечания	385

Калидаса.

К17 Избранное. Драмы и поэмы. Пер. с санскрита. Пер. С. Липкина. Подстрочный пер., вст. статья, примеч. Б. Захарьина. М., «Худож. лит.», 1974.

408 с.

Творчество прославленного индийского драматурга и поэта Калидасы пользуется широчайшей известностью не только на его родине, но и во всем мире.

В этот сборник вошли три пьесы, авторство которых считается бесспорным: «Малыгина и Агнимитра», «Мужеством завоеванная Урваши» и «Шакунтала, или Перстень-примета», поэма «Облак-вестник» и отрывки из двух других поэм «Рождение бога войны» и «Род Рагху».

Все переводы — новые.

0734-171
К 0734-171 203-73
028(01)-73

И (Инд)

КАЛИДАСА
ИЗБРАННОЕ

Редактор
А. Ибрагимов

Художественный редактор
Ю. Коннов

Технический редактор
В. Кулагина

Корректоры
Д. Эткина
Н. Шкарбанова

Сдано в набор 25/I 1973 г. Под-
писано к печати 13/VII 1973 г.
Бумага мелованная, 120 г. Формат
 $84 \times 108^{1/32}$. 12,75 печ. л. 21,42 усл.
печ. л. 17,467 уч.-изд. л. Заказ
№ 68. Тираж 25 000 экз.
Цена 2 р. 98 к.

Издательство

«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Зна-
мени Первая Образцовая типо-
графия имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Госу-
дарственном комитете Совета Ми-
нистров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, М-54,
Валовая, 28

КАЛИДАСА

2 р. 98 к.